

ОБРУЧЕННЫЕ ОГНЕМ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вам когда-нибудь приходила в голову нелепая мысль, будто вы не с этой планеты? Нет, в целом вы обычный человек... только вот во снах приходят воспоминания о том, что никогда не случилось. А еще вы словно все время кого-то ждете.

Что если бы однажды этот «кто-то» действительно появился?..

«Обрученные Огнем» - художественная книга о Звездорожденных.

В основе сюжета - концепция "близнецовых пламен" - в авторской мифологии - "обрученных огнем", которые воплощаются на Земле для выполнения сложных совместных задач. Это добрая история для взрослых и юных фантазеров, местами страшноватая, местами смешная, ну и романтическая, разумеется. Любите сказки? Тогда, сколько бы вам ни было лет, вы подружитесь с этой книгой.

Автор киги: Оксана Def http://vk.com/altah_et

Художник: Елена Шехватова

<http://illustrators.ru/users/elshe/portfolio>

**С отзывами, вопросами и предложениями
обращаться к автору:**

http://vk.com/altah_et

или altah.et@gmail.com

"Я открою вам одну тайну... дело в том, что и вы, и я, и люди вообще... мы живем не на той планете. Почему влюбленные смотрят на звезды? Почему их так привлекает небо? И оно распахивается перед ними... Почему во сне мы разговариваем на неизвестных языках совершенно свободно, явственно видим ландшафты... А чувства? Яркие, прекрасные, которые мы забываем днем?.. Вам случалось узнавать людей, которых вы никогда не видели прежде? Это - фантазии?.. Но они больше, чем целая жизнь. Вы посмотрите на людей... ну разве стали бы они так обижать, так мучить друг друга, если бы знали, что они единое целое... если бы помнили... но все наши несчастья - кратковременны. Дети, наши внуки и правнуки, они поймут... они отбросят все мелкое, они будут любить друг друга..."

© "Фантазии Фарятьева"

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОГОНЬ

- ГЛАВА 1. ПРИТЯЖЕНИЕ
- ГЛАВА 2. СТОЛКНОВЕНИЕ
- ГЛАВА 3. ЧЕСТНЫЕ ОТВЕТЫ
- ГЛАВА 4. ВКУС ДРУГОЙ ЖИЗНИ
- ГЛАВА 5. ПАМЯТЬ
- ГЛАВА 6. ПРОБУЖДЕНИЕ
- ГЛАВА 7. БАБУШКИН СУНДУК
- ГЛАВА 8. НОВИЧОК
- ГЛАВА 9. ЯБЛОКО РАЗДОРА
- ГЛАВА 10. МЕЧТА О ПОБЕГЕ
- ГЛАВА 11. ПРОРОЧЕСТВО

ВОДА

- ГЛАВА 12. ФОРМУЛА ЛЮБВИ
- ГЛАВА 13. ПОТЕРЯННАЯ НАХОДКА
- ГЛАВА 14. ТАГИМАУСИЯ – «СЛЕЗЫ ВО СНЕ»
- ГЛАВА 15. ПОКУШЕНИЕ
- ГЛАВА 16. ВНУТРЕННЯЯ СУТЬ
- ГЛАВА 17. ОТ СУДЬБЫ НИКУДА НЕ ДЕНЕШЬСЯ
- ГЛАВА 18. ИЗ КЛАНА ОГНЯ
- ГЛАВА 19. АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ
- ГЛАВА 20. ХРОНИК-МАСТЕР
- ГЛАВА 21. ТЕАТР АБСУРДА

ВОЗДУХ

- ГЛАВА 22. КОМНАТА С ГРЯЗНЫМ ПОТОЛКОМ...
- ГЛАВА 23. БЕЗ ПРАВА НА НАДЕЖДУ
- ГЛАВА 24. СУПРУЖЕСКИЙ ДОЛГ
- ГЛАВА 25. НЕЗНАКОМЫ
- ГЛАВА 26. КАК В ДЕТСТВЕ
- ГЛАВА 27. РЕАЛЬНОСТЬ ПРЕПОДНОСИТ СЮРПРИЗЫ
- ГЛАВА 28. СОН И ЯВЬ

ГЛАВА 29. ОСОБОЕ МНЕНИЕ

ГЛАВА 30. ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ, О КОТОРОЙ НЕ ПИШУТ В УЧЕБНИКАХ

ГЛАВА 31. ВРЕМЯ СОБИРАТЬ КАМНИ

ГЛАВА 32. СОГЛАШЕНИЕ

ЗЕМЛЯ

ГЛАВА 33. НОВЫЙ МИР

ГЛАВА 34. ВСТРЕЧА

ГЛАВА 35. В РАЮ ВСЕ НЕ ТАК

ГЛАВА 36. ГОРОД НИГДЕ

ГЛАВА 37. ПОЭТОМУ МЫ ПЬЕМ!

ФЛЭШБЭК. ГЛАЗАМИ ТАИ

Воспоминания: запись первая.

Воспоминания: запись вторая.

Воспоминания: запись третья.

Воспоминания: запись четвертая.

Воспоминания: запись пятая.

Воспоминания: запись шестая.

Воспоминания: запись седьмая.

Воспоминания: запись восьмая.

Воспоминания: запись девятая.

Воспоминания: запись десятая.

Воспоминания: запись одиннадцатая.

Воспоминания: запись двенадцатая.

Воспоминания: запись тринадцатая, последняя.

ГЛАВА 38. ОТШЕЛЬНИК

ГЛАВА 39. ЗАПОВЕДНИК ОГНЯ

ГЛАВА 40. РЫЦАРИ КРУГЛОГО СТОЛА

ГЛАВА 41. ЖРЕЦ КУЛЬТА СТИХИЙ

ГЛАВА 42. СЕРДЦЕ И РАЗУМ

ЭПИЛОГ. ЖИТЬ

*Нет дорог кроме тех, что мы выбираем
Иногда один вынужден отвечать за всех*

ОБРУЧЕННЫЕ ОГНЕМ
фантастика, кидайт

ЧАСТЬ I - ОГОНЬ
1 - ПРИТЯЖЕНИЕ

Холод в библиотеке стоял такой, как если бы отопление не работало. Ржавые батареи были не способны отапливать обветшалое двухэтажное здание довоенной постройки с внушительного размера зазорами в оконных рамах. За окнами под ногами прохожих похрустывал снег, а в здании от сквозняка в унисон потрескивали обои, грозясь, вместе с паутиной и ее обитателями, обрушиться на ничего не подозревающих посетителей читалки. Сегодня любая деталь окружающей обстановки отвлекала от чтения.

Некоторые книги, хранящиеся здесь, уникальны, и не имеют цифровых копий, но вынуждены ветшать и сыреть. Их судьба здорово напоминает мою собственную. Мысль, что каждый человек похож на ту или иную книгу, хотя и не свежа, но идеальна для понимания характеров. Одна пестрая наружность скрывает гламурный женский роман, другая, деловая, с минимумом неброских но существенных деталей вроде ролекса и гладкого черного ствола, ненавязчиво торчащего из заднего кармана идеально скроенных брюк —

очередную попытку клонировать бондиану. Я же, это... какое-нибудь раритетное издание замороченной «Всеобщей теории всего» в классическом коричневом переплете. Настолько классическом, что такую обложку рядовой читатель открыть не потрудится. Я стою на полке с женскими романами и бондианами, расходящимися на ура, и хотя какой-нибудь коллекционер, возможно, оценил бы этот экземпляр, я продолжаю пылиться здесь, ведь коллекционеры присматриваются совершенно к другим полкам.

Таковы будни вундеркинда в общеобразовательной средней школе.

Казалось бы, зачем стучать зубами в стылую библиотеке за пять остановок от дома - в век информационных технологий?.. Домашним я на подобные вопросы отвечаю, что преподаватели требуют готовить рефераты не по сомнительным материалам без авторства, скачанным из интернета, а по надежным проверенным источникам... пусть и успевшим устареть за несколько десятилетий... но истинная причина в другом. Большинство книг, что здесь есть, я уже прочла. Несложно успеть, если читаешь с трех лет, и занятие это составляет основную часть твоего досуга. К настоящему моменту мое внимание переключилось на периодику - увесистые подшивки научно-популярных и разнообразных специализированных журналов. Это и компьютерные журналы, издания по лингвистике, современные литературные журналы, и многое другое, что не попадает в сеть сразу после выхода из печати. Я пробовала покупать, но деньги на карманные расходы кончились почти так же быстро, как и свободное место в домашнем книжном шкафу.

Процесс подготовки школьного реферата, которым я на сей раз объяснила родителям свой поход в читалку, вот уже полчаса как протекал достаточно вяло, поэтому идея перейти наконец к журналам показалась мне вдохновляющей. Скрывшись за стопкой энциклопедий, я раскрыла еще

хранящие запах краски плотные страницы. Так, что у нас тут? Очередная публикация на тему Розуэлла и Ангара 18, сопровождающаяся подлинными, как уверял комментарий, фотографиями (решив, что вроде-как-фотографии – не что иное, как плод совместной деятельности дизайнера и программы Photoshop, я перевернула страницу)... отрывок из книги американского гипнолога, во время своих сеансов сумевшего якобы узнать у пациентов об их прошлых жизнях и о том, что происходит с душой после смерти (хм... одна лишь мысль о регрессивном гипнозе по некоей загадочной причине пугала до дрожи в коленках, пришлось снова листать)... ну и вот: то, ради чего я взяла сей образчик печатной продукции, а именно – отчет моего кумира, шведского ученого Элиаса Кристенсена, о его последней экспедиции. В научном мире о Кристенсене сложилось неоднозначное мнение. Все дело в том, что именитый профессор астрофизики в какой-то момент, руководствуясь одному ему известными причинами, плюнул на официальную науку и занялся частными изысканиями в сфере непознанного, которую обиженные представители официального крыла клеймили как, цитирую, «псевдонаучный бред».

Ладно, сначала стоит прочесть отчет Кристенсена, а потом, может быть, и все остальное...

В статье профессор подробно описывал результаты своей экспедиции к месту падения Тунгусского метеорита. Он утверждал, что нашел там некий артефакт, подтверждающий непопулярную в официальных кругах инопланетную теорию происхождения данного «небесного тела».

Заявление официальной науки, представленной в данном случае в лице академика Шахоростова, гласило:

«С сожалением вынужден констатировать, что в наши дни появляется все больше сомнительных теорий, которые обретают нездоровую популярность. Благодаря сети интернет и так называемой «альтернативной науке» мир узнал о

чакрах, торсионных полях и прочей псевдонаучной ереси. Особенно угнетают ситуации, когда к подобного рода «ученым» в кавычках примыкает столь уважаемый в официальных кругах человек, как профессор Кристенсен. Мы не догадываемся о мотивах, побудивших его к тому, чтобы сменить взгляды, но со своей стороны вынуждены заявить, что официальная наука не имеет никакого отношения к подобного рода «открытиям», и вряд ли когда-либо станет иметь...»

Комментарий профессора парировал:

«Вынужден не согласиться с моим уважаемым коллегой, ибо взглядов, равно как и методов исследования, я не менял, а лишь пытался несколько расширить сферу изысканий. Не хотелось бы создавать прецедентов информационной войны и интеллектуального неравенства между так называемыми «официальной» и «альтернативной» сторонами. Как ученый и человек, содействующий прогрессу, я пришел к выводу, что обществу пора признать необходимость синтеза научного подхода первых и некоторых опальных идей вторых. Не стоит забывать, что термины «ересь» и «еретик» имеют отношение к деятельности Инквизиции, не являющейся научной организацией, и более того — способствовавшей физическому уничтожению прогрессивных ученых. Официальное крыло ждет материальных доказательств «еретических» теорий? Значит, кто-то должен их предоставить.»

Я улыбнулась. Официальные круги клеймят Кристенсиена за «предательство рядов», как фрика со склонностью к дешевой мистике, каких в обществе и впрямь хватает, но в данном случае обвинения явно не по адресу. Ибо большинство подобных фриков имеют большие пробелы в знаниях, и в качестве мотивации — столь же большую жажду рубля. Профессор, в отличие от них, заработал свою профессорскую степень трудом и достижениями, тем временем

зарегистрировав несколько патентов на изобретения, и таким образом приобрел немалый доход. Доход этот и стал тем самым источником, из которого осуществлялось теперь финансирование его «сомнительных» изысканий. Уважение официальной науки пошатнулось, когда Кристенсен покусился на «святое» - фундаментальные научные постулаты, - в частности, выдвинул ряд косвенных доказательств идеи о множестве обитаемых миров и вмешательстве их представителей в земную эволюцию. История знает примеры, когда исследователи, пытаясь превзойти установленные рамки, встречали всеобщий громогласный протест. И кое-кто в результате таких попыток даже сгорел. В самом прямом смысле, на костре. Однако, в наши дни «костры инквизиции» горят виртуально — профессор успеет добыть и предъявить свои доказательства. За этим самым поиском я давно и с огромным интересом наблюдаю.

Что-то неожиданно выдернуло меня из раздумий.

Холод вернулся вместе с ощущением реальности, но на сей раз оказал бодрящее действие. Я обвела взглядом зал. Все как всегда: пожилые господа в костюмах, дети, утопающие в фолиантах, вроде тех, коими я сама запаслась, парень и девушка, сладко слипшиеся за дальним столом и при этом пытающиеся сохранять видимость приличия (Диана, стыдись — это зависть), два изрядно «помятых» неформала на диванчике (непохоже, чтобы их привлекла сюда перспектива листать подшивки журнала «Аргументы. PRO ET CONTRA», скорее, прячутся от «весомых аргументов» шпаны)... снова джентльмены в костюмах (наверняка преподаватели), парень моего возраста (симпатичный блондин), пожилая дама со старомодной высокой прической, беспокойный мужчина средних лет, держащий в руках замусоленную папочку... глаза сами собой вернулись к блондину у библиотечной стойки. На вид — едва ли больше, чем мне, максимум лет

семнадцать. Хорошо сложен, хорошо одет... Редкое сочетание внешности, дорогостоящего гардероба и вкуса. Изучив объект своего неожиданного интереса внимательнее, я обнаружила один неоспоримый факт. Он не был симпатичным. Скорее, из тех редких людей, что кажутся красивыми всем - независимо от возраста, пола, национальности и личных предпочтений наблюдателя... ведь от этих людей веет какой-то притягательной силой. Харизма, магнетизм, особая энергетика... а может быть, банальное умение себя подать. На внешность тоже грех жаловаться - точеный профиль, правильные, гармоничные черты... Стройный, движения плавные, но вместе с тем отточенные, как если бы незнакомец... скажем, изучал восточные единоборства? Интересно, какая он книга?.. Обложка многообещающая уже потому, что его сложно с ходу определить на ту или иную полку.

Я начала входить во вкус своего наблюдения-экспромта. В это время блондин задал вопрос библиотекарю, и я поняла, что именно отвлекло мое внимание от чтения. Дело в том, что у меня врожденное лингвистическое чутье. Языки давались в детстве так легко, что в свои шестнадцать свободно говорю на трех – английском, немецком и испанском, и знаю некоторую лексику еще из десятка, пожалуй. У заинтересовавшего меня парня был едва уловимый акцент, похоже, какое-то время он жил в одной из скандинавских стран.

За лингвистическими экзерсисами я не сразу поняла смысл его слов, но, когда из ответа библиотекаря он обрисовался более чем явно, по моей спине прошел холодок: незнакомец спрашивал номер журнала, который в этот самый момент читала я.

Библиотекарь объяснила, что подшивка этого журнала существует в единственном экземпляре, и запрашиваемый номер сейчас на руках. Со все возрастающим интересом, я наблюдала за происходящим из своего книжного окопа.

Блондин ничего не стал уточнять, и поблагодарил за

информацию. Почти с тоской подумалось, что сейчас он выйдет из зала, лишив меня тем самым радости тайного наблюдения.

Однако, вместо того, чтобы покинуть читалку, парень окинул беглым взглядом сидящих, и самой что ни на есть уверенной походкой направился... напрямик ко мне! Мои брови поползли вверх. Я готова была поклясться, что он НЕ МОГ видеть журнала, поскольку тот в данный момент был закрыт от его взгляда несколькими томами оправдывающей свое название Большой советской энциклопедии, но... он остановился возле моего стола и произнес:

- Добрый день. Не помешаю?

- Все равно я давно ничего не вижу в книге, даже того, что в ней обычно видят вместо текста.

Он вежливо улыбнулся моей неуклюжей шутке и спросил чуть насмешливо:

- Разве вы читали что-то из формирующего этот «бункер»? Мне показалось, энциклопедии для отвода глаз.

Я вздрогнула от неожиданности.

Похоже, «отвод глаз» не сработал, иначе как бы он догадался, у кого из обширной аудитории читалки находится искомый журнал?.. Вот она, настоящая наблюдательность, рядом с которой мои жалкие потуги делать умозаключения смотрятся плачевно. Один-ноль.

Несколько секунд парень изучал мою реакцию. Затем, даже не пытаясь скрыть озорные искорки во взгляде ярких голубых глаз, продолжил:

- Ладно, каюсь. Краешек журнала виден с того места, где я стоял.

Бритва Оккама! Элементарно, Ди. Ну не читает же он твои мысли!

Блондин протянул руку для рукопожатия:

- Меня зовут Ланс.

- Диана, – ответила я, легко касаясь его пальцев.

Прикосновение отчего-то вызвало приступ нежности и

ностальгии по... затруднившись понять, какой такой ностальгии, я спешно отдернула руку.

– Вот не соврать – сейчас почти поверила в то, о чем читала!

Вы меня изрядно напугали своей блестящей догадкой.

Он снова улыбнулся... странная улыбка - по-детски чистая, но одновременно по-взрослому обезоруживающая. Я как раз задумалась, что значит это «по-взрослому», как Ланс сказал, бегло взглянув на журнал:

- Не просто увлечение, не так ли?

- УВЛЕЧЕНИЕ большими буквами. Откуда вы? Швеция? Дания?

Похоже, настала его очередь удивиться.

- Один-один. Мне казалось, я полностью избавился от акцента...

- Лингвистическое чутье, никакой мистики, честное слово.

- Чутье вас не подводит, я родился в Стокгольме и часть детства провел там... Но отец предпочитает часто менять место жительства... кстати, он урожденный датчанин, вы, можно сказать, угадали с обоими вариантами. Мы квиты.

Я было открыла рот, чтобы спросить его про единоборства, но сочла это уж совсем малопримлемым для первого разговора вопросом.

- Нашли в журнале что-то любопытное? – поинтересовался он как бы между прочим.

- Только одну статью. Отчет об экспедиции Элиаса Кристенсена.

Ланс ничего не ответил, но выражение его глаз изменилось. Из абстрактно дружелюбного и ироничного взгляд превратился в теплый, какой-то лучистый, и я почувствовала, что краснею, - ведь так не смотрят на случайных собеседников. Как если бы один из коллекционеров заблудился в стеллажах и обнаружил искомую «Теорию всего» на неподобающей полке.

Взьерошив ладонью льняные пряди порядком отросшей челки, блондин поднял глаза на настенные часы.

- Прости, Диана, мне пора.

Такой поворот событий не смог смягчить даже неожиданный переход на «ты».

- Приятно было познакомиться, - тихо ответила я, стараясь ничем не выдать своих эмоций.

- Взаимно. – Помолчав, он вдруг добавил быстро, с плохо скрытой грустью, - И я впервые, говоря это, действительно так думаю.

Двери читалки сомкнулись с тихим полускрипом-полустоном, но я продолжала сверлить их взглядом.

Может, все же вернется?..

Легкие шаги на лестнице стихли, на первом этаже гулко хлопнула входная дверь.

Брось, Диана. Ты же все равно не согласишься быть частью чьей-то обширной коллекции.

Однако, думать о том, чтобы вновь сосредоточиться на подготовке реферата, было по меньшей мере наивно. Тем более, один вопрос все еще продолжал занимать мои мысли, несмотря на то, что Ланс, кажется, уже на него ответил.

В сомнениях, я медленно поднялась с места и прошествовала к стойке библиотекаря. Сумасшедшая идея билась в виски.

- Еще что-то хотите взять? – приветливо поинтересовалась усталая женщина в очках с толстыми линзами.

- Нет, спасибо.

Я невежливо повернулась к ней спиной, торопясь проверить догадку.

Он стоял вот в этом месте, напротив часов.

Привстав на цыпочки, я уставилась на свой стол. Ну конечно!

Взгляду предстала внушительная стопка энциклопедий: ничего кроме красно-коричневых корешков.

«Должно быть, у него просто отличное зрение, - размышляла я, нервно теребя выбившуюся из хвоста прядь, - бритва Оккама. Отличное зрение-рентген!»

- Диана... Ты слышишь?..

Оглянувшись, я обнаружила, что стою босиком на толстой ветке огромного дерева. Оно казалось очень высоким, словно внизу нет земли, ведь нижние ветви с зеленой листвой надежно скрывали ее.

- Знаешь, зачем мы здесь?

- Ланс? Ты вернулся?..

- Я вчера совершил ошибку. Пойдем со мной.

Он стоял у ствола, протягивая мне ладонь, я — на середине ветви, в гуще зелени. Его глаза светились той самой теплотой.

- Решайся, времени почти нет.

Листва вокруг меня вдруг стремительно начала желтеть. Опора затрещала. И толстая ветвь, на которой я находилась, молниеносно высохнув, начала осыпаться пылью.

Я кинулась к нему бегом, но в этот момент ветвь обломилась

почти у основания. Я попыталась зацепиться за что-нибудь... вокруг был только воздух... и...

- Я тебя держу, - улыбнулся Ланс, схвативший меня за руку.

«Оставим чудеса для тех, кто ищет небеса для всех...» - всплыла в мое сознание песенная строка: на кухне тихонько играло радио. - «Оставим чудеса для тех, кто снится...»¹

- Диана, мы же договорились! - Мама сидела рядом с заготовленной чашкой растворимого кофе и бутербродами. - Опять забыла, что я просила не ложиться поздно? Ты обещала за медом сходить.

Идти нужно было в соседний дом. Мама подробно объяснила мне маршрут до жилища ее знакомого пасечника, по-видимому, продававшего свой уникальный мед исключительно ранним утром в воскресенье. Теперь можно было найти его даже с закрытыми глазами... не прозевай я все объяснения в самом буквальном смысле.

Со вчерашнего дня погода не изменилась. Ветер, в какой бы переулочек я ни сворачивала по дороге, почему-то неизбежно оставался встречным. Рой колючих снежинок впивался в лицо.

Да еще - как назло! - из головы не шел этот блондин с необычным для наших широт именем. Куда уж мне было запомнить адрес, после того как только что во сне я сорвалась с огромного дерева, и он едва успел меня подхватить...

Короткими перебежками от магазина к магазину, я все же сумела добраться до нужного дома. В парадном было немногим теплее, разве что без ветра. Собственно, парадное как таковое представляло собой длинную анфиладу арочных проемов с колоннами, по левую сторону располагались двери

¹ "Чудеса для всех" гр. Мои НЛО

подъездов, правая же пестрила затейливой формы балкончиками, террасами и многочисленными лесенками, спускающимися прямо во внутренний двор. Все это замысловатое буйство фантазии в целом напоминало залу старинного замка. Поговаривали, что когда несколько лет назад сей архитектурный шедевр был наконец сдан в эксплуатацию, создатель получил довольно крупную премию от городской администрации...

Недурно, однако, пасечники живут! Надо бы поднажать на биологию: в будущем займусь разведением пчел в надежде на приобретение подобной квартиры. Признаться, этот странный дом давно меня интересовал, все хотела побывать внутри и посмотреть планировку.

Вот, кажется, и нужный подъезд... я зашла в лифт. Следом вошла хрупкая миловидная женщина с объемным пакетом. Я нажала, как мне показалось, нужный этаж. Наконец двери лифта с натужным скрипом раскрылись и выпустили нас, но в этот момент ручки пакета оторвались, и спелые апельсины покатались по полу, подскакивая, как яркие теннисные мячи. Мы одновременно наклонились собрать их... и стукнулись лбами. Когда апельсины вновь оказались в пакете, и можно было наконец разойтись, мы обнаружили, что на сей раз намерены позвонить в одну и ту же дверь. Ситуация приобретала явный комический оттенок.

- А вы, наверное, тоже за медом?

- Нет, пчеловод Иван Петрович живет в другом крыле.

Я развернулась, чтобы уйти вглубь темного коридора в поисках загадочного «другого крыла», но женщина приветливо продолжила:

- В этом образчике свободного от всех канонов зодчества заблудиться немудрено. Я сейчас попрошу сына вас проводить.

Не припомню, чтобы часто слышала подобный цветистый слог в нашем городе от кого-либо, кроме, разве что, себя

самой... «Образчик свободного от всех канонов зодчества» произвел столь сильное впечатление, что я сразу не нашлась, что ответить.

Дверь квартиры наконец распахнулась.

- Мама, ты вовремя! – произнес Ланс, забирая у женщины сумки. – Диана? Привет. Заходите, чайник как раз закипел.

Мы с попутчицей в изумлении уставились друг на друга.

- Ну вот, - произнесла она, пропуская меня вперед, - похоже, вы все-таки не ошиблись крылом.

Вернувшийся из кухни Ланс помог мне снять куртку.

- Два-один в твою пользу! – озорно прошептал он. – Все-таки ты пришла...

- Не пришла, а заблудилась... – запутанно начала я, не выпуская куртку из рук.

Он театрально откашлялся.

– Истина в том, что Судьба привела тебя на мой порог, дитя...

- нараспев произнес Ланс, заглянув мне в глаза и драматически сдвинув брови.

- Есть идеи, зачем? – Я понятия не имела, как реагировать на его шутовское актерство, поэтому продолжала сохранять серьезный вид, хотя саму давно разбирал смех: судьба в лице моей безалаберности еще и не в такие места заведёт.

- Возложенная на тебя миссия - в том, чтобы... - на секунду мне показалось, что этот странный, но магнетически притягательный парень сейчас и впрямь изречет некое предсказание... Однако он прервал паузу, просто рассмеявшись, - ...выпить со мной чаю! Имей ввиду: отказ не принимается...

Под конец фразы Ланс не удержал требуемый для роли «нахмур бровей» и испортил весь «драматизм». С изрядным облегчением я позволила себе засмеяться вместе с ним: вот так разгадка сна, меня запоздало пригласили на чай!

Все вдруг стало само собой разумеющимся.

Попутно я получила шанс удовлетворить свое любопытство относительно планировки.

Квартира семьи Ланса была угловой. На первом уровне находились прихожая, гостиная, кухня и санузел, на втором, куда можно было попасть по резной деревянной лестнице прямо из коридора, располагались спальня и кабинет. Из гостиной мы вышли на балкон, который занимал оба уровня и был превращен в оранжерею. Тут и там с потолка свисали невообразимые выюнки, так и пестрящие яркими цветами. На полу стояли кадки с кактусами-фикусами и прочей флорой, в которой я, к стыду своему, совершенно не разбиралась.

- Мама обожает экзотические растения, - пояснил Ланс, наверняка решивший ликвидировать мой позорный пробел в ботанике, ибо вполне удобоваримые предложения он то и дело пересыпал длинными латинскими названиями. – Вот эта лиана с крупными розовыми цветами, *campsis grandiflora* – из семейства бигнониевых, привезена отцом из Китая, а вот очень интересный экземпляр, листья, видишь, напоминают олени рога – это *platycerium bifurcatum*, эпифитный папоротник, его родина Австралия. Это растение с длинными зелеными листочками, *chrysalidocarpus lutescens* – с Мадагаскара. *Chrysalidocarpus* довольно капризен в плане микроклимата, вообще-то, и в комнатных условиях, говорят, не цветет. Как видишь, этот зацвел. Мама его не иначе как заклинала...

Интересно, кто же заклинал Ланса на запоминание всех этих монструозных латинских слов, поразивших даже мое дружественно настроенное к лингвистике воображение. Он произносил неудобоваримые названия с такой легкостью, словно рассуждал о тропических растениях каждый день, - без напряжения и снобизма. Похоже, Ланс действительно интересовался темой, ведь когда цель - только создать впечатление, глаза собеседника не блистают такой неподдельной увлеченностью предметом разговора. Я, наверное, не умру от скромности, но это был первый случай, когда сверстник играючи озадачил меня своими

интеллектуальными способностями. Вспомнив унылые школьные будни, сходные по «окраске» с серым веществом разве что смеха ради, я тяжело вздохнула. Вот бы учиться с такими, как Ланс. Столько всего можно было бы узнать, и никто не стал бы дразнить меня ходячей энциклопедией...

- Я утомил тебя латынью, - засмеялся мой догадливый собеседник.

В этот момент приятный мужчина преклонных, как мне в мои шестнадцать неизбежно показалось, лет сорока пяти, заглянул в оранжерею и сообщил с лукавой ухмылкой:

- Ланс, сынок, самое время для экскурсии на кухню, если хотите застать чай еще теплым.

Акцент куда более заметен, чем у сына. Милое круглое лицо, светлые, вперемешку с седыми, пряди волос, прямой взгляд пронизательных глаз, закрытых маленькими очками с прямоугольными стеклами, серый джемпер, из-под которого выглядывает белый накрахмаленный воротничок, - весь его образ показался мне знакомым, как если бы я раньше уже встречалась с этим человеком.

Ланс охотно отвлекся от ботаники и произнес:

- Диана, познакомься с моим отцом.

- Элиас Кристенсен, - запросто, как будто в имени этом не было совершенно ничего особого, произнес мужчина, пожимая мою руку.

- Ведь и правда! – вырвалось у меня.

Теперь понятно, почему мне так знакомо его лицо.

В течение всего завтрака профессор Кристенсен травил забавные «экспедиционные» байки, Ланс же то и дело отпускал юморные комментарии относительно тех приключений, в которых участвовал. Каждый раз в его изложении ситуации принимали совершенно иной оборот, чем у отца, и профессор начинал со смехом спорить, изобильно вставляя в речь шведские слова, которые Ланс

переводил мне по ходу спора. Услышав перевод, отец морщился и отмечал, что «ах, недоглядел!», вследствие чего швед Ланс Кристенсен напрочь забыл шведский, зато болтает на русском языке, как вполне российский Иван.

- Помнится, поехали мы на конференцию в Амстердам, - начал профессор очередную историю, лукаво ухмыляясь. - Поселились там в шикарном отеле с до того простым названием, что я его тут же забыл. До конференц-зала нас машина довезла, обменялся я там с коллегами опытом, а назад Ланс захотел пройтись пешком и без моего ведома отпустил водителя. Идем мы, значит, по этому прекрасному городу, благослови его господь, скупаем все сувениры и открытки подряд... и тут я понимаю, что совершенно не помню, как попасть в отель. Забыл название, а магнитную карту «предусмотрительно» оставил на ресепшне, чтоб не оставить случайно где-то еще! И дорогу запомнить не потрудился. Конфуз. А Ланс идет, газировку попивая, и фасады разглядывает.

- Я вспоминал старые мультфильмы, в которых дома изображены как бы нависающими над улочками, - увлеченно подхватил Ланс. – Это казалось просто образом... пока мы не попали в столицу Нидерландов. Дома там в самом прямом смысле на вид несколько кривоватые, как бы вогнутые, и нависают над улицами, так что в некоторых особо затейливых переулках, до того узких, что не каждый гражданин способен в них просочиться, вместо неба над головой - коньки крыш...

- Да-да, по дороге целую теорию развил, насчет особенностей голландского зодчества, хе-хе...

- И тут родной отец вдруг останавливается как вкопанный и начинает сыпать крепкими словечками. Я было решил, что его мои размышления так возмутили...

- ... а оказалось, что я сам себя возмутил - своей рассеянностью. Представляете, Диана, юный пройдоха выяснил, из-за чего я, как в России говорят, сыплю пепел на голову, и - аккуратно подвел к мысли, что раз уж мы все равно

заблудились, то надо провести день с пользой – что, по его мнению, означает - посмотреть окрестности. Когда же я смирился с неизбежным, и мы обошли заинтересовавшие Ланса закоулки, негодник быстренько вывел нас на одну из центральных улиц, где невозмутимо указал на отель, вот уже несколько часов являвшийся целью моих бесплодных поисков, сообщив к тому же, что мы проходили мимо несколько раз, но я этого не заметил!

- Люблю твою рассеянность, пап, ведь, заметь ты отель сразу — не заметил бы остальной город.

- Как говорится, обстоятельства удачно стеклись, - с серьезным видом согласился профессор, и удивленно вздернул брови, когда от смеха я подавилась бутербродом. – Что?

- На глазах у изумленной аудитории у профессора из теоремы вытекло доказательство, - хмыкнул Ланс, цитируя радишутку. – Предлагаю бартер: разговорный шведский в обмен на русские идиомы.

Многочисленные журналы, печатавшие отчеты Кристенсена-старшего, никогда не упоминали фактов его биографии.

Шведский профессор женат на русской женщине родом из нашего городка?

Его единственный сын – одного со мной возраста?

По загадочным личным причинам они недавно переехали на родину его жены?..

Могла ли я когда-либо предполагать, что буду вот так запросто пить с ними чай в десяти минутах ходьбы от собственного дома?..

Мать Ланса, Ольга Михайловна, выглядела, в отличие от шутника профессора и очаровашки сына, тихой и молчаливой. Она не вступала в разговор, только периодически подливала чай и подкладывала в наши тарелки салат и тосты.

- Так вы, значит, интересуетесь аномальщиной? – вроде бы ненароком осведомился профессор.

Ольга Михайловна чуть нахмурилась и тронула его за руку:

- Илья, не пришло ли время дать детям пообщаться без нашего избыточного внимания?..

Элиас улыбнулся ей одними глазами и вновь повернулся ко мне. Он смотрел на меня внимательнее, чем хотел показать.

- Как вы догадались?

- Ланс рассказывал о вашей встрече в библиотеке. Я, кстати говоря, польщен интересом к моим исследованиям.

- Ты рассказывал обо мне? – я взглянула на Ланса с робкой улыбкой.

Но ведь наша встреча сегодня - чистая случайность. Разве, заинтересовавшись мной настолько, чтобы поделиться с родными, он не должен был взять телефон, или назначить встречу, или...

Ланс улыбнулся и вместо ответа откусил кусочек тоста.

- Сын часто о вас рассказывал, - неожиданно произнесла Ольга Михайловна, встречаясь со мной глазами.

- Ладно, ребята, нам еще столько всего нужно успеть... - проговорил профессор, торопливо вставая из-за стола и подавая жене руку. – Рады знакомству, Диана.

«Часто рассказывал?..»

Кажется, на сегодня слишком много впечатлений...

Сказать, что заинтригована – ничего не сказать.

Выхожу из подъезда и тут же поскальзываюсь. Снегопад усилился, гладко утоптаные дорожки успело замести, и обнаружить коварный лед под слоем снега можно, уже потеряв равновесие.

Ланс, с банкой меда в левой руке, свободной правой подхватывает меня – и вовремя.

- Готов испытать на прочность стекло и нервы? - Для верности держусь за него покрепче.

Он переводит взгляд с моего лица на добытую для мамы трехлитровую банку.

- Сейчас узнаем, что прочнее...

Всего лишь десять минут до моих дверей.

- Ты веришь, что все в жизни не случайно?

- Пожалуй. Кстати, зачем ты зашел в библиотеку?

Отводит глаза.

- Пришло время встретиться?..

Ммм?.. Мне остается одно из двух: либо сделать удивленное лицо, чего я не люблю, потому что выгляжу при этом довольно глупо, либо озадаченно почесать затылок, чему мешает шапка. Поэтому я выбираю третье - промолчать... и банка с медом кочует в мои руки.

- Вот так «время встретиться» превращается во «время прощаться»?..

Хотела же промолчать... эх...

Странно. Мне впервые не нравится идея провести вечер дома за компьютером. Поэтому жду, чтобы он сказал еще что-то. Чтобы он сказал что угодно. Например, что наши нервы не так уж плохи, банка цела, и значит, можно еще погулять. Или, что время прощаться – на вокзале, а мы всего лишь у меня на пороге.

Беспомощно смотрю на банку в правой руке и считаю про себя: раз, два, три, четыре... скажи хоть что-то. Левая рука на ручке входной двери. Не слишком удобная диспозиция, чтобы ждать долго.

Вскидываю на него глаза, и только тут понимаю, что дождалась.

Улыбка Ланса определенно обладает свойством вызывать ответную.

Снимаю верхнюю одежду.

Вешалка. Подставка для обуви. Зеркало. Итак...

Насыщенного бирюзово-зеленого цвета глаза, длинные каштановые волосы, которые я обычно ношу убранными в хвост. Скулы изрядно выступают... прибавить к этому кожу без тени румянца а-ля оголодавший вампир, средний рост и хрупкое телосложение... внешность вполне привлекательная, но слишком холодная, ничегошеньки гламурного и нежно-женственного – то бишь, как раз того, что нравится парням, - во мне нет... Если меня и можно было бы назвать симпатичной, то только не рядом с безусловно красивым Лансом. Единственное, что делает нас похожими, это отрешенное, «неподростковое» выражение глаз... Значит, «время встретиться», да? Прискорбно, конечно, но констатирую - дело не во внешности.

Что же она, все-таки, имела ввиду, говоря: «Сын часто о вас рассказывал»?..

Выскочив из опостылевших застенок родимой школы, я жадно вдохнула густой влажный воздух. На улице потеплело: мороз спал, снег подтаял и как результат жители нашего города приобрели густой туман, а кое-кто – и изрядное

количество синяков, потому как подтаявший снег сделал скрытый под ним лед еще менее способствующим непринужденной ходьбе.

- Эй, Стогова, не потеряй в тумане бесценные мозги! - крикнула вслед Хвостова. - Единственное ведь, хаха, достоинство!

Мне захотелось прибавить шаг, но я сдержалась. Если сейчас позволю себе растянуться на земле, то в который раз стану героем школьных анекдотов.

Сила трения на мокром льду отсутствовала напрочь, зато естественная гравитация и не думала никуда исчезать, поэтому перспектива неожиданной встречи с земной поверхностью меня смутила. Пришлось пойти осторожно и очень медленно. Если бы кто-то из дома напротив мог видеть меня сквозь плотную завесу нанизанных на невидимые воздушные нити капель, он бы решил, что я изрядно злоупотребила спиртным. Но сегодня хотелось гулять, несмотря ни на какие неудобства.

Сложные условия ходьбы помогли отвлечься от набивших оскомину мыслей об одноклассниках, а заодно перестать предаваться не в пример приятным воспоминаниям о Лансе.

С момента моей прогулки за медом прошло чуть меньше недели, и все это время я не переставала перебирать в памяти события воскресенья... тот хмурый зимний день казался мне замечательным, одним из лучших, что у меня когда-либо были, но вместе с тем, думая об этом, я ощущала все возрастающую тревогу, словно... что-то упустила из виду, что-то важное, что висело в воздухе. Словно не задала главный вопрос... Правда, таковой пока что возникал лишь один, и тот – к самой себе: что же за жизненно важный вопрос я забыла задать?..

Надо будет вспомнить об этом, когда снова его увижу.

В том, что мы увидимся, я почему-то не сомневалась. Но, едва подумала об этом, как желание увидеть Ланса прямо сейчас,

не откладывая,хватило меня целиком. Ноги, задолго, видимо, предугадав настроение хозяйки, вкуче с дующим в спину ветром несли меня напрямиком в направлении заветной многоэтажки... Нет, все-таки неудобно. Навязываться после того, как неким невероятным образом однажды уже угодила к нему домой... Я уверенно повернула обратно.

Поток воздуха, из попутного мгновенно превратившись во встречный, выбил из глаз скупую слезу. Желание увидиться только усилилось, и, чем дольше я пыталась противостоять порывам души и ветра, тем обильнее делались мои «скупые слезы». Наконец я развернулась вновь и бодро направилась к его дому, костеря себя, на чем свет стоит.

Мама бы сейчас неприминула сказать, что делать повторный «первый шаг» – отличный способ потерять внимание мужчины, даже если таковое – удивительно! - существовало. Но, с другой-то стороны, я никогда никому не навязывалась, однако очереди из жаждущих меня видеть парней за дверью до сих пор почему-то не стоит. Не пора ли изменить стандартной логике с неведомым авантюрным подходом?..

Увлечшись этим «философским» вопросом, я не уделила должного внимания особо скользкому участку дороги.

- Ай! – бессмысленно пытаться удержать равновесие, когда одна нога уже потеряла опору, а на вторую упала сумка с учебниками.

Однако в этот драматический момент кто-то подхватил меня под руки.

Думаю, я просто обязан тебя проводить, - произнес Ланс, изящно вернув меня в вертикальное положение и поднимая сумку. – Куда идем?

Так или иначе, а желание все-таки сбылось. Тот, кого я так жаждала видеть, оказался тут как тут, собственной персоной, откинул с лица непослушную челку и дружески улыбается... Темное кашемировое пальто распахнуто, как будто на дворе стоит солнечный апрель, белый хлопковый джемпер и летние

джинсы вкупе с туфлями на тонкой подошве вряд ли хоть сколько-нибудь согревают, но Ланс, кажется, не испытывает от нашей погоды ровным счетом никаких неудобств. А я в это же время скольжу и кутаюсь в шарф...

Уж не знаю, как эффективнее было бы уронить свою репутацию: заявившись второй раз к Лансу домой, или, как только что: уронив заодно с репутацией себя - в его заботливые руки...

– Вообще-то, у меня нет конкретной цели...

Честнее добавить: уже нет.

- Значит, надо придумать, потому что моя цель сводилась к тому, чтобы встретить тебя. И вот – своевременная «случайность», к моим услугам, – усмехнулся он, и мы пошли рядом.

- Своевременная случайность в квадрате, - не удержавшись, я продолжила, пробуя на вкус авантюрный подход, - как раз думала о тебе. А какие у нас варианты?

- Предпочитаешь плотный обед в ближайшем кафе, или бутерброд с кофе у меня дома? Расстояния примерно одинаковые.

- Расстояния – да, а сервис? – поинтересовалась я наигранно деловым тоном.

- В отличие от официантов, я приму твои жалобы к сведению, - парировал Ланс в том же духе, и мы свернули на аллею, ведущую к его дому.

Оба уровня квартиры пустовали.

Раньше подобный поворот дел неминуемо смутил бы мою неискушенную, и вследствие этого полную навязанных телеком опасений натуру.

- Мама с папой в Брюсселе, - обронил Ланс, доставая продукты из холодильника. – Вернутся к выходным.

- Как же ты один будешь на хозяйстве?..

- Да я привык.

Курица заранее разморожена, лежит на мойке. Зелень и

чеснок шинкует с такой скоростью, как будто у шеф-повара ресторана стажировался.

Привык?.. Верю.

Почему-то вдруг подумалось, что, знай я эту семью подольше - не обратила бы на отсутствие родителей внимания, - постоянные разъезды, похоже, являлись характерной чертой Кристенсенов. Они вообще были «другие». Что конкретно это значит, я пока не разобралась, единственное, что бросалось в глаза с первой минуты общения, - другим в них было почти все. Широкий кругозор и невероятная образованность сочетались с простотой в общении, богатство каким-то чудом ужилося с легкостью в отношении к деньгам, а опыт - с изрядной долей доверия к окружающим. Семья эта, совершенно очевидно, полна сюрпризов, как рог - изобилия, причем сюрпризов почему-то сплошь приятных.

Но Ланс отличался даже от своих родителей. Порой, кажется, и они не смогли бы догадаться, о чем он думал и чего хотел. Кристенсены - словно ларец с секретиком, а секретик - это как раз Ланс и есть. Секретик, одновременно и ключ...

Я встряхнула головой.

Нет, мне, конечно, свойственно растекаться мыслью по древу, но чтобы настолько... это же надо - размышлять о человеке, которого вижу третий раз, словно знаю его не одну жизнь.

Вместо бутерброда мы решили зажарить предусмотрительно размороженную курицу. Пока я возилась с оформлением «цыпленка табака», Ланс сварил мне обещанный кофе, и, отхлебнув немного, я мигом оценила «сервис».

- Если ты обещаешь готовить такой кофе каждый раз, то я, пожалуй, стану постоянным посетителем.

- Тогда ты будешь моим VIP-клиентом. Первым и единственным.

Захотелось задать один невероятно бестактный вопрос насчет первых и тем более единственных. Раз уж я сегодня с самого начала веду себя «не по правилам»...

- Ланс ... ты не против сыграть в одну игру?

- Для VIP-клиента – все, что угодно, - улыбнулся он, продолжая раскручивать шутку.

- Самый быстрый способ узнать друг друга - игра «Честные ответы». У меня уйма провокационных вопросов.

Он все еще улыбался, но на миг мне показалось, что на лицо легла тень... сомнения? Впрочем, возможно, мне слишком многое кажется.

- Отлично, тогда по очереди. Право первого хода у тебя.

Тот же теплый взгляд... определенно, я слишком мнительная.

- Так. – Задумалась, с чего бы начать. – Твое любимое занятие? Хобби?

- Любое, в котором необходим творческий подход.

- Например?

- Рисование. Вокал. И конечно - о, ужас - учеба.

- Окей, твоя очередь.

Его взгляд мгновенно сделался внимательным и цепким.

- Твои идеалы? В чем главная ценность жизни для тебя?

Ничего себе, сразу тяжелая артиллерия.

- Ну... - я замялась. – Основная ценность... это цельность, прости за каламбур. Жить единым порывом. Знать, куда иду. Видеть путь, и чувствовать, что он правильный, а значит, и единственный...

Я, кажется, поймала волну, потому что почувствовала, что могу продолжать отвечать еще более развернуто, но в этот момент Ланс кивнул – настала моя очередь спрашивать. И снова мне увиделось нечто странное в его глазах, когда я говорила. Понимание, на сей раз?

- Что ты ценишь в людях? Каких людей ты считаешь своими друзьями?

- Ценю отвагу, честность, умение быть верным. Умение отречься от многого ради главного. В частности, то, что ты сказала – цельность, верность выбранному пути. Я ответил?

- Нет. Про тех, кого ты называешь друзьями. Они именно такие?

Секунду, казалось, он размышлял, стоит ли отвечать.

- Твои друзья, что, не обладают этими качествами?

- У меня их нет.

Увидев удивление, крупными буквами написанное на моем лице, он продолжил:

- То есть, я хочу сказать, нет за пределами моей семьи. Но отец и мать – они как раз такие. - И продолжил, не давая мне придаться к ответу, - Теперь ты. Каков твой единственный путь? В чем он?

О да, зря я предложила эту игру. Ланс, как оказалось, умеет в два счета положить противника на обе лопатки. Ну что ж, сама поставила условие, что надо отвечать честно.

- Я... еще не знаю.

В свете того, как я буквально только что вдохновенно живописала свою приверженность единой цели, «не знаю» прозвучало невероятно глупо. Но этот ответ почему-то его удовлетворил. В глазах снова отразилось понимание, причем мне грешным делом почудилось, что он понял меня гораздо лучше, чем я сама себя понимала.

Ладно-ладно. Сейчас применю твою тактику продолжать первоначальную линию.

- Ланс... ты сказал, у тебя нет друзей... но как так получилось? Многие хотели бы дружить с тобой, это очевидно.

Он поморщился, словно от острой боли.

- У тебя нет другого вопроса?

- Нет, пока только этот.

- Хорошо. У меня нет друзей с того момента, когда я увидел, как ты говоришь, свой «единственный путь». Я пресекал всякие попытки завязать со мной дружбу или романтические отношения. Потому что не имею права брать на себя эту ответственность.

Желая показать, что с каверзным вопросом на сей раз все, мой ответственный противник взял с блюда изрядного размера куриную ногу и принялся как ни в чем не бывало ее уплетать.

Но почему нельзя взять на себя ответственность любить и дружить? Я прикинула, сколько девушек уже пострадало из-за его нарочитой отчужденности... Хотя контору открывай с вывеской «Бью сердца оптом, в промышленных масштабах». И внизу предупреждающая табличка с трансформаторной будки: «Не входить. Опасно».

В груди нехорошо екнуло. Интересно... а где, по его мнению, кончается знакомство и начинается дружба, любовь, и ответственность?.. Не перешла ли я, не удосужившись «прочсть таблички», тот самый Рубикон, и не окажется ли сердце бедняжки Дианы... кхе-м, масштабы-то промышленные, и это становится не смешно.

Ланс отложил то небольшое, что осталось от куриной ноги, и прервал эти невеселые думы:

- Моя очередь. Ты упоминала, что не знаешь еще своей цели. Но... скажи... когда ты бывала занята каким-то любимым делом, или общалась с кем-то, возможно, ты чувствовала, что это занятие или люди как-то связаны с твоей задачей?

Бинго! Прошелся почти по всем «болевым точкам».

- Бывало такое, ты прав.

- Когда и как?

О, вот теперь точно по всем.

Что ж, будь что будет, let 'em all come. Лучше как можно раньше получить свое сердце назад по частям: вдруг они окажутся не очень мелкие, и я еще смогу его склеить?..

- Когда читала статьи твоего отца. Когда... когда встретила тебя. Особенно – после той странной фразы твоей мамы. И еще... словно что-то забыла и не могу вспомнить.

В его глазах читалась опасная смесь чувств: понимание, уверенность, радость, плюс боль, отчаяние, и беспомощность... Разве для семнадцатилетнего парня это в порядке вещей? И часто ли семнадцатилетние говорят об ответственности? Не за себя, но за кого-то, кто может от них эмоционально зависеть? Определенно, с Лансом что-то

происходит, ведь не задумается мальчик из успешной и обеспеченной семьи о таких непростых вещах по собственному желанию?..

Вспомнилось несколько просмотренных недавно драм. Бедность, насилие, алкоголизм и наркомания... нет, не то. Смертельно болен?

Вряд ли больные люди могут быть так красивы.

- Если тебе станет от этого веселее, я чувствую то же самое рядом с тобой, - тихо и просто сказал Ланс, коснувшись моей руки. – Поэтому на тебя правила не распространяются...

Тут бы мне улыбнуться и смолчать, но я выпалила прежде, чем вдумалась в смысл:

- Неужели? А ответственность?

Он вздрогнул, как от пощечины.

- Давай посмотрим кино.

- Подожди, у меня еще вопрос.

- Хочешь, сварю кофе по другому рецепту?

- Ланс. Последний вопрос! Честно.

- Не надо. Ты уже выиграла.

- Но я хочу понять!..

Он вздохнул и устало откинулся на спинку дивана, закрыв глаза.

- Задавай.

- Почему ты не хочешь подпускать людей близко? Чего ты боишься?

- Не хочу причинять боль.

- Откуда ты знаешь, что сделаешь больно? В чем причина?

- Диана, уймись, умоляю, - засмеялся Ланс. – Пожалей подопытного.

Заинтриговал, а теперь наивно полагает, что сможет отделаться шуткой?..

Я подавила хитрую улыбочку.

- Хорошо, уймись, но в таком случае мне останется просто додумать ответ самой. Что, если я решу, что ты – излишне совестливый маньяк-садист, который не хочет мучить

любимых и близких, а согласен только на малознакомых? Или, может быть, в полнолуние ты обрастаешь шерстью и убегаешь на охоту? Нет... для оборотня слишком утонченная натура... ну тогда – вампир. Судя по кинематографу, вампиром нынче быть модно. Они, говорят, аристократы? Любят искусство, готику, декаданс, а в рамках декаданса – с надлежащими извинениями вонзить зубы в нежную девичью шею...

- Диана... - взмолился Ланс под впечатлением от моих «гуманных» версий. – Пожалуйста, не заставляй говорить сейчас, иначе ты и вправду решишь, что я спятил.

- Значит, версия о маньяке ближе всего? – уточнила я, делая серьезный вид.

- Знаешь польскую группу Believe? – Поинтересовался он, нашарив какой-то предмет за спинкой дивана. – В альбоме Hope to see another day у них есть трек под названием Rain. Жаль, правда, у меня нет этого диска. Давай так. Я тебе кое-что из песни процитирую, и на сегодня закроем тему «Честных ответов».

С этими словами Ланс извлек из-за дивана гитару и принялся проверять строй. Мне ничего не оставалось, как согласно промолчать, поскольку, во-первых, было интересно наблюдать за его манипуляциями, а во-вторых, выбор, судя по всему, у меня не велик.

Перебрав струны и подкрутив колки, Ланс остался доволен результатом. Один аккорд, второй... и затем пальцы левой руки свободно заскользили по ладам, зажимая нужные ноты...

Что ж... неплохо играет...

I will tell you a story
About an empty hollow town...
Where the river of fire
Flows to the empty sky...

I'll tell you everything
In detail all I see
Every rape, every death
Lasts forever, so it seems...
Pain...
Can't sleep with all I have in mind...

... и очень хорошо поет... голос чистый, глубокий, какой-то заволаживающий, и песня звучит так искреннее... подобные интонации бывают у людей, когда они говорят о давно наболевшем. В общем, интонации соответствуют характеру песни.

...Pain...
Can't sleep I'll tell you what I fear
The city burns it burns me out
As I fall from the empty sky...

И эта манера петь с закрытыми глазами, словно переживая все наяву... я попробовала последовать его примеру, и на секунду, мне показалось, вдруг увидела падающий с неба метеор... или нет? Горящий шаттл? Или?..

I will tell you a story
While you open the wine
River of blood flows
Drowning all alive...

... гроза, молнии, и ветер, словно бешеный пес, сорвавшийся с цепи, носится по улицам... Распахнутая в темноту дверь... Отблеск пожаров и сквозь вой бури – кажется, крики о помощи?..

И отчаяние, удушающее отчаяние, грозящее раздавить, словно свинцовой плитой...

Ничего себе, как я прониклась, даже образы наяву чудятся –

подумала, и видение рассеялось. Я просто слушала его волшебный, полный искреннего чувства голос.

Pain...

Can't sleep with all I have in mind...

Let me tell you, what I need

A smile is all I need

Pain

Can't sleep you pour me another glass

A glass of wine to a stranger

You have no fear...

Welcome...²

2Композиция Pain группы Believe, альбом Hope to see another day.

«Я расскажу тебе историю опустошенного города, где огненные реки достают до небес, расскажу о том, что видел насилие и смерть, длящиеся, кажется, вечно... Боль... от этих мыслей мне не уснуть... не уснуть, и я расскажу тебе о своем страхе: о том, как город, сгорая, сжигает и меня, падающего из пустого неба... пока ты открываешь вино, я расскажу о реках крови, в которых тонет жизнь... боль... с этими мыслями не уснуть, и я скажу тебе, в чем нуждаюсь, - всего лишь в улыбке... боль... никак не уснуть со всем тем, что есть в памяти, и ты снова наливаешь мне стакан вина, стакан вина для чужака... приветствуя его... тебе не страшно»
(вольный перевод автора)

Что-то необратимо изменилось во мне, я чувствую, - чувствую, но никак не могу понять, что.

Мы ведь знакомы не больше месяца, и тем удивительнее кажется то ощущение родства и понимания, что связало нас с самого первого дня... Ланс наверняка всю злоупотребляет силой своего природного обаяния... ибо притяжение непреодолимо.

Дело в том, что с ним и беседовать и молчать одинаково комфортно – мы не ощущаем неловкости, словно понимаем друг друга без слов...

Весь этот месяц я пыталась определиться, осознать, что-то проанализировать, как всегда, и раз за разом терпела неудачу.

Видеть его, быть с ним постоянно – это стало моим единственным желанием. Я перепробовала все варианты кофе, который Ланс умел варить, и все они оказались одинаково вкусными. Мы пересмотрели терабайты фильмов и переслушали гигабайты музыки, обошли все галереи и выставочные площадки в городе, и стали планировать выбраться в столицу в поисках чего-нибудь новенького. Ланс

объяснял мне самые сложные школьные задания, в его подаче начинавшие казаться проще простых, и рассказывал о разных нелепых вещах. Он был единственным, кто не фыркнул «у тебя компьютер вместо головы!», если я в ответ предлагала обсудить прочитанную на днях статью на тему космологии. Рядом с ним, единственным, пожалуй, мне всегда было уютно. Все, что бы мы ни делали вместе, будь то шуточная битва на подушках или упрощение «многоэтажной» дроби, не покорившейся мне на уроке, - все казалось единственно правильным. Те неизбежные моменты школьной жизни, которые еще недавно отравляли мое существование, начали выглядеть несущественными теперь, стоило лишь подумать: пройдет несколько часов, и тогда я выйду из школы и возьму за руку своего лучшего друга.

- ... Диана!

Я не слышала звонка телефона, и мама, появившаяся на пороге комнаты с трубкой в руке, сумела вытащить меня из очередной тупиковой цепочки размышлений не с первой попытки.

- ... говорю, тебя спрашивает на удивление воспитанный молодой человек, - многозначительно глянув на меня, повторила она и подала трубку.

- Привет, Ди. Звоню узнать, занята ли ты сегодня.

- Чем, например?

- Чем-то особенным.

Судорожное биение мысли наконец дало неожиданные результаты – сегодня же тридцать первое! Новогодняя ночь!

- Совершенно свободна, то есть никому до сих пор не понадобилась, - пожаловалась я, чувствуя, что там, по ту сторону провода, он улыбнулся ответу.

- Вежливее было бы сказать, что сожалею, - усмехнулся Ланс, – а честнее, - что рад, ведь ты понадобилась мне, но я был уверен, что у тебя планы. Наивно надеяться на иное,

вспомнив про Новогоднюю ночь только накануне.

В трубке слышались посторонние звуки, подозрительно напоминающие не то кашель, не то сдавленный смехок.

- Mam, pap? Если вы заметили, телефон занят.

- Вежливее было бы сказать, что не заметили, - не без ехидцы вставил отец с параллельного аппарата, - а честнее, молодой человек, что у вас с Дианой много общего. Если бы вы не напомнили ей про праздник, она бы, пожалуй, не сразу сообразила, по случаю чего на улице салютуют. И кстати, мы не станем возражать, если вы придете познакомиться.

Мама заглянула в комнату, как только я окончила разговор.

- Он ведь придет? – деловито осведомилась она.

Я сделала «страшные глаза», за что тут же схлопотала обиженный взгляд.

- Да, - произнесла мама тоном, вполне соответствующим взгляду, - да, я тебя учила, что подслушивать нехорошо. Но ты же сама никогда ничего не расскажешь!

В нашей семье звонящий мне молодой человек и впрямь приравнивался как минимум к краснокнижному виду, а то и вовсе считался аномальным явлением.

Я улыбнулась.

- Буду знать, как объяснять не вполне красивые поступки...

Обида в мамином взгляде сменилась явно преувеличенной укоризной.

- Разве моя любимая дочь не твердила в ответ на увещание найти себе компанию, что ей скучно со сверстниками? А тут - начинает вдруг пропадать после школы неизвестно где, затемно возвращается с таким загадочным и довольным видом, будто кто-то весь день кормил ее мороженым и читал вслух «Науку и Жизнь». Я, было, подумала, что ты записалась в какой-то технический кружок и вы там не меньше, чем самолет, собираете. И вот, - на тебе! - оказывается, все куда проще – у Дианы появился мальчик...

- Мама!

- А что?.. Скажи, он симпатичный? Чем вы занимались весь этот месяц, если не сборкой самолета?

- Читали вслух «Науку и Жизнь».

- Бессовестная! – шутливо воззвала к моему чувству справедливости мама. – Это ж надо – скрывать от родителей такую радостную весть: наша дочь из вундеркинда-затворницы превращается в нормального живого человека! Отец! Твоя бессовестная дочь утаивает от тебя, что влюбилась!

- Я не влюбилась!

- Бог услышал твои молитвы, Лёля, - присоединился к ней папа. – И наша Дианка – все-таки не законченное, не побоюсь этого слова, «индиго». Что же за герой сумел растопить ее сердце? Небось академик, как минимум. С седой, аки снег, головушкой, в которой содержится уйма ценных сведений. Ну, или пришелец из далеких миров. На меньшее ведь дочура Интернет не променяет, а?..

Вот и делись с ними событиями личной жизни – обсмеют же родную дочь со всех сторон.

Мне и впрямь было неуютно с мальчишками-девчонками во дворе, в садике, в школе, наверное, поэтому я так много времени проводила за книжками и в сети, и пропадала на образовательных сайтах или ресурсах, посвященных аномальным явлениям. Те немногие сверстники, кто «проводил разведку боем», то бишь раз в полгода заглаживал в гости, - рассказали остальным о моих заскоках... так и возникла заработанная «честным трудом» репутация. Мне всегда были интересны языки, культуры разных народов, техника и аномальщина, и в этих областях я была весьма компетентна. Чего не скажешь о моде, косметике, дискотеках... Кому захочется общаться с занудой, демонстрирующей недавно выученные фразы на польском, или прохлопавшей ушами, пока подружка рассказывает о

своем бойфренде, потому, что «зануда» в этот самый момент куда больше увлечена сборкой свежешопленной модели истребителя времен второй мировой?.. Все-таки не удивительно, что у меня не было друзей. Но ведь с Лансом все не так.

Эта мысль вдруг меня испугала. Страх маячил тенью в подвале подсознания, и я никак не могла выудить его на тусклый свет разума. Ну, разве что это все еще давала о себе знать некогда сыгранная нами партия в Честные ответы, оказавшиеся, пожалуй, даже излишне честными...

Но, в конце-концов, моралистика и чрезмерная рефлексия – тоже признак занудства. Ничто ведь не свидетельствует о том, что моему сердцу так суждено разбиться. Почему бы в самом деле не поделиться новостью с семьей?..

- Так он придет?.. – уточнил отец, протискиваясь в мою комнату вслед за мамой.

- Придет. Ладно. Во избежание новых оригинальных догадок... я пожалуй расскажу вам эту историю заранее...

Пора было заканчивать, ведь до наступления Нового Года оставалось всего ничего. Однако мой рассказ имел существенный резонанс, и донести сию важную мысль до родителей удалось не сразу.

От повторения истории в третий раз меня спас короткий звонок в дверь.

- Сидите, дамы, я сам открою! – Торжественно объявил отец, которому не терпелось лично убедиться, что «растопивший сердце его занудной дочери герой» - действительно просто парень, а не форма жизни внеземного происхождения.

- Здравствуйте, Станислав Павлович, - поприветствовал папу Ланс, загодя удосужившийся, к нашему общему спокойствию, выяснить имена моих родителей. – С наступающим вас.

В прихожей зашуршали пакеты.

- Право, юноша, не стоило тратиться... - начал отец смущенно, а продолжил уже с нотками паники в голосе, - ...

«Вдова Клико»?! Вы решили разорить вашу семейную коллекцию?!

- А мы и «коллекционируем», чтоб однажды разорить, - засмеялся Ланс. – Скажите, Диана дома?

- Диана дома, - вздохнула я, выходя в прихожую и виновато опуская глаза. – Только все еще в джинсах и без прически.

- И при этом лучше всех. Идем?

- Да. Через минутку, - и я нырнула назад в комнату.

Отец извинился и отправился вслед за мной.

- Так вот, дочь, что я тебе скажу, - начал он издали, пока я судорожно рылась в недрах платяного шкафа. – Сними эту армейскую кофту землисто-болотного цвета, ты в ней какая-то мышастая. Надень голубое бархатное платье. Да, кстати. Сынок профессора Кристенсена и впрямь милый парень. Я вашу дружбу одобряю.

Два оставшихся часа уходящего года оказались наполнены шумом и весельем. Подобное времяпрепровождение было для меня все еще внове, и я радостно проживала каждую минуту. Никогда раньше не видела свой город таким. Впрочем, я вообще никогда не видела предновогодний город. Во всем городском облике чувствовалось предвкушение праздника.

Нас встретил лучистый мир гирлянд, дорожных огней, ярких кафе и магазинов, мягкого снега под ногами... На встречу спешили люди с радостными улыбками, смеющиеся, веселые... оказывается, в этом городе живет столько красивых и счастливых людей!

Ланс дышал полной грудью, чувствовал каждый миг, каждую прожитую секунду он как гурман смаковал... Рядом с ним и я вдруг стала воспринимать все оттенки, я почувствовала движение, - город жил, город дышал вместе с нами, а мы – вместе с ним, в унисон... впервые эти люди вокруг, все они не просто так улыбались – все они, проходя, пробегая, проезжая мимо, улыбались именно нам, и вместе с нами они видели,

слышали, ощущали Праздник.

Так вот, значит, на что он похож – пресловутый вкус Жизни... Это и робкий первый поцелуй семиклассников на соседней лавочке, и глоток горячего чая после зимней дороги, и даже... даже самый настоящий вкус снежка, которым лучший друг нечаянно залепил прямо в зубы!

Я позволила себе не очень грациозно грохнуться в сугроб и расхохоталась, впервые за долгое время не подумав, как на меня посмотрят прохожие.

Хотя к данному моменту мы с Лансом уже обежали четыре этажа развлекательного центра, перепробовали все предложенные развлечения подряд и выиграли три новогодних конкурса, завязавшаяся игра в снежки, в которую нас спонтанно втянула детвора во дворе, все равно показалась отличной идеей. И вот: детишки давно разбежались по домам, а мы продолжали обкидывать друг друга снегом и смеяться, словно вернулись в казалось бы подзабытое детство.

Снег скрипел на зубах, я судорожно глотала его и от этой нелепости делалось еще забавней. Только подумать, как может быть прекрасно поваляться в сугробе в новогоднюю ночь... Ланс подал мне руку, но не тут-то было: разве я могла не поделиться всей полнотой ощущений?.. Небольшая подножка – и недавний победитель снежной потасовки растянулся рядом.

Небо ломилось от звезд. Яркие ледяные иглы лучей пронизывали чистый воздух и таяли легкой тоской в сердце. Почему? Почему?

- Наверное, заставляют вспомнить о чем-то... большем, - шепнул Ланс, смахивая снежинки с моей челки.

В это время подло просочившийся за воротник снежок начал таять.

- Не заметила, как сказала вслух!

- Ну, ты громче, чем вслух, сказала.
- Я не стала спрашивать, что он имел ввиду.
- Слушай, я тут подумал...
- О чем?
- Если не поторопимся, то встретим новый год в этом сугробе.
- Так чего же мы разлеглись?!

Бокалы в очередной раз звонко дзинькнули друг о друга. Запасы «Вдовы Клико» из семейной коллекции Кристенсенов сегодня разорались с большим удовольствием.

- За жажду жизни!
- За жажду жизни! – Я сделала несколько глотков, и лишь потом сообразила, что тост этот навевает ряд вопросов. – Хм. Только обычно пьют-то за желаемое, то бишь за то, чего не хватает. А в тебе жизнелюбия хоть отбавляй.

Ланс смущенно улыбнулся:

- Все дело в моем детстве. На торжественных новогодних приемах, которые семьи известных ученых ежегодно обязаны посещать, все было настолько чинно и тоскливо, что мне всегда хотелось хоть раз открыть бутылку так, чтобы содержимое смыло скуку с лиц присутствующих.

Я посмотрела на него в притворном ужасе:

- Как можно, Ланс! Это все равно, что плескать водой в лицо оппонента на заседании Думы.
- За что я люблю Россию, так это за то, что здесь такое вопиющее в принципе событие - легко имеет место и не вызывает ни у кого негативных эмоций...

Мы приснули со смеху.

- А что, эти банкеты правда настолько скучны? Ни тостов, ни застольных песен, ни пьяных споров о том, чья теория вернее?
- Правда. В Европе на таких мероприятиях принято говорить о деле – собственно, для того их и устраивают. Отец даже лимон на закуску не брал, шутил, что кислых мин и без него предостаточно.

- Неужели светила науки не любят веселиться?

- Представь: собираются лучшие научные умы. У них, казалось бы, есть все, что только можно желать: звания, деньги и фантастический интеллект... но в довершение - полное отсутствие жажды жизни. Статьи об их разработках печатаются во всемирно известных журналах, опубликованные труды признаются и ценятся всем научным сообществом... многие параллельно ведут совместный весьма успешный бизнес. Но ни слава, ни материальные блага, ни даже собственно смысл их жизни – наука, - не заставляют почему-то блеснуть глаза большинства из этих людей. За пару месяцев до праздника они созваниваются и планируют вечер вплоть до мелочей, в какой стране и в каких условиях, кто будет приглашен, с кем какие вопросы необходимо обсудить. И каждый год я напрасно надеялся, что горнолыжный курорт означает катание на лыжах, а в Египте мы обязательно посмотрим на Сфинкса.

- А что, не удавалось?

То, о чем он говорил, было для меня, словно другая планета: притягательно, странно, и совершенно недоступно. Я до сих пор полагаю, что на горнолыжный курорт ездят кататься, не могла представить себе, каково неделями и месяцами не видеть пропадавшего в разъездах родного отца, и приходила в ужас при мысли, что в моменты редких семейных встреч маленькому мальчику необходимо было вести себя, как воспитанному взрослому, на таких вот пафосных приемах. Раньше мне казалось, что деньги и слава скорее дают свободу, чем ограничивают ее...

Ну, на третий день праздников приняты экспресс-экскурсии, но это просто издевательство, честное слово. За день приходится объездить все достопримечательности разом, причем зачастую выйти из машины и сделать приличный снимок на память ты просто не успеваешь: график штука

жесткая. Погодные условия также часто не способствуют получению удовольствия от прогулки: то палящий зной, то проливной дождь... а перенести ее никто не в силах: выкроенный день заранее проплачен, начиная услугами гида, заканчивая транспортом. Проку от таких развлечений не много... Но в прошлом году на Кипре мы впервые тайком сбежали с отцом и его другом и коллегой Тимоти Ричардсом с торжества, чтобы побродить по окрестностям. Было действительно весело, как всегда бывает, когда освобождаешься от осточертевших рамок... но вскоре нашу честную компанию хватились – несколько деловых партнеров, срочно желавших побеседовать с папой и Тимоти, не досчитались их на банкете и поручили администратору отеля, где проходил прием, их разыскать. Администратор исправно названивал на мобильные, в то время как наша компания была столь увлечена ночным купанием в море, что звонков, увы, никто не услышал. Соль в том, что именно на таких вот праздничных мероприятиях заводятся и поддерживаются нужные знакомства, планируются и заключаются договора, поэтому этот «побег» сообщество сочло просто вопиющим нарушением этикета. Под утро администратору – дал же Бог терпения! – все-таки удалось дозвониться и воззвать к отцовской и Тима совести, после чего все мы, как были – в мокрой одежде и с водорослями в волосах, - спешно отправились в отель. В общем... думаю, не стоит подробно описывать, с каким непередаваемым выражением смотрели на «любителей морской стихии» заждавшиеся партнеры... - закончил свой рассказ Ланс, видя, что я уже сложилась пополам от смеха, попытавшись представить себе всегда такого аккуратного Элиаса шествующим на прием с ярко-зелеными водорослями в волосах.

- А в этом году ты, значит, решил не ехать? Не жалеешь об упущенном?.. – лукаво осведомилась я, явственно ощутив,

что бессовестно набиваюсь на нечто вроде комплимента.

Он улыбнулся:

- Во-первых, ты рядом, и это определенно лучше банкета.

Ну вот. Можно смело себя поздравить: набилась-таки.

- А во-вторых?

- Во-вторых, родители хотя и улетели сегодня утром в Стокгольм, где изначально планировался ежегодный слет, но днем отец позвонил и сообщил, что событие решено перенести на пару месяцев и совместить с конференцией на тему инноваций в производстве какого-то оборудования для космических исследований, так что скоро они возвращаются.

Кстати о жажде жизни. Хочешь потанцевать?

Мы переводили дух после рок-н-ролла.

Черт, я ведь давно вот так не танцевала. Если говорить откровенно, последний раз я танцевала с парнем больше десяти лет назад, и случилось то знаменательное событие в детском саду! А мой тогдашний партнер был (не в пример сегодняшнему), как пить дать, очень дружен с медведем. Тем самым, что наступает, зараза, хорошим детишкам на уши и обучает на личном примере грации и хореографии... господи, кажется, шампанское было очень «пьяным». Ни в коем случае нельзя выболтать Лансу всю эту чушь про свое «безрадостное» детство... тем более, что в сравнении с его приключениями на Кипре история об отдавленных в детском саду во время польки ногам прозвучала бы донельзя убого.

- Знаешь, странно, что партнеры твоего отца вас не поняли... я сейчас пыталась переварить твой рассказ.

- Брось попытки, - подмигнул мне Ланс, - такие истории могут вызвать несварение.

- Особенно у того, кто и в помине не знаком с описанным образом жизни...

- Но вероятнее – у тех, для кого этот образ жизни перешел в хроническую форму.

Мы продолжали держаться за руки, хотя танцевать больше не было сил. Только что откупоренная вторая бутылка была разлита по бокалам, но первая уже дала о себе знать. Для старшеклассников, практически не знакомых с действием алкоголя, мы, кажется, и впрямь перебрали.

Возможно, по-настоящему оценить жизнь сумеет лишь тот, кто хоть раз боялся ее потерять, - продолжила я мысль, закусывая выпитое очередной шоколадной конфеткой. – А эти люди полагают, что уже обеспечили свое бессмертие.

Пальцы Ланса судорожно сжали мою ладонь.

- Повтори?

- Что именно, - удивилась я, не посчитав высказанную идею чем-то глубоким.

- То, что ты только что говорила.

- Ну... - я смутилась. – Просто эти люди ведь совершили уйму важных вещей. Их имена и так останутся в веках. Они уже знамениты, уже богаты. Они спрячутся от перспективы забвения за своими достижениями, и будут продолжать жить – хотя бы и в страницах пыльных фолиантов, и все же... Но те, кому приходилось когда-либо видеть смерть вблизи и хорошенько ее рассмотреть, знают, что от нее так просто не спрятаться... и потому умеют ценить каждый новый день своей жизни. Разве я сказала что-то особенное?

...но те, кому приходилось когда-либо видеть смерть, знают, что от нее так просто не спрятаться... - задумчиво повторил Ланс, глядя куда-то в сторону. В его исполнении моя незамысловатая фраза прозвучала жутко. - Пойдем, Ди, хочу тебе кое-что показать.

Я внимательно взгляделась в его лицо, стараясь угадать, что с ним такое. Ланс резко посерьезнел. От подогретой алкоголем беспечной веселости не осталось и следа.

- Что именно?

- Помнишь, отец как-то говорил, что Тунгусский метеорит интересовал его больше всего, и, в общем-то, именно эта загадка сподвигла его заняться частными исследованиями?

- Да. Еще он рассказывал про поваленный лес в районе катастрофы, и про то, что многие ученые убеждены, будто элементы из хвоста кометы вполне могли вызвать подобное.
- Знаменитая кометная теория довольно складно все объяснила. Водород и углерод при реакции с кислородом вспыхивают, так происходит взрыв... Кометная теория оправдывала и отсутствие вещества на месте катастрофы, и оптические аномалии в небе на следующий день.
- Похоже, убедительная для других теория не убеждает тебя.
- Кометная теория ошибочна, - произнес Ланс с несвойственной ему фанатичностью, отворив дверь самой дальней комнаты второго яруса, в которой мне прежде не доводилось бывать.

Сама по себе комната была небольшой, и мебель в ней стояла только самая необходимая – письменный стол, шкаф с книгами и два кресла. На столе я заметила очень мощный ноутбук от sony vaio, самую последнюю модель, точно такую же, как в комнате Ланса... но стены! Эти стенды и полки могли бы действительно принадлежать залу музея весьма

нетипичной специфики. Все экспонаты логично было бы объединить под вывеской Доказательства Существования Внеземных Культур. Самые разнообразные предметы, назначение коих я побоялась себе представить, были расставлены на полках и подсвечены так, чтобы посетитель мог рассмотреть их во всех подробностях. Ряды полок перемежались стендами с фото, рисунками, набросками и чертежами.

Над рабочим столом, чуть выше уровня глаз, я заметила картину. Изображение чем-то напоминало карту местности – в центре – суша, утопающая в лесах и украшенная бисерными нитками рек и ручьев, а пространство по краям разделено на четыре части, по-видимому, ориентированные по сторонам света, и окрашенные в 4 разных цвета...

- Какая странная картина... - судорожно выдохнула я.

- «Незнакомые странные земли мне снятся нередко³», - процитировал Ланс в ответ строчку из радиохита.

- Именно так... Постой! Ты – автор?!

Ланс молча кивнул, тут только я заметила, что он вглядывается в мое лицо слишком пристально... будто ждет от меня чего-то.

- Вот иди-ка сюда. Сейчас ты своими глазами увидишь упомянутый в последнем отчете артефакт. К стене, возле того места, где он стоял, был прикреплен предмет, очень напоминавший... люк космического корабля! Он был искорежен и измят, поверхность выщерблена и покрыта слоем не то смешанной с чем-то жирным пыли, не то машинной смазки... или еще какого-то неизвестного мне вещества. Я провела рукой по металлу, и вещество тонким слоем осело у меня на пальцах. А ведь когда-то эта поверхность была безупречно гладкой...

Я смотрю вниз сквозь иллюминатор. Мы проносимся над

3 Композиция «Сфинксы» гр. «Пилот»

равниной, тут и там разбросаны крошечные людские жилища. Они кажутся спичечными головками с такой высоты, но я-то отлично знаю, что расстояние быстро сокращается... Внизу, чуть дальше и правее я вижу море, оно простирается на много километров... и, судя по всему, очень глубокое. Это наша последняя цель. Я не собираюсь следовать его приказу. Он не понимает, что говорит. Отвезти их, оставив его уводить неисправный корабль в ручном режиме... Но не могу и не подчиниться. И все-таки... Я успею. Я вытащу его. Я успею...

- Я не могу оставить тебя здесь погибнуть!.. Прошу, отмени приказ! – прошептала, чувствуя, как горячие слезы бегут по моим щекам... - ...отчего же так больно внутри, так тяжело вздохнуть... больно дышать... - вдруг я все-таки не успею?.. Без тебя... мы не справимся... и я даже не поговорю с тобой перед тем, как...

Ланс осторожно развернул меня к себе и коснулся ладонью мокрой от слез щеки. Я не могла удержаться. Сильная боль, возникшая внутри ниоткуда, и тупое отчаяние выплескивались слезами, снаружи был только холод.

- Как холодно... холодно...

Чувствуя, что его теплые руки отрывают меня от пола и через пару секунд опускают в кресло, я попыталась прийти в себя. Трудно было сфокусировать взгляд. В голове звенело так, будто кто-то бил там посуду.

- Малышка, посмотри на меня, пожалуйста.

Взгляд никак не хотел фокусироваться. От холода безумно хотелось спать.

- Ди! Не вздумай даже!

Куда там... Свет собрался в одну точку, такую маленькую, что я ее еле видела. Его голос, теперь едва слышный, - вот все, за

что еще цеплялось сознание... мне было почти все равно, что со мной происходит.

- Эй, Ди, помнишь, все давно кончилось!.. Вернись ко мне. Просыпайся!

- Я же и так к тебе ближе некуда на этом берегу... зачем только я тебя послушала... твой последний приказ отбил всякую охоту подчиняться твоим приказам. Только теперь не от кого их получать...

Да уж... Огонь, вода, воздух и земля – вот где он! Пожалуй, точней-то и не сказать...

- Вернись ко мне, Альта, это не обсуждается.

- Куда? Ты же только галлюцинация... ты погиб на моих глазах... Взрыв, ядерный гриб и прах развеяло на мили вокруг! Куда мне прийти преклонить голову? Где мне искать это место?.. Не успела...

- ...как же тебя разбудить?.. – в его тихом, обманчиво спокойном голосе сквозило глухое отчаяние. - Разве что как в сказке - поцелуем.

О да! Ведь это будет означать, что мы на одном свете... не важно, каком именно.

- Коварная галлюцинация... ну целуй!

Резко вернувшийся вес тела вдавил меня в кресло. Я широко распахнула глаза и судорожно вдохнула:

- Ну и где обещанная сказка?!

Расплывчатая картинка стала делаться четче, и я успела заметить, как испуг и отчаянье тают в его глазах.

- Как себя чувствуешь?

Я пошевелилась. Все тело ныло.

- Ну... несколько ошарашена. Но в общем – не против.

Он прижал меня к себе и прошептал в ухо:

- Никогда так больше не делай, слышишь?!

- Что я сделала?

- Слишком эмоционально насыщенное воспоминание...

получилась... пространственно-временная петля.

- Я ничего не понимаю... какая к черту петля? Слушай, так и должно тошнить?

- Да... это еще что! У тебя мышцы не ноют?

- Ноют!

- Ничего, жить будешь! Это я виноват. Не надо было так резко...

- Так резко – что?

- Заставлять тебя вспоминать.

Он отстранился и встал.

- Пойду чайник поставлю.

Наблюдая, как его высокая складная фигура исчезает в коридоре, я почувствовала, что меня, мягко говоря... надули!

- Ланс!

- А?

- Сказка кончилась, не начавшись?..

Он вернулся через минуту с огромной дымящейся чашкой. Пахло шалфеем, малиной, и еще какой-то неизвестной мне лекарственной травкой.

- Выпей это.

Я сделала глоток. Чай был вкусным, насыщенным, чуть терпким, его хотелось пить и пить... Осушив чашку, я поставила ее на столик рядом.

- А вот теперь поспи.

Без видимых усилий, Ланс взял меня на руки второй раз за эту безумную ночь... или уже утро? Кровать показалась холодной и жесткой, я было собралась сказать, что с большим удовольствием посплю у него на плече, но вовремя одернула себя.

Оставаться одной совершенно не хотелось.

- Постой... ты ведь не уйдешь?
- Нет. Обещаю. Спи.

Потяжелевшие веки сомкнулись сами собой... видимо, у меня с тех давних пор еще привычка делать все, что он говорит.

- Спи... - повторил Ланс, целуя меня в лоб.

Когда я открыла глаза, серый рассвет уже успел превратиться в сумерки.

Ланс сидел рядом и смотрел в окно.

- Как ты? – спросил он, не поворачиваясь.

Два-два... Я в который раз задалась вопросом, как это он умудряется видеть журналы сквозь энциклопедии и замечает движение моих ресниц, разглядывая пейзаж.

- Мне бы очень хотелось сказать, что не ахти, но, кажется, это не соответствует истине.

- Тебе на мобильный мама звонила.

- Что же ты ей сказал?

- Успокоил. Правда, пришлось немного приврать.

Мы помолчали.

- Раз уж мне лучше, может, объяснишь, что все-таки произошло?

Его тон был абсолютно серьезным:

- Кратко... мы с тобой вроде как воплощенцы представителей одной внеземной расы. Так называемый Тунгусский метеорит был нашим кораблем. Миссия, с которой мы летели на Землю, осталась не выполнена, потому что во время аварийной посадки... я погиб. Я воплощение капитана корабля Элана, того самого, кого ты, Альта, спец по машинам и мой партнер во всех сомнительных и опасных затеях, оплакивала на берегу Байкала. Дотронувшись до люка, оставшегося от нашего корабля, ты вроде как замкнула цепочку и начала возвращать себе Память, а это не всегда легко проходит. Мне нужно было как-то тебя подготовить... только не знаю, как.

Я смотрела на него не мигая.

- Тривиальная история, не находишь? Мы снимаемся в дурацком голливудском блокбастере?!

- Говорил же, ты решишь, что я спятил.

- Но Ланс, разве такое может случиться в реальной жизни?.. История про совестливого садиста-маньяка и то правдоподобней! Я что, должна поверить, что прилетела с другой планеты? Или ты хочешь сказать, что именно поэтому я отличаюсь от сверстников, именно это объясняет мое увлечение НЛЮ, техникой, и мои способности к языкам?! Что наша встреча не случайна только потому, что когда-то мы летели на каком-то корабле с какой-то миссией, которую теперь должны довести до конца?! И все то время, что мы провели вместе, общаясь, - это прелюдия? А ты просто ждал, пока я вспомню, кто я?!

Мой голос сорвался на крик, но я не замечала этого.

Противоречивые мысли и желания толклись в голове. С одной стороны, самое лучшее сейчас было встать и уйти, и забыть про всю эту историю, про обморок, про пришельцев с другой планеты, про Тунгусский метеорит, про... про Ланса – забыть?! Но ведь я прекрасно понимаю, что как раз это мне вряд ли удастся. Я не могу его потерять. Ни за что!

- Не прелюдия, Ди. Мы всегда были такими - неразлучными, увлеченными и иной раз почти такими же дурашливыми, как сейчас.

Кроме того, разве сама я не отшучивалась, что чужда мирскому, так как моя родина в далеком космосе? Разве не поражались преподаватели моим способностям, логике, изрядному для шестнадцати лет словарному запасу и весьма недетскому образу мышления, разве не верно, что я обожаю технику?.. что в раннем детстве просто села за компьютер и стала использовать его, как если бы меня этому обучили?.. что научилась водить машину прежде, чем стала доставать до педалей? Ведь до знакомства с Лансом смутное чувство неполноты жизни тенью преследовало меня, заставляя каждый день искать... что именно? Если бы знать...

А потом появился он, и вместе с ним появилась уверенность, и все наполнилось смыслом, он заполнил мои дни и мои мысли и он стал всем... как будто взял меня за руку и повел по мосту туда, куда сама я не видела, не знала дороги, но куда так стремилась... он вывел меня на тот самый, единственно верный путь. Словно разбудил от выматывающего сна-реальности...

Вдруг само собой вспомнилось необычное сновидение, в ночь после нашего знакомства, в котором Ланс просил пойти с ним куда-то. И слова его матери о том, что он много обо мне рассказывал, фактически не будучи со мной знаком. И это

чувство, возникшее при первом рукопожатии, будто мы знакомы всю жизнь.

Его глаза сейчас почему-то изменили цвет - из голубого в темно-синий. Волнуется? Злится? Нет... Ланс смотрел на меня открыто, с пониманием и какой-то загаенной тоской.

Прав был папа: из трех миллиардов мужчин я безошибочно выбрала пришельца с другой планеты!

Но... единственно правильный путь – на то и единственно правильный. Даже если на первый взгляд ведет в дебри.

Я улыбнулась и прошептала:

- Верю тебе. Но зачем нам все это нужно? Зачем вспоминать...

Он ответил так же, шепотом:

- Не сомневался, что поверишь. Мы с тобой накрепко связаны сильными чувствами и предопределенностью. Причем связаны не только друг с другом, но вдобавок по рукам и ногам. Мы должны закончить начатое дело. Это придется признать, хотим мы того, или нет.

- Для чего заканчивать то, что не удалось сто лет назад?..

Ланс нежно погладил меня по щеке и усмехнулся:

- Из личных соображений.

- Какова же награда?

- Возможность и дальше оставаться рядом.

- Но разве мы сейчас не?..

Он отвел глаза.

- Сейчас все как раньше. Но это время дано нам в долг, чтобы собраться с силами. И скоро долг нужно будет вернуть.

- Почему так скоро???

Ланс тяжело вздохнул и отвернулся. Я предпочла не отстаивать:

- Вернуть долг? С процентами?! И кто же, позволю спросить, наш с тобой кредитор?

Несколько минут он молчал. Я было решила, что время честных ответов снова подошло к концу, и придется ждать другого удобного случая, но на сей раз ждать почти не пришлось.

- Наш с тобой кредитор?.. – Ланс уставился в одну точку пустым невидящим взглядом. – Это смерть.

Сегодня моя просторная комната отнюдь не кажется большой. Раз, два, три шага – я пролетаю расстояние до окна и затем поворачиваю обратно. Не могу, не могу сидеть. Никак не могу заставить себя успокоиться...

Своих кредиторов нужно знать в лицо и в затылок, но с нашим конкретным мне совершенно не хотелось знакомиться. Значит, выход только один – погасить кредит заранее, избежав

«визита», что бы там это ни значило.

Мой логический ум не выносит недостатка информации. Ведь для восстановления порядка в мыслях нужно обдумать всю ситуацию в комплексе, но за неимением полной картины событий приходится мусолить разрозненные детали.

Словно слайды, в памяти крутится все то, что удалось вспомнить у Ланса.

Слишком много, чтобы все оставить по-прежнему. Слишком мало, чтобы что-то понять... А значит... я должна просто... не думать ни о чем.

Кровать и горизонтальное положение. Спокойно.

Расслабиться... Я могу расслабиться. Я знаю десяток аутотренингов для расслабления, они помогают.

Расслабиться... начать с кончиков пальцев... Хорошо. Теперь выше, икры, бедра. Теперь поясница... выше – грудная клетка – дыхание выравнивается... отлично! Плечи... шея... мышцы лица... виски... затылок...

У меня почти получилось. Почти, но... вдруг перед внутренним взором замелькали новые картинки... они проносились одна за другой с такой скоростью, что я не успевала осмыслить их или задержать. Одно только представилось достаточно четко – как бегу куда-то по гладкому серо-зеленому полу узкого коридора...

Все быстрее, быстрее... Результат моего «расслабления» в итоге – острая головная боль. Боль, которая принесла с собой то самое предобморочное ощущение... холод и чувство невозполнимой потери.

Зря я говорила себе, что Ланс жив-живехонек, что могу убедиться в этом, стоит только набрать его номер... Рука сама потянулась к мобильному. Конечно, не нужно звонить, ведь мы расстались каких-нибудь полтора часа назад, и сейчас он, вероятнее всего, спит, и на дворе ночь, и... я нажала на

кнопку вызова.

Он ответил мгновенно.

- Диана!

- Ланс...

- Я не могу уснуть. Беспокоюсь за тебя.

- Не даром. Эдак мне и до больницы недалеко, и до соседей по комнате в белых рубашках со связанными за спиной руками. Короче... нужна помощь.

- Говоришь, знакомый гипнотизер? – недоверчиво осведомилась я, повиснув на руке буквально летящего по улице друга. Его подошвы, похоже, не успевали касаться земли, не удивительно, что гололед не по чем.

- Условно знакомый...

- Думаешь, он принимает так поздно?

- Ты знаешь еще одного, предпочитающего полуночные визиты?

- Сейчас около двух...

- Юноша, сейчас около двух! Вы не пробовали иногда смотреть если не на часы, то хотя бы на положение солнца относительно горизонта? – маленький худощавый старичок с очками в духе Гарри Поттера на носу и в наспех накинутом на белую пижаму халате хмуρο воззрился на нас.

- Дело срочное, – безапелляционно заявил Ланс.

- Ночью второго января может быть только одно срочное дело – отыскать припасенную банку с рассолом! – пробурчал старик, но все же смилостивился. - Ну ладно, заходите.

Он проводил нас в гостиную, на ходу застегивая халат.

- Что у вас такого неотложного приключилось?

- Моя подруга начала вспоминать... некоторые события из прошлого.

- Хорошо... так в каком году, говорите, события произошли? – спросил старичок, усаживая меня в удобное кожаное кресло с подставками для головы и ног, отдаленно напоминающее те,

что стоят в частных стоматологических кабинетах.

- 30 июня 1908 года.

Старик нервно моргнул.

- Сколько же вам лет, милая девушка? Судя по всему, вы меня постарше будете?

- Диане шестнадцать.

Старичок раздраженно взирал на Ланса. Я была уверена — он прикидывал, как деликатно нас спровадить. Несколько минут они так и стояли, молча изучая друг друга, наконец гипнотизер не выдержал прямого взгляда пронзительных голубых глаз.

- Судя по всему, речь идет о регрессивном гипнозе?

При упоминании этого термина меня прошиб холодный пот.

Всеми фибрами души ощущая, что может произойти нечто страшное, если соглашусь, я сказала себе, что еще более страшное обязательно случится, если отказаться, и украдкой убрала капли пота со лба.

- Вы правильно поняли, Герман Вольфович, - без малейшей тени эмоций подтвердил Ланс. От его спокойствия невольно стало чуть легче.

Гипнотизер поправил очки. Судя по смятению и недоверию на его лице, сам старичок был весьма далек от спокойствия.

- А вы в курсе, юноша, что далеко не все специалисты... признают этот метод научным?

- У вас в столице, тем не менее, была серьезная практика.

- До недавнего времени... - гипнотизер замялся. – Как насчет ответственности за возможные последствия?.. Вы оба несовершеннолетние, не так ли?

У меня внутри нехорошо екнуло. Какие-такие последствия?..

- Хотите, чтобы ее родители что-то подписали? Но для этого придется им все рассказать. Они не сразу поймут, и, сами знаете, вероятно, просто не поверят. А в это время Ди будет становиться все хуже. И тогда они сделают очевидное – сдадут шестнадцатилетнюю девочку тем, кто понятия не имеет об альтернативных методах и предпочитает

«проверенные» препараты, разрушающие раз и навсегда нервную систему подростка. Вы же - можете помочь сейчас, без по-настоящему трагических последствий. Так что насчет ответственности?

Гипнотизер шумно вздохнул.

- Знаете, юный Кристенсен, если бы я не был достаточно знаком с вашим отцом, чтобы вам поверить, то мог бы предположить, что ваш визит – новая попытка кое-кого копнуть под меня...

- Если бы мой отец не был достаточно знаком с вами, чтобы считать, что вы – специалист высочайшего класса, чья репутация была разрушена грязной игрой завистников, я бы никогда не доверил вам близкого человека.

С минуту мне казалось, что старик неминуемо вскипит, как перегревшийся чайник, но он взял себя в руки, снова шумно вздохнул и сказал совершенно спокойно:

- Хорошо. Будь по-вашему. В конце концов, юное дарование, если вы платите, почему бы мне не выполнить ваш каприз. Кстати, вы платите вдвойне, поскольку времечко и дельце выбрали не детские.

- Согласен.

- Тогда приступим. Каков желаемый результат?

- Мы надеемся, что вы поможете максимально упростить процесс возвращения Памяти.

Старик лишь пожал плечами и, усевшись напротив меня, принялся водить перед моими глазами круглой гирькой на тонкой серебряной цепочке. Я почти забыла о своем страхе. Я знаю, что произойдет. Но мне уже не важно...

Тело медленно налилось свинцом.

- Диана, сейчас вы заснете. Вас ничто не беспокоит, ничто не тревожит. Мы с вами совершим путешествие. Когда вы услышите «10», вы начнете вспоминать все события своей жизни в обратном порядке, начиная с последних дней, и постепенно возвращаясь в детство. Слышите, какая приятная музыка зазвучала? Она становится чуть громче... вы

понимаете, что это колыбельная. Старая колыбельная, которую мать пела, сидя ночью у вашей кровати. Вы чувствуете, что растворяетесь в этой музыке, и она возвращает вас назад... постепенно... не бойтесь. Все хорошо. Мы пойдем назад медленно. 1...2...3...4...5...6...7...8...9...10! Где вы находитесь?

- В городской библиотеке. Меня заинтересовал только что вошедший молодой человек... у него немного необычный выговор... скорее всего, жил в одной из скандинавских стран... я наблюдаю за ним... хотелось бы поговорить, но это, наверное, неудобно... о! Вот, кажется, он идет напрямик к моему столу!

- Слушайте музыку, Диана. Давайте пойдем еще дальше. Скажем, лет на пять. Где вы? Чем вы заняты?

- Я дома, сижу за ноутбуком и плачу.

- Кто вас обидел?

- Девочки в школе. Светка Хвостова насплетничала им обо мне. Они говорят, что я странная, и со мной невозможно общаться... что я веду себя как инопланетянин. Не понимаю, почему они так говорят...

- Вновь сосредотачивайтесь на музыке. Вы слышите колыбельную... слышите?

- Да... это мама поет... что-то о городе над Невой...

- Сколько вам лет сейчас?

- Около года. Мама сидит рядом. Солнечные лучики запутались в ее волосах. Она такая красивая... я улыбаюсь. Вот, теперь она говорит со мной... как с маленькой, почему-то. Думает, что я не понимаю ничего, но я все понимаю... хочется сказать ей об этом... правда, прошлый раз, когда я говорила ей про мой другой дом, на Эйнире, она испугалась, поэтому я пока собираюсь молчать. Незачем пугать ее, правда?

- Кхе-мм... Возвращайтесь дальше в момент своего рождения. Что вы чувствуете?

- Страх... мне холодно и больно... но... вот, кажется, я вижу

свет! Теперь страх, и еще надежду. Что-то важное должно произойти...

- Вы помните, как вы умерли?

- Да... меня убили выстрелом в упор. Было холодно... а потом стало спокойно. И свет... свет сообщил, что у меня должно все получиться, в следующий раз... и еще мне радостно, потому что скоро я вновь встречу Элана.

- Элан? Кто это?

- Мой напарник, мы из одного клана. В общем... мы были вместе, пока он не умер. Но он погиб, и мне стало нечего делать на Земле, поэтому я тоже хотела умереть, чтобы войти в новый виток цикла, где мы сможем встретиться.

- Вернитесь чуть раньше. Расскажите, как погиб Элан. Где вы?

- Я... на СЛЕДОПЫТе. Это наш корабль. Мы как раз заканчиваем полет к Земле.

- Как вас зовут, и чем вы занимаетесь на корабле?

- Альта, мастер по машинам, помощник капитана Элана. Нас отправил на Землю новый Первый Старейший, чтобы заставить Таррийцев, или Напавших, как их у нас на Эйнире называют, убраться с Земли, ибо в противном случае планете грозит гибель. То есть, так дела обстоят по мнению Совета. Что касается Элана, меня и остальных троих членов команды, у нас свое мнение по этому вопросу... в общем... мы летим выяснять настоящую историю этих Таррийцев.

- Хорошо. Что вы делаете сейчас?

- Я бегу по коридору к рубке...

- Зачем?

- Чтобы передать капитану информацию. Алианос при смерти, Нат пытался убить его, но Таи ему помешала и Нат отчалил на единственном рабочем челноке. Таи ударилась в истерику из-за побега брата и ввела недопустимую при нашей скорости программу. В результате корабль в аварийном состоянии. Посадка невозможна, тормозные двигатели вышли из строя, а это значит...

- Не волнуйтесь. Просто рассказывайте, что происходит, как если бы вы видели все со стороны.

- Захожу в рубку... сообщаю Элану... но он уже знает. Он говорит, что только я способна успешно посадить оставшийся челнок, который черт знает сколько сотых периода уже на грани элементарного распада, и я должна увезти всех остальных с корабля... что это приказ... что он останется, потому что автопилот не работает из-за вмешательства Таи в управление, а кто-то должен постараться увести горящую машину от населенных мест... он говорит, что утопит СЛЕДОПЫТ в море, которое как раз мельтишит в иллюминаторах, а я успею спуститься за ним на челноке и забрать... наш бортовой компьютер как раз получает информацию о водоеме. Все получится, я успею вернуться за ним. Я уже выхожу из рубки, но что-то заставляет обернуться. Элан стоит ко мне спиной, опустив голову... расстроен? Это так на него непохоже... я кидаю взгляд на голограмму... о нет...

- Что вы видите?

- Мы получили окончательные данные. Там сказано, что это не море, это озеро под нами - Байкал – крупный источник пресной воды на планете! Отравить этот источник, утопив в нем корабль с двигателем, работающим на энергии элементарного распада, – все равно что отравить землян! Элан не пойдет на это...

Я вдруг почувствовала сквозь пелену транса, что кричу, судорожно сжимая ладони в кулаки. Слезы густым потоком текли по щекам... картинка начала распадаться на тысячу осколков, и все они, словно стекляшки из калейдоскопа, своими острыми краями врезались в меня. Слезы текли и текли, веки были такими тяжелыми, что открыть глаза, кажется, не хватит никаких сил... я ощущала себя разрозненно, словно нахожусь одновременно в двух местах... и ощущение это было совершенно ужасным.

- Не теряй связи с нами, прошу...

Какое теплое прикосновение, наверное, это Ланс взял меня за руку?..

- Разбери нас родная стихия на элементарлы! Я успею... я вытащу тебя!!!

Видение корабля терялось, но боль и ужас, которые оно во мне будоражило, только усиливались. Мне стоило титанических трудов слегка приоткрыть один глаз, и теперь параллельно с кораблем я сквозь туман забытья могла различить очертания маленькой захлавленной комнаты.

Вдруг кто-то закрыл собой свет, кажется, некий старичок склонился надо мной и что-то говорит...

- Диана, вы видели сон. Вам ничего не угрожает. Вы вспомните об этих событиях тогда, когда будете готовы. Вы вспомните все за доли секунды. Пока же мы поместим весь багаж памяти в маленький шкафчик в вашей голове, и запрем, а ключ будет у вас, чтобы однажды в случае необходимости отпереть его... так... спите... А теперь просыпайтесь.

Видение-корабль разбилось окончательно, оставив меня в белом, как молоко, тумане. Ужас все также сковывал, чувство потери заполнило меня всю, и я ощутила тяжесть, отдаленно напоминавшую действие супергравитации...

- Что? Так и должно быть?

Какой у Ланса взволнованный голос...

- Почему она не очнулась?

- Диана, просыпайтесь! Возвращайтесь домой.

А это еще кто говорит? А, ну да... кажется, какой-то старичок спрашивал меня про детство... подождите-ка... Ди, ты, кажется, совсем сбрендила? Это же гипнотизер, к которому мы пришли, чтобы... о черт, не помню, зачем...

- Скорее, разбудите ее!

- Не могу. Последнее воспоминание, видимо, было невероятно болезненным...

- ... значит, это сознание так защищается? Как угодно - но разбудите ее, хорошо?

- Диана. Диана, вы нас слышите? Это был просто сон. Обещаю, он вас больше не потревожит. Очнитесь.

И чего они так всполошились... ну подумаешь... поспала немного... еще бы поспать... а они раскричались... не дают отдохнуть человеку...

- Нужно... как-то зафиксировать внимание на здесь-и-сейчас...

- Ну так зафиксируйте! Или, может быть, вот это?..

Громкий звук бьющегося стекла прямо под ухом – такое обращение показалось мне уже чересчур. Поспишь тут...

Вот я вам сейчас выскажу...

На сей раз комната приобрела достаточно четкие очертания, я в удивлении осмотрелась. Щеки почему-то оказались мокрыми от слез.

- Что?

Ланс со старичком ошарашено переглянулись.

- Ну, знаете ли!.. Вот так задачку вы оба мне задали. Да, к вашему сведению, юноша, вы только что разбили графин из старинного набора хрустала. Антиквариат.

- Прощу прощения за порчу имущества и нервов. И огромное спасибо вам за помощь. – Ланс улыбнулся гипнотизеру тепло и обаятельно, как он умеет. Вот и попробуйте после этого на него позлиться. – Герман Вольфович, такой суммы хватит?

Гипнотизер долго взирал на плотную пачку крупных купюр. Затем, тряхнув седыми кудрями, решительно протянул ее Лансу назад.

- Уважаю ваше мужество и щедрость, юный Кристенсен, но... свозите-ка лучше подругу в санаторий. Будем считать это моей врачебной рекомендацией. И передавайте привет старине Элу.

Уходя, Ланс украдкой сунул деньги в книгу на тумбочке.

Когда мы уже спускались по лестнице, Герман Вольфович

вдруг окликнул меня.

- Диана! Подождите.

Как был – в домашних тапочках и криво застегнутом халате, старый гипнотизер поспешил к нам.

- Я вот что еще хотел сказать. Обрывки горестных воспоминаний больше не будут вас мучить. Когда именно полностью вернется память, я не знаю, но... уверены ли вы, что это в принципе необходимо? Иногда желание полностью вернуть себе память о прошлом, будь то регрессия или просто травмирующие события данной жизни, от которых мозг предпочел избавиться, напоминает попытку вытащить с пыльного чердака старый бабушкин сундук и водрузить его на самое видное место.

- Что вы хотите этим сказать? – произнесли мы с Лансом практически одновременно.

- То, что вы не можете быть уверены, что найдете в нем нечто полезное. Даже если сто лет назад ваша бабушка удосужилась наполнить его дорогими платьями да вкусной едой, по прошествии времени все это примет вид истлевшего тряпья и плесени. Вдобавок тараканы разбегутся из сундука по дому.

- И это говорит человек, всю жизнь отдавший теории и практике регрессивного гипноза, - пробурчал Ланс себе под нос.

- Вот именно, мой мальчик, именно поэтому я даю вашей подруге такой совет. Диана, прежде чем открывать, и даже только вытаскивать с чердака старые сундуки, вы должны быть точно уверены, что среди плесневелых тряпок найдете нечто ценное, над чем время просто не властно. Нечто, ради чего стоит рыться в гнилье и распускать тараканов. Скажем, фамильный бабушкин алмаз. Собственно, это все, о чем я хотел предупредить вас.

Домой мы шли молча. Действительно чувствовалось, что это – второе утро нового года. Впервые в моей жизни год был настолько... новым.

Молчание нас совершенно не тяготило.

Многие люди не могут молчать друг с другом. Кто-то, наверное, вообще не умеет молчать. А кто-то боится, так как в тишине теряет иллюзию связи, единства с человеком, понимания. Нам было нечего терять, ведь у нас в отношении друг друга никогда не было иллюзий.

Возможно ли такое в принципе? Видимо, да, раз мы с Лансом – тому пример. Иллюзий – не было. Понимание есть.

- Хочешь, пойдем встречать в оранжерее рассвет и допивать «Вдову Клико»?

Спросил так легко, как будто ничего не случилось, и этой ночью мы как раз вышли нагулять аппетит, чтобы потом вновь вернуться к праздничному столу. Как странно. Обычно мне стоило немалого напряжения воли терпеть людей с легким восприятием жизни. Они казались мне пустыми или, по крайней мере, неглубокими... «Невыносимая легкость бытия» - так я любила их называть.

Но умение Ланса разрядить обстановку и любовь к простым радостям жизни меня совершенно очаровали... ведь легкость его природы рождалась не из инфантилизма или внутренней пустоты, а как раз напротив... от глубины понимания и милосердия. Милосердия, удивительно верно подсказывавшего, когда нужно действовать решительно, а когда гораздо эффективней - забыть тревоги и улыбнуться.

- Пить?.. Возможно, лучше сразу в... санаторий.

Он улыбнулся моей простенькой шутке.

- Поедем. Это именно то, что доктор прописал...

- Брось, Ланс, нечего делать в санатории зимой.

- Значит, отправимся за экватор – там лето. Не переживай ни о чем, с финансами порядок, и они не из семейной «коллекции».

Я не стала спрашивать, откуда у него свои деньги в таком изрядном количестве. Я не желала их тратить. Мне было все равно. Какая, в общем-то, разница, где мы находимся и сколько градусов ниже нуля? Ланс шел рядом, от чего на душе у меня наступало явное потепление. Полностью бесплатное и совершенно бесценное.

- А ведь объяснение нашему внезапному и полному пониманию – та жизнь?

Прежде чем ответить, он притянул меня к себе за плечи.

- Мы были всем друг для друга, Ди.

Он всё ещё улыбался.

- Ланс... сдастся мне, в той жизни мы были куда способней на подвиги, чем теперь.

Улыбка стремительно сорвалась с его красиво очерченных губ, словно последний яркий лист, подхваченный ветром.

- В том-то и проблема.

Мария Ивановна внимательно изучала журнал. Выбор, впрочем, был невелик. Прекрасно отдавая себе отчет, что

спрашивать некого, она задумчиво вздохнула.

- Ну, 11«Б», желающие отвечать по четвертой планете солнечной системы не появились?

Тишина...

- Вы хотя бы можете сказать, как она называется?

Риторический вопрос...

- Марс, - буркнула я себе под нос, и через секунду с двух соседних парт раздалось робкое эхо:

- Марс...

Астрономию никто в классе принципиально не учил.

В этот момент послышался негромкий стук в дверь.

- Войдите! – разрешила Мария Ивановна, продолжая изучать журнал теперь уже почти с отчаянием. Дверь открылась, и стройный светловолосый юноша остановился на пороге.

- Здравствуйте. – Он привычным жестом откинул с лица непослушную челку и обвел класс внимательным взглядом. Все зашептались.

- Здравствуйте-здравствуйте, - живо отозвалась учительница, радуясь отсрочке «судных» двоек. – Вы что хотели?

- Да я, собственно, учиться пришел. Простите за опоздание, только уладил вопрос с зачислением.

- Новичок в третьей четверти? – учительница нахмурилась. – Наверное, сбежал из предыдущей школы из-за «хорошей» в кавычках успеваемости, да? Ну ладно... садись. Что ж с вами такими поделаешь.

- Привет, - шепнул Ланс, приземляясь на соседний стул. – Не против?

- Раз уж ты сбежал сюда вместе со своей успеваемостью, то мне впервые будет у кого списывать.

Мы тихонько засмеялись.

- Оглянись.

- На нас смотрят все до одного.

- Это не на нас. На тебя.

- Можно глупый вопрос? Что-то не так?

Ха, все дело, видимо, в том, что Ланс раньше не учился в

местной школе. По крайней мере, он точно никогда не учился в обычной провинциальной школе...

- Наоборот. С тобой все «так». Кроме того... ты сел со мной.

- Да. И?

Терпению Марии Ивановны, все это время старательно игнорировавшей наши перешептывания, настал неминуемый конец.

- Стогова, что вы там с новеньким столь бурно обсуждаете? Не четвертую ли планету?

Придется мне, наверное, поведать Лансу свою сложную историю как-нибудь потом.

- Ээ... можно идти отвечать параграф?

Учительница вздохнула.

- Да знаю я, что ты можешь ответить. Остальные бы так могли...

Ланс осведомился с лукавой улыбкой:

- Вопрос- четвертая планета С.С?

- А вы, молодой человек, про другую систему можете нам сообщить? – Мария Ивановна внимательно поглядела на него сквозь толстые стекла очков.

- Насколько успеваемость позволяет.

- Пока что и про солнечную систему желающих рассказывать немного. Может, новенький, стоит попробовать?

Он пожал плечами.

- Хорошо.

Не знаю, чего ожидала учительница, но точно не того потока красноречия, который обрушил на нее новичок. У Ланса очень кстати имелся талант говорить о том, что интересовало его самого, так, что слушавшие иной раз забывали дышать. Даже наш беспокойный и малоинтеллектуальный класс сидел тихо. Правда, я в глубине души подозревала, что некоторые больше смотрели, чем слушали.

- Где ты столько узнал по предмету? – спросила учительница, когда Ланс закончил. – Кажется, мне нечему тебя научить.

Я с улыбкой отметила смену тона со снисходительного на уважительный.

- Отец по образованию астрофизик.

- Ну что же, пятерка тебе и передай спасибо своему отцу. Так от чего же ты бежал в середине года, если не от исключения из школы?

- Может быть, не от чего... а куда?

Ланс сел на место. Учительница проводила его внимательным взглядом.

- Тогда ты попал по нужному адресу. Диана, объясни своему соседу, что за подвиги вам скоро предстоят.

Ланс только ухмыльнулся:

- Их, случаем, не двенадцать?..

Я шепнула:

- Школа проходит аттестацию. Скоро нам вместе с тобой и твоими блестящими знаниями предстоит отдуваться на открытом уроке по астрономии. Если с математикой, родным языком и историей однокашки справляются, то английский и астрономия наши, придется принять «огонь» на себя. Честь школы, и все такое.

- Романтично, правда? Только ты, я, и совместная успеваемость...

В этот момент в дверь снова постучали. Обрадованная тем, что, по всей видимости, двойки на сегодня отменяются, Мария Ивановна вновь произнесла сакраментальное «войдите».

На сей раз в кабинете появилась завуч школы и попросила учительницу выйти из класса «пошептаться». Шептались они, надо сказать, довольно громко и несколько взволнованно. То и дело сквозь закрытую дверь до класса доносились обрывки весьма интересных фраз.

«...ничего себе, «детки»! А мы тут при чем?»

Это наша классная, старается, наверное, потише, но не получается.

«ну... у таких свои причуды. Меня о причине в известность не ставили...»

А это завуч. Несмотря на то, что она, теоретически, заведует всем учебным процессом, практически ответственность берется ею только в особых случаях.

«знать бы, как с этой «причудой» справляться... .. нет соответствующей квалификации... .. сложные условия труда! Мне стыдно будет даже рот открыть!»

Это снова классная, уже совсем на повышенных тонах, и даже с нотками ужаса. Мгм. Впервые за десять лет слышу в ее голосе подобные интонации...

«... .. честь школы! ... сложновато... .. зато престиж... сами посудите.»

Завуч, весьма осторожна в вопросах личной ответственности... а там, где речь идет о взятии ее на себя кем-то другим, решения принимаются бескомпромиссно. Интересно, в чем дело?

Классу, кажется, тоже было интересно. Ребята даже перестали пялиться на Ланса. Кто-то из мальчишек шепнул, что, возможно, проверка в этом году будет жесткая, и посему нам всем, вместе с учителями, капут. Идею тут же подхватили остальные, и она сразу начала обрастать ужасами.

Через минуту Мария Ивановна вернулась. Выглядела она, надо сказать, изрядно ошарашенной. Медленно пройдя за свой стол, учительница села и молча обвела класс взглядом. За партами зашептались вдвое громче.

- Что случилось? Что она вам сказала? – не выдержала староста Иришка Красникова. – Проверяющие будут строгие? Остановив взгляд на Лансе, Мария Ивановна чуть дрогнувшим голосом произнесла:

- Кристенсен... что же ты сразу не сообщил? Такие школы...

столько премий, грант... о, и научная работа... но если ты уверен... мы, безусловно, польщены...

Ланс, который, похоже, отлично понял, о чем шла речь, спокойно ответил:

- Прошу вас, не будем делать из этого событие.

Налив себе в стакан воды и осушив его крупными глотками, классная, обращаясь ко всем, сообщила:

- Ребята. С сегодняшнего дня с нами учится вундеркинд.

Словно подытожив, вслед за ее словами прозвенел звонок. И в тот самый момент началось.

Лично мне перемена показалась сущим кошмаром.

Кажется, теперь он начал понимать, почему на него все смотрели. Да и последние слова учительницы только подогрели интерес одноклассников.

Я сочла за лучшее отойти к окну. Социофоб вроде меня в

эпицентре толпы – зрелище жалкое, тем более, что Ланс и один неплохо справится. Сейчас его засыпят вопросами, а вслед за этим – разного рода предложениями, начиная от работы в школьной стенгазете, заканчивая навязчивыми намеками на ужин тет-а-тет. И горе нам, если он обмолвится, что занят вечером, и следующими вечерами тоже, потому что мы с ним привыкли проводить все свободное время вместе, ибо тогда...

Красавчик и девочка-изгой? Ну-ну.

Девчонки стали игнорировать меня еще в младших классах, поскольку у нас кардинально не совпали увлечения – я не играла в куклы и классики, предпочитая все свое время проводить за компьютером в одиночестве. Позже, когда мы уже были на полдороги к старшей школе, мне нечего оказалось вставить в их разговоры о тусовках и парнях. Парни, которые в последних классах начинают наконец признавать ценность интеллекта, не связывались со мной из страха на моем фоне выглядеть глупыми. Да и кроме того... что еще я могла бы дать, кроме как списать домашку? Помню, Пашка Воронин – школьная «звезда» и мечта девчонок, попытавшийся поцеловать меня в 9м классе, стал всеобщим посмешищем, когда я, вырываясь с неистовостью загнанного зверя, случайно «уронила» его на пол и убежала. Больше желающих на меня «поохотиться» не нашлось...

А теперь – появляется «яблоко раздора» в лице безупречного Ланса. Вундеркинд, гранты... надо же. Мог бы и сказать. Хотя, чего уж там, могла бы и догадаться. Для него все было слишком просто, один кругозор чего стоит. Мне это казалось нормальным, наверное, только по невнимательности. Мы похожи? Да, но... Что общего может быть у девчонки из обычной семьи с сыном светила науки? У ученицы одиннадцатого класса средней школы из русского провинциального городка и вундеркинда родом из столицы Швеции?.. Родная планета? Жизненная задача? Отлично. Но это было в той, другой жизни. А что есть сейчас?

Услышав краем уха, как объект всеобщего внимания распространяется про уфологию, я не удержалась и улыбнулась чуть ли не во все 32 зуба, продемонстрировав оконному стеклу положенную, если верить рекламе, норму.

Он намеренно это делает – избавляется от всеобщего внимания. Грантами никого не испугаешь, это же деньги. Разве кто-то станет задумываться, за что их дают. А вот насчет разного рода «тараканов»... короче говоря, немодно быть замороченным, и справедливость этой фразы легко прослеживается на моем собственном примере.

Народ начал потихоньку рассасываться.

- Жаль, что красавчик повелся со Стоговой, - бросил кто-то из девчонок, проходя мимо меня. – Представляете, сказал, что она и есть его девушка...

– И что в ней такого? Одни мозги.

- Неужели вундеркинд у своих мозгов мало?..

Его девушка?.. Ух ты. Вот это ход конем.

- Он бросит тебя, – прошипела подкравшаяся со спины Хвостова. – Лауреат кучи премий, богатенький, красивенький... и – ты?

- Мы одна команда.

- Брось. Ты же синий чулок. Парни падки на доступность, что у тебя отнюдь не в ассортименте.

- Некоторые предпочитают ассортимент редких душевных качеств, - заметил только что подошедший Ланс. – Мы идем разными дорогами.

- Твоя дорога заведет в монастырь.

- Предлагаешь лично совратить... – Он сделал паузу, и затем продолжил с легкой иронией, - с пути истинного, я имею в виду?

Щеки Светки покрылись густым румянцем.

Это была красивая партия, да.

- Знаешь, - сказала я, когда за ней закрылась дверь. - Может, не стоило говорить...

- Что именно?

- ...что мы...общаемся.

Получилось как-то неуверенно. Хотелось сказать с достоинством, а вместо этого проямлила.

- Ради чего же?

- Ланс, это – обычная школа, и ученики здесь тоже обычные. Тебе ведь не обязательно здесь учиться. Кроме того, открыто принимая сторону изгоя, ты провоцируешь на такое же отношение. Зачем?

- Не понятно? - Смотря на меня в упор, он продолжил, изобразив свой коронный «нахмур бровей», - Команда мы, или как?

До открытого урока оставалось всего пару дней.

Ролик, демонстрирующий движение планет вокруг солнца, мы сделали сообща с Элиасом, который отжаловал с десятков подходящих для урока видеосюжетов из своего архива. В назначенную дату Ланс принес с собой ноутбук и проектор, так что урок вышел что надо. Естественно, нам обоим пришлось сопровождать видео развернутыми комментариями. Кое-какие реплики мы, согласно загодя «утвержденному» нашей классной сценарию, пасанули недовольной Светке и полному энтузиазма Пашке, а так же еще несколькими одноклассникам, и впечатление всеобщей деятельности получилось достоверным. Нас хвалили. Потом еще раз. И еще. Класс тоже находился в состоянии эйфории: ребята даже подзабыли о бойкоте и кинулись на радостях нас поздравлять. Так откуда же это чувство все возрастающей тревоги?..

Ланс стоял рядом и щедро раздавал сногшибательные улыбки. Поймав беглый взгляд, он нашел мою ледяную ладонь и чуть заметно сжал ее своими как всегда теплыми пальцами. Шепнул в ухо: «Не грусти. Вместе мы со всем

справимся».

Было ясно как белый день, что «всё» относилось вовсе не к открытым урокам.

- Куда же ты собираешься поступать по окончании школы? – спросила меня старшая проверяющая, пожилая женщина в строгом черном костюме.

- Много вариантов.

- Ты ведь идешь на медаль?

- Похоже на то.

- Классный руководитель сказала, что у тебя большие успехи в физике, астрономии и иностранных языках. Думаю, когда получишь аттестат, тебе стоит зайти к нам пообщаться насчет возможной губернаторской стипендии.

- Спасибо.

Кажется, моя немногословность ее смутила. Обычно ученики на все готовы ради подобного предложения, и я не была бы исключением, если бы интуиция не вопила, что очень скоро мне будет не до учебы.

- А ты что планируешь? – обратилась она к Лансу.

- Кристенсен с 15 лет студент, - не без гордости пояснила наша классная. – Университет Лунда, отделение Астрофизики и Теоретической Физики, специализация – астрофизика, экстернат. Был зачислен без экзаменов по результатам одного из конкурсов, в которых участвовал, имеет особую государственную стипендию. Ведет индивидуальную работу под руководством профессорского состава.

Мария Ивановна довольно хмыкнула, заметив, как у проверяющих вытянулись лица.

Мое сердце екнуло так громко, что казалось, они просто не могли не услышать.

- Мальчик не закончил средней школы, но уже студент университета?.. – старшая проверяющая озадаченно потерла подбородок.

- Экстерном сдал все школьные экзамены. В двенадцать лет. В Швеции, - классная развела руками с многозначительным видом. – Вундеркинд.

- Зачем же тебе российский аттестат при таких обстоятельствах?.. – с нескрываемым удивлением обратилась проверяющая к «вундеркинду», который, пока перечислялись его заслуги, ерзал на стуле, мечтая скрыться от повышенного внимания и тревожно поглядывая на меня.

Студент... научная работа...

Действительно, зачем?

- Извините. – Я направилась к выходу из класса и, уже закрывая дверь, почувствовала на себе очередной беспокойный взгляд.

Ну вот. Только этого не хватало.

- Послушай-ка, Ланс, так астрофизик Элиас Кристенсен – твой отец? И чем же он занимается теперь, когда покинул мировую науку?

Вопросы продолжают. Отлично. Успею успокоиться и привести себя в порядок.

- Все больше частными проектами.

- Это не теми ли, которые последнее время подробно освещаются в прессе?

- Да, именно. Простите, мне тоже нужно идти.

Услышав эти слова, я малодушно дала деру.

Все ясно. Понятно, что он здесь делает.

Ланс догнал меня у рекреации.

- Ди, постой! Что стряслось?

- Ничего. Если не считать, что ты меня жалеешь. В школу мою зачислился даже... мало ли, вдруг я еще чего натворю вроде обморока. Ответственный...

- При чем здесь жалость?!

- Успокаиваешь пустыми фразами типа «Все будет хорошо, мы все сможем». А на самом деле что?
- Все так и будет.
- Да ну?.. Скажи, зачем ты здесь, студент Университета Лунда? Из любви к учебе?

Он попытался взять меня за руку, но я вырвала ладонь и метнулась к окну. В голове теснились смутные образы чего-то ужасного, в которых я должна была разобраться. А его прикосновения заставляли эти мысли улетучиваться чересчур быстро. Меня злила собственная не поддающаяся никакому контролю реакция, и еще, что Ланс слишком благороден, чтобы сознаться: сам не рад, что втянул меня, и считает, будто теперь обязан опекать. Вместо того, чтобы поделиться опасениями, как с равной, он ходит со мной в школу и пишет тесты, которые уже сдал в двенадцать лет.

- Из любви... другой.
- Не смейся. Я для тебя балласт. Дать прошлому. Я ничего не помню...
- Иди сюда.
- Нет.
- Послушай... - одно плавное движение – и вот он уже держит меня в объятьях, наплевав на мое «нет» с высокой колокольни. Против собственной воли, я ощутила, что неуверенность и обида тают, уступая место расслаблению и покою. Ланс пару раз провел рукой по моим волосам и продолжил совсем тихо, – Чего ты боишься?
- Не справиться с задачей...
- Я тоже.

Неужели. Яркие голубые глаза полны нежностью, тоской, и... страха нет. Одна решимость.

Телефонный звонок вырвал меня из тягучего варева мрачных размышлений.

- Ланс. Привет. Как раз хотелось услышать твой голос.
- Надеюсь, новость тоже порадует. Как ты относишься к островам под названием Фиджи?
- Честно говоря, трудно составить мнение о том, чего в глаза не видела...
- У тебя в скором времени будет такая возможность.
- Это что, шутка?!
- Это не шутка, а та самая новость. Отец отправляется на многострадальный ежегодный слет, и предложил захватить нас с тобой.
- Просто здорово! Какое замечательное место для слета – Фиджи.
- Слет у папы, а у нас – санаторий. Интенсив в виде моря, солнца и свободы.
- Постой, но ты разве не участвуешь?..
- Нет. Обещаю – никаких занудных банкетов. Итак, ответ

положительный?

- Он еще спрашивает. Конечно, волшебник! Вы же исполняете мою мечту.

- Тогда пакуй чемодан, у нас неделя на сборы.

Ответ положительный! Очень положительный! Я схватила маму, только что вошедшую в комнату, и заплясала с ней вальс.

- Диана, ты чего? – удивленно осведомилась она.

- Элиас берет нас с собой на Фиджи!

- А учеба? Как ты собираешься объяснить свое отсутствие?

- В благодарность за спасенную честь школы нам полагается амнистия! Где чемодан?

Однако, мое безудержное веселье неожиданно внушило маме очередную порцию ужасных подозрений. Покачав головой, она строго взглянула на меня, и в ее взгляде явственно читалась некоторая внутренняя борьба: потребность высказать свои опасения, тем самым испортив мне солнечное настроение, боролась в ней с потребностью это самое так несвойственное мне прекрасное настроение побережь и, следовательно, промолчать. Я не была уверена, что хочу выслушать ее соображения. Не то чтобы я не считала свою мать авторитетом, напротив. Но момент казался настолько ярким и безоблачным, что совершенно не хотелось его ничем омрачать. Однако, едва я подумала об этом, как мама приняла решение – первая потребность все-таки победила.

- Знаешь, Диана, - медленно начала она, искоса поглядывая на меня из под ресниц. – Мне эта поездка не кажется очень хорошей идеей.

Ну вот. Как я и боялась, конец постиг безоблачную радость в самом ее начале.

- Почему? – кисло поинтересовалась я, пытаясь заправить выбившуюся из хвоста прядку за ухо.

- Ты не находишь все эти события странными?

Решительно ничего из произошедшего сейчас НЕ казалось

странным. Если, конечно, не рассматривать всю ситуацию в комплексе, ха-ха.

- Не нахожу.

Она вздохнула.

- Послушай, доченька, я понимаю твои чувства. Так долго быть одной, ни с кем не общаться, проводить все дни у монитора, и вдруг – на тебе, какой подарок судьбы. Ты встречаешь парня, с которым вы становитесь лучшими друзьями, партнерами в учебе... и похоже, что не только в учебе... в общем, не разлей вода. После глуповатых и грубоватых одноклассников, он появляется в твоей жизни, словно сказочный принц. Красив, талантлив, умен, прекрасно воспитан... а теперь вот еще и в путешествие на экзотические острова пригласил. Да уж, тут есть, от чего голове закружиться.

Она сделала паузу и взглянула на меня в упор. Я явственно ощутила, что сейчас последует «финальный хук в челюсть».

- Да только подумай: ему-то зачем это надо? Жизнь совсем не похожа на сказку – в ней нет идеалов. Просто такова жизнь. Не считай, пожалуйста, что я предвзято отношусь к твоему другу, он не давал повода не доверять... это лишь смутное предчувствие, но оно пугает. С Лансом связана большая опасность для тебя, я это чувствую. Ему определено что-то от тебя нужно. Я могла бы, пожалуй, предположить, что именно... но совершенно не понимаю этого трюка с поездкой. Ведь ты и так от него без ума – папаше-профессору просто нет смысла сорить деньжищами... да и вряд ли у этого мальчика при столь впечатляющих данных возникают проблемы по части девчонок. Значит, их семейке нужно что-то именно от тебя. Ума не приложу, что это...

Положим, я-то понимала, что «семейке» от меня «нужно», и почему именно от меня. Если бы мама узнала вдобавок, что этот парень, ставший моим «партнером в учебе», на самом деле давно закончил школу, ее недоумение значительно выросло бы в масштабе, и поездка на Фиджи в свете этого

выглядела бы вполне логично.

- Ты же знаешь, я очень разборчива в общении. Психология этой семьи отличается от стандартной. Ланс и есть то самое исключение из правил.

Мама провела рукой по моим волосам, нежно пригладив непослушную прядку.

- И все-таки во всей этой красивой истории обязательно найдется подвох.

- Ты права, есть подвох... – Это слетело с моих губ прежде, чем я успела сообразить, что говорю, и вовремя прикусить язык. Мамины брови чуть приподнялись:

- Какой же?..

Можно было пропустить скользкие намеки на сомнительные мотивы Кристенсенов мимо ушей, если бы мама не оказалась права в другом – предчувствие ее, как говорится, не обмануло: опасность имеет место быть, и на это совершенно нечего возразить. Даже не имея ни капли интуиции, можно легко представить себе масштабы этой опасности по тому лишь факту, что Ланс сопровождает меня везде, как security, делая перерывы только на «поспать», и то с явной неохотой. Желание быть вместе никогда не оказывается столь исступленным, если самой этой возможности ничто не угрожает. А мы словно торопились жить, поглощая невероятные объемы информации, впечатлений, экономя любую секунду чтобы провести ее рядом друг с другом... потому что завтра мог прийти «кредитор», чтобы отменить наше «завтра».

Но сколько мне известно об этой опасности? Что, если пройдет еще лет двадцать, прожитых рядом с Лансом, а там... возможно, будет уже не так страшно, и совсем не жаль жизни, взятой в долг... Разве настоящее счастье не стоит этой цены?.. Вот только что ответить? Дорогая мама. Ты права. Есть в нашей красивой истории один огромный подвох. И заключается он в том, что «сказочному принцу»

предначертано в обозримом будущем пережить нечто очень страшное... а твоя дочь, по всей видимости, собирается разделить с ним этот тяжелый опыт.

Скажи я подобное, домашнего ареста не избежать... а так хотелось ощутить немного солнца и моря, прежде чем отдавать долги, с головой окунаясь в... предначертанное.

И я неожиданно для самой себя объявила:

- Подвох в том, что... у меня нет чемодана.

Уже через неделю мы сдали багаж и вошли в самолет. Это был мой первый в жизни полет. И он был тем приятнее, что летела я не одна, а вместе с лучшим другом, и не куда-нибудь, а на загадочные далекие острова...

Полет оказался совсем не утомительным. Пассажирский рейс, первым классом от Москвы до Токио, и вот теперь - чартер, небольшой самолет, лишь наполовину заполненный салон и стакан свежего сока каждый час. Выяснилось, что я обожаю летать!

Когда летишь выше уровня облаков, кажется, словно самолет

несется над бесконечной снежной равниной, исхоженной в разных направлениях некими причудливыми животными. Я не уставала рассматривать облачные рисунки.

Наконец самолет опустил нос и ринулся вниз, словно задумал брать облачные холмы на таран. Фюзеляж вошел в клубы пара, и на пару минут из окна не стало видно ничего кроме густого белого марева, но вот наконец сквозь прореху в последнем слое облаков заблестела неоднородная синяя поверхность океана.

Заметив на ней множество темных точек чуть поодаль, я шепнула Лансу:

- Кажется, их уже видно!

Он подвинулся ближе и выглянул в иллюминатор. Несмотря на духоту в салоне, тепло его тела было приятно.

- Похоже, ты права... Отец, слышишь? Сейчас сядем!

- Угу... - обреченно вздохнул профессор Кристенсен, изо всех сил сражаясь с подступающей к горлу тошнотой.

Количество темных точек все множилось. Я различила три острова покрупнее, остальные были разбросаны вокруг, словно хлебные крошки.

- Ланс, правда, что архипелаг Фиджи включает триста с лишним островов?

- Кажется, где-то около. Но далеко не все из них заселены. Отец рассказывал, что большая часть населения проживает на Вити-Леву. Вон тот, видишь, овальный, побольше. На нем расположена столица.

- Ага, я читала в интернете, что этот остров – самый популярный среди туристов.

Ланс заговорщически подмигнул мне.

- И не только среди туристов. Отцовский слет будет проходить именно там, в Суве, собственно, столице. Остров давно облюбован умеющим делать деньги народом. К нашим услугам множество суперсовременных отелей, забитые под завязку пляжи, дефицит шезлонгов, подтаявшее на

солнцепеке мороженое и вечно занятые зонтики.

От нарисованной Лансом «упоительной картины» меня передернуло. Так и вижу, как мы, мучимые жаждой и усталостью, продираемся день деньской по пляжу через штабеля и штабеля тел разной степени загара, силясь не наступить ни на чьи жизненно важные части и отыскать себе пару квадратных метров в тенечке.

Заметив по выражению моего лица, какую бурную реакцию вызвали его слова, Ланс расхохотался.

- Не то чтобы я всерьез опасался, что нам не хватит мороженого или шезлонга, сервис там на уровне... но нам с отцом на досуге подумалось, что уж если отдыхать, то в каком-нибудь более уединенном местечке. Вот именно поэтому мы приземлимся в Нанди и сразу же дадим деру!

- Куда?! А как же слет?! – я хотела было еще добавить, что туристический сезон вроде бы начнется не скоро, поэтому особенно внушительных толп можно не опасаться, но промолчала. А то, мало ли, еще передумает. Ведь и мне экзотический остров в мечтах представлялся скорее пустынным и диким, нежели пестрящим отелями, диско-барами, и разделенным на огороженные территории частных пляжей...

- Его отец не пропустит, до Вити-Леву добраться можно на катере или гидроплане. Тем более, папуля тоже не фанат больших скоплений народа. Посему нас троих уже ждет хижина на Тавеуни – третьем по величине острове архипелага. К слову, прекрасный образчик дикой природы, прибежище для социофобов и влюбленных... что, случается, совпадает.

Я предусмотрительно не стала задавать вертевший на языке вопрос, кто в нашей компании к какой категории относится.

Посадка получилась мягкая, но состояния Элиаса это не

улучшило. Некоторое время мы посидели в баре, расположенном в здании аэропорта, чтобы дать ему возможность прийти в себя. Едва справившись с приступом тошноты и головокружения, он принялся совершать ряд звонков. Через несколько минут непрерывных разговоров Элиас огорошил нас с Лансом тем, что ему срочно нужно встретиться с коллегой, и предложил какое-то время погулять по городу. Впрочем, мы не возражали.

- Возьмите такси, ребята. Прямо здесь, в здании аэропорта, можно найти гида с машиной. Повеселитесь, а позже встретимся и уплывем на Тавеуни, - бросил он, вставая из-за стола. – Ланс позаботится о тебе, Диана. Ему ведь не впервой путешествовать без меня... правда, сынок?

- Конечно, пап, не волнуйся, все будет отлично. Созвонимся, да?

Как только профессор Кристенсен скрылся из виду, Ланс взял меня за руку и бодрым шагом направился в сторону... противоположную стойке заказа такси!

- Лучший способ испортить впечатление от путешествия – колесить по городу на крейсерской скорости, - весело пояснил он, таща меня к выходу из здания.

- Мы пойдем другим путем?

- Конечно!

- Каким же?

- Мы пойдем пешком.

Легкий ветерок приятно освежал. Мы неспешно шагали по маленькой улочке, изредка делая несколько глотков сока из бутылки, рассматривали все вокруг и болтали о пустяках. На пятом переулке я перестала считать повороты, кажется, и Ланс тоже. На следующем повороте я перестала замечать окружающие дома. Осталось лишь ощущение свободы, отдыха и новизны, предвкушения чего-то сказочного... ну и, конечно, тепло наших пальцев, когда мы держались за руки. Кто-то, возможно, подумает: по всем законам жанра, нечто должно неминуемо испортить сию идиллию. И этот кто-то,

пожалуй, окажется не так уж далек от истины.

Неожиданно мы вышли на небольшую площадь перед весьма необычным архитектурным сооружением. Здание было метров тридцати высотой, преимущественно голубого, красного и желтого цветов, со ступенчатой пирамидальной крышей, обильно украшенной орнаментом. Вокруг в большом количестве толклись туристы, среди которых изредка мелькали индусы в национальной одежде.

Заметив группу туристов явно американского происхождения, я направилась к ним и поинтересовалась, что это за постройка.

- Как, вы не знаете? Это же главная достопримечательность Нанди – индуистский храм Шри Шива Субраманья. Говорят, что это самый большой индуистский храм в южном полушарии, - ответил мужчина лет тридцати, в забавной гавайской рубашке.

- О, спасибо за информацию!

Я еще раз взглянула на храм. Очень, очень необычное здание... украшенное вроде бы несколько хаотично, оно неизменно притягивало взгляд. Вот так бы и созерцала его весь день...

Оглянувшись в поисках Ланса, я обнаружила его в компании одного из индусов. Не знаю, почему, но мне подумалось, что это кто-то из служителей Храма. У индуса было очень озабоченное, даже встревоженное лицо. Он быстро говорил что-то Лансу, держа его за рукав. Выражение лица последнего казалось не менее озадаченным. Когда я подошла, индеец продолжал свою напевную скороговорку, не обращая внимания на робкие попытки Ланса прийти к «общему знаменателю».

- ... простите, я не понимаю вас. I'm so sorry. I don't

understand your language. Pardon. Ich kann Sie nicht verstehen. No comprendo.¹ Oh my god.⁴ Ди! Иди сюда. Ты случайно не знаешь, что этот уважаемый человек пытается мне сказать?

Я вслушалась, но звуки не стали понятней. Единственное, что я точно видела – что говорящий крайне взволнован и считает очень важным все-таки донести до Ланса информацию... Я беспомощно развела руками.

- Насколько могу судить, он говорит на хинди, а данный язык не входит в число мне понятных.

В этот момент индеец, кажется, совсем потерял терпение. Все еще держа Ланса за рукав мертвой хваткой, он потащил его за собой к храму сквозь толпу туристов. Мне не оставалось ничего, кроме как последовать за ними. Расступающиеся перед монахом туристы в изумлении обзревали странную процессию.

У входа в храм наш индеец нашел одного из своих братьев и принялся втолковывать ему что-то на своем напевном наречии. По мере того, как он говорил, выражение лица второго постепенно приобретало все более изумленный вид. Наконец он обернулся к Лансу и некоторое время молча изучал его лицо. Я проследила за взглядом и тоже уставилась на друга, силясь понять, что же оба монаха такого увидели. Тем же самым занималась обступившая нас группа туристов. Уже через каких-нибудь несколько минут десятки пар глаз самого разнообразного цвета и формы любопытно и выжидающе сверлили моего друга. Тому делалось все более не по себе. Шепоток туристов становился громче, каждый, видимо, стремился обсудить с товарищами происходящее. И вот второй монах поднял ладонь, знаком призывая всех замолчать.

На его встревоженном лице теперь читалась напряженная работа мысли. С трудом выговаривая иностранные слова, он

⁴ пытается на разных языках объяснить, что не понимает язык индийца

произнес на ломаном английском:

- Вы не понимать хиндустани, а я плохо говорить английский. Но мой духовный брат просить сказать пророчество, для мальчик с волосами цвета как песок. На твое лицо Бог оставить своя печать. В жизни ты нести сложный ноша, иметь суровый выбор. Когда ты выбрать следовать Бог, твоя смерть. Когда ты выбрать следовать страх, смерть других. Готов ты платить самый высокий цена? Время близкое. Ты получать наше благословение, весь монастырь молиться за хороший итог.

Я почувствовала, что у меня бессовестно потеют ладони, и в груди с каждым словом маленького встревоженного индийца поднимается холодная волна ужаса. Как они узнали? Почему они говорят это? Разве что-то уже решено? Разве так уж близко тот обещанный час?..

- Когда наступит время? – задал Ланс надломленным тихим голосом мой вопрос.

- Время уже наступать. Ты увидеть признаки. Когда все люди видеть признаки, прийти выбор. Ты и она получать первая весть - скоро.

При слове «она» индеец кивнул в мою сторону, и в этот момент все взгляды обратились ко мне.

- Твоя невеста как ты, с очень сильный дух. Я видеть в вас его пламя – может почти пропасть, но от одна искра гореть опять. Вы оба зажигать пламя в других, и в вещах. Вы быть здесь для того именно. Мы это называть dharma – духовный путь. Любовь и Бог связать вас узы, даже смерть их не рвать. Ваш путь потому - не всегда вдвоем, но всегда вместе. Теперь я произносить извинения, чтобы пойти молиться. Прощай.

Мы не успели глазом моргнуть, как наш собеседник и его товарищ поклонились и исчезли в храме. Еще несколько секунд после их ухода стояла вязкая тишина, и вдруг ее нарушила вспышка фотоаппарата. Затем еще и еще... Ланс

прикрыл глаза рукой, морщась от света, и, обняв меня за плечи, быстрым шагом направился сквозь толпу.

- Hey, fella! One pic, please!

- Guy, girl, give your smiles!

- What did the monk actually tell you folks?

- What was it all about?

- Sorry. We're leaving.⁵ – С этими словами Ланс открыл дверцу ближайшего такси и мы скрылись в салоне от любопытных взоров. В зеркале заднего вида блеснули внимательные черные глаза. Сделав верный вывод, что мы иностранцы, водитель осведомился по-английски:

- Куда едем, молодежь?

- Сейчас уточню, - ответил Ланс, набирая номер Элиаса. - Нанди бэй. Прямо у причала есть небольшое открытое кафе.

Сходу набрав скорость, машина рванула с места и понеслась по узким улочкам.

- Давай не будем рассказывать отцу о пророчестве, - тихонько шепнул Ланс. – Согласна, невеста моя?

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

5 - Эй, парень! Только одно фото!

- Мальчик, девочка, улыбнитесь!

- Что такое говорил вам монах, ребята?

- О чем это шла речь?

- Простите, но мы уезжаем.

*Ложный шаг не раз приводил к открытию новых дорог
Все двери открываются только головой. Остальное-орудия*

ОБРУЧЕННЫЕ ОГНЕМ
фантастика, кидалт

Оказалось, что в кафе нас уже ждут. Профессор Кристенсен был не один. С ним рядом сидел мужчина примерно тех же лет, рыжеватый, с аккуратной бородкой, одетый с британским консерватизмом и щепетильностью. Мужчина с интересом разглядывал нас, пока я и Ланс шли к их столику.

- Так-так, Кристенсен, не знал я, что у тебя еще и дочь, - сказал незнакомец на классическом английском, когда мы заняли свои места напротив них. – С сынишкой-то мы давно знакомы, а про дочурку ты мне ни слова.

- Познакомься, Диана, это Тимоти Ричардс. Мой коллега из Лондона. Тим, про дочь ты не знал, потому что появилась она у меня совсем недавно. – Профессор Кристенсен весело мне подмигнул. Видимо, настроение и самочувствие его существенно улучшились, чего, увы, нельзя было сказать о нас с Лансом.

Я вежливо улыбнулась и протянула руку, которую Тимоти

пожал с неожиданным энтузиазмом.

- Рад видеть вас, Тим. С Ди мы, конечно, не родственники, но сути это не меняет, правда? - сказал Ланс несколько отрешенно, также пожимая руку англичанина.

- Не родственники... – англичанин слегка наморщил лоб. – Знаете, вы двое очень похожи.

Мы с Лансом переглянулись, тщась отыскать хотя бы одну общую черту.

- Нет, нет, - засмеялся Тимоти Ричардс, перехватив наши взгляды. – Не внешностью. Скорее, манерой себя держать и выражением глаз.

Мы одновременно кивнули, соглашаясь. Не удивительно, особенно учитывая состояние потерянности после случившегося события. Два побитых котенка, не иначе.

Далее последовал шквал вопросов, на которые я постаралась ответить сама, максимально заполняя паузы и вовремя толкая Ланса в бок, дабы он подал нужную реплику. Тимоти произвел на меня очень приятное впечатление, но даже его веселый нрав и бесконечные подшучивания не смогли вовлечь Ланса в разговор. Наконец он поднялся и, извинившись, покинул кафе. Я отметила для себя взятое им направление, и попыталась сделать беззаботный вид. Беззаботный вид не удался, ибо кусок не лез в горло, а глаза то и дело рыскали по пляжу, отмечая мелькающие в черед темноволосых местных светлые лансовские кудри. Если я и дальше буду так вертеть головой, кто-нибудь из этих двоих, чей разговор плавно съехал в направлении науки, все-таки заметит, что не все в порядке. К счастью катер пришел прежде, чем это произошло. Поскольку Элиас плохо переносил самолеты, мы решили отказаться от соблазнительной идеи быстренько долететь гидропланом.

На палубе уже был накрыт стол. Еще еда? По приезду я рискую не влезть в свои любимые джинсы.

Прежде чем сесть за стол, я поймала Ланса одного на пару слов. Он стоял у борта и смотрел на бирюзовые волны. Смятение спряталось в глубине его взгляда.

- Тебя беспокоит, что монахи заметили?..

Я стала рядом с ним, положив руку на поручни. Пальцы Ланса слегка коснулись моих.

- Это означает, что времени еще меньше, чем я рассчитывал. Но... давай сейчас постараемся просто не думать об этом, хорошо?

- Почему нет?

- Не забывай, у нас вроде как отпуск. Затишье перед бурей, попытка надыхаться перед... ну, как бы там ни было. В общем, будем расслабляться! – Он улыбнулся и потащил меня за стол, где Элиас и Тим уже вовсю лакомились экзотическими фруктами.

Когда мы подошли, эти двое как раз обсуждали... нас.

- ... и вот тут-то сын меня и огорошил, мол, папа, не зря же я два года копил, надо когда-нибудь и потратиться! Я предложил оплатить расходы сам, благо финансовое положение позволяет устроить детям праздник, но он наотрез отказался.

- Молодчина Ланс, кто бы мог подумать, что парню всего-то семнадцать лет. Эх... любовь... юность... а что, Эл, твой сын словно все эти два года знал, что встретит свою леди Ди, а?

- В некотором роде, - вставил Ланс, когда мы сели. – Может, обсудим планы на отдых?

Что-то слишком много запретных тем. Эта конкретная показалась мне весьма безобидной, и я дала волю любопытству:

- Ну а все-таки, Тим, может, вы меня просветите? Что вы хотели этим сказать?

Тимоти, видимо, принадлежащий к той редкой категории людей, кто любит и умеет высказать искреннее восхищение, с удовольствием пояснил:

- Ни за что не поверю, что ты не знаешь этой истории. Когда

ему исполнилось пятнадцать, Ланс потребовал, чтобы отец открыл для него отдельный счет. А через некоторое время Элиас обнаружил, что на новом счету появилась некоторая сумма денег и начала неуклонно расти! Оказывается, сынишка-подросток выигрывал все престижные премии подряд. За два года Ланс участвовал во множестве научных и творческих конкурсов, завоевал уйму званий и даже умудрился получить постоянную стипендию в Университете. Ну, попутно он, само собой, и скопил прилично, но ни разу не снял денег. Мы все гадали, на что он собирает.

- Мне всего-то нравилось применять с пользой способности, никакой особой заслуги в этом нет, – бросил герой истории как бы между прочим.

Я покосилась в сторону Ланса, усиленно делавшего вид, что занят созерцанием ананаса. Ладно, ладно, все ясно! Зря начала раскручивать и эту тему тоже, но что уж теперь поделывать. Ему не хотелось, чтобы деньги вмешивались в наш отпуск. Наш единственный шанс попробовать жизнь на вкус и почувствовать себя по-настоящему свободными. А тут я и мои дурацкие вопросы про его творческие и финансовые достижения. Однако, теперь вопросов появилось гораздо больше.

Какой же ты сложный, Ланс... С одной стороны, видишь человека поразительной силы воли и ума. Вот вам расчет, вот независимость, все точки над *i* расставляет играючи... а с другой - обнаруживаешь за всем этим внешним спокойствием и уверенностью – ранимость, детское желание отвлечься и сбежать от самого себя в текущий момент, тонкое восприятие, стремление не вмешивать деньги и страхи туда, где остаются тепло, радость и бесшабашное наслаждение жизнью... Противоречивые желания – быть под его надежной защитой и самой защитить яркий огонек этой удивительной души, укрыть от бушующего цунами надвигающейся беды, - все сплелось в моем сознании в единый клубок. Вздохнув, я пообещала себе, по методу Скарлетт, подумать об этом завтра.

Полуденное солнышко пекло основательно. Судя по всему, +33 градуса в конце февраля – обычная для Фиджи норма. Зеленые прохладные волны словно гипнотизировали меня... очень хотелось, как есть, в одежде, нырнуть в воду. Когда мы нашли два заранее забронированных домика из тростника, м-р Кристенсен поспешил принять горизонтальное положение.

- Жара... - простонал он, - и как они круглый год это выносят?

Ланс занес чемоданы.

- Брось, отец, вставай, надо освежиться.

- Идите вдвоем, мне ни к чему вас пасти. Вы оба тут вроде как на каникулах, забыли? Только чур - далеко не заплывать!

- Идите, идите, - поддержал его Тимоти. - А старой гвардии надо отдохнуть и о своем пообщаться.

Увязая во влажном белом песке, мы шли по самой кромке, поднимая тучи брызг, когда небольшие зеленоватые волны подкатывали к ногам. Я никогда раньше не видела моря. Не хотелось надоедать Лансу шумными восторгами, кроме того, природа располагала скорее к созерцанию...

Значит, у нас случились внеплановые каникулы, а?

Все страхи и переживания словно ушли в песок. Солнце, плавающее в небе, небо, переходившее в водную гладь, и пляж – и этой гармонии четырех стихий было бы мало, если бы не... самый красивый вид, самые яркие впечатления обретают смысл, только когда их с тобой разделяет действительно близкий человек.

- Знаешь, я раньше никогда не видела моря.

- А что чувствуешь, когда смотришь?

- Будто вдруг выдернуло в иной мир из прежнего, казавшегося раньше единственно возможным... а теперь единственной реальностью становится все это...

- Тогда просто наслаждайся.

- Жаль, что это волшебство довольно скоро закончится... не представляю, что нужно будет вернуться в наш серый промозглый городок.

- Готова вот так запросто отказаться от привычной жизни? И долго ты потерпишь это волшебство, если оно станет нормой? За легкой иронией мне неожиданно послышались не в меру серьезные нотки. Я задумалась над его словами.

- Пожалуй, да. Но...

- Но – что?

- При наличии хорошей компании.

- Могу ли я таковой считаться?

Ланс остановился и принялся внимательно вглядываться в мое лицо.

- Разве иначе я стояла бы здесь сейчас?

Мне стало весело от его требовательного взгляда. Не предложит же Ланс, в самом деле, не лететь домой и...

- А что ты ответишь, если я предложу не лететь назад на материк?

Я ощутила, что легкое веселье переходит в истерическую фазу. Должно же взаимопонимание иметь хоть какие-то границы?!

- И жить здесь?

- Да.

- Всю оставшуюся жизнь?

- Оставшуюся... - он усмехнулся, и усмешка эта определенно горчила. – Кажется, «оставшаяся жизнь» только здесь и обещает стать сказочным «долго и счастливо».

Не нужно владеть искусством телепатии, чтобы понять подтекст.

Несколько озадаченная его неожиданной откровенностью, я выпалила первое, что пришло в голову:

- Ты серьезно? То есть, ты действительно считаешь возможным остаться?

Он вздохнул.

- Нет, мечтал вслух. Единственное, чего я сумею добиться,

сбегая от своего долга – это сделать тебя несчастной. А в качестве оправдания предъявить разве что тяжелую карму.

Какое-то время мы шли молча. Ланс был погружен в свои мысли, а я не могла придумать, что бы такое веское ему возразить, и потому попросту занялась осмотром окружающей нас природы. Посмотреть, без сомнений, было на что.

Молочно-белый песок, пальмы и прозрачная бирюзовая вода... косяки пестрых рыбок, снующие поодаль... доносящиеся из глубины острова звуки тропического леса – шум листьев, голоса птиц... пейзаж почти что райский, после серого февральского города глаз отдыхает.

Обогнув очередной излом береговой линии, я застыла в изумлении. Нечто мистическое, отдаленно напоминающее известный мне по фото Стоунхендж, высилось над шелковой гладью моря... нечто, едва ли вписывающееся в этот райский пейзаж.

- Что это такое?

Нашему взгляду открылись хаотично разбросанные у берега камни весьма странной формы: они торчали из воды, словно грибы, на тонких ножках, подставив солнечным лучам свои каменные «шляпки».

- Это? – Ланс обвел камни рассеянным взглядом. – Это свидетельство некогда бурной вулканической жизни острова. Путеводители называют эти штуки mushroom rocks⁶. Считается, что во время извержений вулкана лава выплескивалась в таком количестве, что ее потоки достигали прибрежных вод, и образовывали эти валуны. Соленая морская вода за столетия обточила их, придав весьма причудливую форму... Дожили. Я, кажется, цитирую

⁶ mushroom rocks (англ) — камни, по форме похожие на грибы

путеводитель.

- Что в этом плохого? – засмеялась я. – Цитируй, мне интересно!

- Плохо то, что мысли другим заняты, - ответил Ланс все так же рассеянно и, нагнувшись и зачерпнув ладонью прозрачной бирюзовой воды, плеснул себе в лицо. Наверное, это должно было выглядеть просто как желание освежиться, но... Что-то мне подсказывало, что он справляется с собой серьезным волевым усилием. Сейчас натянет вымученную «беспечную» улыбочку, чтобы не портить отдых капризной девчонке, и будет продолжать один ломать голову над ситуацией, в которую мы когда-то влипли вдвоем. Нет, я просто обязана сделать вымученную улыбку настоящей.

- Возвращаясь к предыдущему разговору, замечу, что у тебя необоснованное чувство вины.

- Помнишь свою первоначальную версию про совестливого садиста?

Я согласно кивнула. Что только ни сморозишь, дабы выбить правду... в которую еще сложнее поверить.

- Да уж, обрек на страшные муки, нечего сказать. Сlopали в кафешках все блюда, что значились в меню, пересмотрели все, чем современная киноиндустрия может похвастаться, веселились больше, чем за мою предыдущую жизнь, и это – в какие-то пару месяцев. А теперь вот на Фиджи прилетели. Вынуждена признать, Ланс, это и впрямь с твоей стороны откровенный садизм.

- В довершение начатого, я намерен заставить тебя играть в салочки, - рассмеялся он вполне искренне, шлепая меня ладонью по плечу. – Тебе водить!

- Ну, вот это, будь уверен, еще припомню, - пообещала я, кидаясь за ним в бирюзовые волны. – Дай только догоню...

Впрочем, далеко плыть не пришлось: через несколько метров

он развернулся и сам поймал меня в объятия.

- Ланс! Что за поддавки?!
- Не поддавки. Я передумал.
- Что значит передумал?

Мы застыли, глядя друг другу в глаза. Когда он снова успел стать серьезным?..

- Ди... ты мне действительно веришь?

Какой странный вопрос, особенно, когда мы с тобой вот так близко...

- Конечно!
- Зря!

Яркая золотая вспышка ослепила, и я провалилась вверх, в небо, сквозь облака в черноту. Мы были там оба, в этом ничто, мы были им и друг другом. Казалось, что здесь излишне говорить или двигаться... ни стука сердец, ни тепла рук – я была лишь маленьким облачком тумана, я могла только дышать, с каждым вдохом все яснее осознавая, что мои мысли уже не только мои, и что я знаю все мысли и чувства Ланса, кажется, даже лучше, чем он сам... Гамма эмоций, гораздо более широкая, чем обычно доступна людям, поднялась во мне, но боль была такой сильной, что заслонила все остальное.

«Когда мы встретились в библиотеке, Ди, я хотел обмануть предопределенность, чтобы тебе не пришлось делать страшный, несправедливый выбор. Еле заставил себя уйти, когда узнал твой взгляд... Думал, будет лучше, если мы больше никогда не увидимся... Но ты нашла меня сама, наша связь оказалась слишком прочна... и вот уже на следующий день ты появилась на пороге. Прости, отказаться от тебя во второй раз было мне не по силам. Но я ничего не могу тебе дать, ни времени, ни счастья, ни даже себя самого. Просто

поверь на слово – ничего, кроме боли!»

«Не надо так. Встреча с тобой - это больше, чем я могла желать. Предпочитаю хоть недолго быть рядом, чем прожить томительные годы в удушающей бесцельности, так и не узнав, как много упущено. А потому - отдаю тебе все свое доверие. Я выбираю короткое счастье, я выбираю нас.»

«Прости, что пришлось поделиться с тобой своим отчаянием. Здесь невозможно ничего скрыть, как ни старайся. Но то, что сейчас я читаю в твоей душе – моя панацея.»

И панацея, похоже, действовала. Словно порыв ветра, меня захлестнуло совершенно иного порядка чувство. Вдох – и боль утонула и растворилась в нем. Еще вдох – и оно вытеснило все остальное. Порыв ветра превратился в торнадо, но я не сопротивлялась. Вихрь смешал наши сознания, стер наши границы... вихрь не оставил и следа от «он» и «я» - только «мы», только... радость, блаженство – нет, слишком громоздкие и бессмысленные слова, тогда что? Близость? Она подразумевает маленькое, но расстояние между двумя душами.

«Мы принадлежим друг другу?»

«Полностью.»

Никто не отдавался и никто не брал. Просто в эти мгновения мы случайно сумели открыть свою собственную формулу любви: счастье, умноженное на два, плюс боль, разделенная пополам.

ОБРУЧЕННЫЕ ОГНЕМ
фантастика, кидалт

ЧАСТЬ II - ВОДА
13 - ПОТЕРЯННАЯ НАХОДКА

Я вернулась немного позже, чем он. И сразу почувствовала странную легкость и жар.

Я все так же была в кольце его рук, слегка обнимала за плечи.

- Ты в порядке?- спросил Ланс шепотом, словно не вполне привыкнув еще к тому факту, что в обычном мире, чтобы понимать друг друга, нужно говорить.

- Более чем. Только не совсем пока вернулась к... физическому существованию.

- Вдохни поглубже.

Набрав в грудь воздуха, я снова ощутила, что падаю, только теперь жар сменился прохладой. На сей раз Ланс просто увлек меня под воду, мы проплыли несколько метров, держась за руки, и вынырнули у самого берега, как раз возле замеченных ранее мистического вида камней.

- Что такое с нами только что произошло?

Он помолчал.

- У тебя раньше не было опыта внетелесных путешествий?

- Если не считать нескольких сновидений – нет.
- Тогда это первый. Понимаешь, некоторые исследователи считают подобные данному участку берега странные места – так называемыми местами силы.

- Да, я знаю. Разные уголки земли, с необычной и мощной энергетикой. Как правило, это объясняется природными причинами. Извержение вулкана само по себе - достаточно мощное событие, а встреча огненного потока с водным на берегу... огонь, вода, воздух и земля... вроде как соединились все четыре стихии?

Я понятия не имела, откуда знаю то, что говорю. Но почему-то сказанное казалось правильным. Ланс смотрел на меня с изрядной долей непонятного мне восхищения.

- Точно. И этот остров просто изобилует подобными зонами силы. Древние жрецы в таких местах проводили свои обряды. Многие храмы построены в этих уголках Земли, они дают нашему духу дополнительную силу, а если в молитве соединится достаточное количество людей, то, пожалуй... – Неожиданно он прервал рассказ и предложил совсем другим, легким и будничным тоном, - Пойдем обедать?

Словно ничегошеньки не случилось...

- Думаю, сейчас я хочу пройтись, привести мысли в порядок. А ты пообедай, конечно. Я буду через пол часика.

Пройдя метров десять по берегу, я не удержалась и обернулась. Ланс сидел на песке, судя по всему, напрочь забыв об обеде, и разглядывал водную гладь. Почувствовав мои «маневры», он произнес:

- Возвращайся скорей, Ди. Я подожду где-нибудь здесь...

И... мы встретились глазами.

Пронзительный взгляд человека, для которого нет секретов... Вот что я видела. Теперь он знал всё обо мне, также как и я о нем, но его мысли были куда более достойны демонстрации. Мои же... хм. Сознание того, что эти самые мысли больше не только мои, действовало на нервы. Но еще сложнее мне было

справиться с ощущением déjà vu, словно впервые пережитое чувство полного единства – нечто уже знакомое, словно мы оба уже испытывали его... когда-то очень, очень давно... Я помахала Лансу и бегом устремилась в чащу.

О том, что пора бы вернуться, я догадалась по тонущему на горизонте солнцу, простирающему ко мне свои руки-лучи, как будто в мольбе о помощи... Бред. Это просто закат. Нет и не будет никакой катастрофы.

Последний луч сверкнул на гладкой водной поверхности и исчез, соглашаясь с моими словами.

Вообще-то, катастрофы и правда ничто не предвещало.

Я подошла к хижине, когда почти совсем стемнело. Света в окнах не было, а внутри, как я и думала, никого не оказалось. Элиас и Тимоти, скорее всего, еще не вернулись из Сувы, где проходил первый день их научного слета. Где находился Ланс, я понятия не имела. Его «где-нибудь здесь» нисколько не давало ориентира...

- Ланс! Я вернулась...

Звуки леса, голоса сотен птиц... Сонный шепот задремавшего моря и тихий ласковый ветерок... во всю эту благодать так на удивление органично влился тихий гитарный перебор, что мне не сразу удалось его расслышать. Определив направление, я медленно пошла вперед, стараясь в темноте не запнуться о какую-нибудь корягу. Вступление закончилось и он перешел непосредственно к куплету. И песня такая знакомая... А вот теперь и припев – чистый тихий голос стал громче и... меньше тоски - больше отчаяния.

Я вышла на полянку прямо за его спиной, и остановилась. Ветка хрустнула под моей ногой так некстати... слышал, или нет?

...

And the times when we were young

When life seemed so long...
Day after day
You burned it all away!!!⁷

Допев последнюю строчку до конца, Ланс обернулся.

- Это были очень долгие полчаса...

- Ты волновался? Прости...

- Нет, я знаю, когда с тобой все в порядке. Но одиночество на меня теперь дурно влияет.

- Почему дурно? Мне понравилось... Ты хорошо поешь.

Я слушала – пел он прекрасно, и, судя по всему, независимо от того, слышит его пение кто-то, или нет. Кажется, я не могу найти в этом человеке никаких недостатков, ни внешних, ни душевных. Даже после того, как прочла его душу, словно открытую книгу... Разве так бывает?..

Он улыбнулся.

- Грустная песня - вроде как культурный способ повить на луну.

Я села рядом на бревно. Было прохладно. Ланс повернулся и окинул меня задумчивым взглядом.

- Пойдем в дом, незачем мерзнуть.

Вместо ответа я уткнулась в его плечо.

- Ну, чего ты смеешься?

- Сколько можно читать мои мысли?!

Вдруг полил дождь.

Холодный ветер, как-то неожиданный здесь, в мгновение ока сдул хорошее настроение. Ланс сразу помрачнел, погружившись в невеселые – в духе погоды, - размышления; я тихо вздохнула. Страх, задавленный внутри, разлился в груди ртутью. На красивом и мрачном лице Ланса отражалась давняя, тщательно скрываемая обычно, печаль. Боль начала впечатываться в его черты, пока еще почти не проявляясь, незаметна, она пряталась в уголках глаз, в длинных

⁷ композиция Judgement гр. Anathema

ресницах...

Я знала: ничего не пройдет, мои попытки уговорить себя не думать бессмысленны. Отчаяние будет возвращаться ко мне каждый раз, когда в его глазах появится эта тоска по жизни, на которую, мы оба знаем, что не имеем права. Но бежать от чувств, открытых друг другу сегодня таким странным, даже шокирующим образом... пытаться отдалиться вопреки близости или, скорее, единству?.. Ничего не получится. Лишиться Ланса означает навсегда лишиться половины собственной души... причем, лучшей ее половины... Ничего не изменится, даже если изменимся мы сами – это единство не уйдет, связь не порвется. Многие люди мечтают обрести это ощущение, стремятся через любые преграды и так никогда и не находят... мы же получили сразу и запросто такой бесценный кредит... и жизни не хватит, чтобы выплатить по нему проценты.

- В это время года обильные осадки здесь – обычное явление.
- А Элиас и Тим это учли?
- Надеюсь.

В доме тоже было сыро и ветрено. Мы вернули на место мобильную стену, которая в погожие дни открывала зрелище дивного, как не без оснований живописали путеводители, заката. Стало гораздо теплее. Ланс включил обычно яростно ненавидимый нами кондиционер, стянул мокрую майку и полез в неразобранные чемоданы. Молча и не глядя в мою сторону, протянул мне сухое платье. Капля воды, блеснув в лунном луче, стекла по его руке на ткань...

Не знаю, имела ли я право разрушить иллюзорную преграду. Мне было все равно. Вместо ткани я коснулась его руки... Ланс чуть заметно вздрогнул и выронил платье.

Последнее, что я помнила, прежде чем прижаться к нему, - тихий шорох бегущей по соломенной крыше воды и тусклый свет лунного серпа за окном.

Мне снова казалось, что времени нет. Снова я чувствовала тепло, бесконечно много тепла и наивной нежности, но на сей раз - ни одной сколько-нибудь связной мысли в собственной голове, и ни об одной его мысли я не могла догадаться.

Его ладони на моей спине... мои - на его груди... наши колени коснулись пола... хотела поцеловать в губы – наклонил мою голову и, чмокнув по-братски, в лоб, шепнул:

- Не теперь... решили закончить с долгами, - значит, не... - затем вдруг поцеловал порывисто, потом еще раз, нежнее... отстранился – Нет, так нельзя.

- А так можно? – улыбнулась я, целуя его в плечо.

- Можно, но лучше не надо, - ответил Ланс в том же духе, - а то я забуду, что остальное нельзя...

...а через секунду добавил совсем другим тоном:

- ...уже забыл...

Не знаю, сколько прошло на самом деле времени – пара минут, или пара часов.

Он вдруг отстранился.

- Не сейчас. Это неправильно.

- Что именно неправильно? – спросила я, пытаюсь унять учащенное сердцебиение. Сердцу совершенно не хотелось униматься.

- Все, что я делаю. Как вор, честное слово.

- А как, по-твоему, правильно? – поинтересовалась, перебравшись на постель в так и не снятой мокрой одежде.

- А вот так.

Ланс сел на пол у моих ног и обнял мои колени.

- Клянусь, Ди, защищать тебя от любой опасности, любой ценой, всеми средствами, как бы эта опасность ни выглядела и чем бы нам ни грозила. Даже если опасен буду я сам. Особенно если...

- Что за чушь, ты не опасен! Не говори ерунды.

Я попыталась высвободиться, но он не позволил.

- Скажи... когда я буду иметь право просить... когда смогу предложить больше, чем сказку на пару месяцев... и все еще буду жив, ты... выйдешь за меня замуж?

- Да. Что за навязчивые мысли?.. Все будет хорошо, иди сюда...

- Значит - да?

- Да!

- Вот тогда продолжим.

Он протянул мне отброшенное ранее сухое платье и вышел из дома.

Мокрые вещи наконец напомнили о себе: я зябко поежилась и спешно переоделась.

Что же он так уверен в плохом? То ли пророчество повлияло, еще раз укрепив в мысли, что плохое завершение истории неизбежно, то ли... интересно. А что, если бы мы действительно поженились? Но не в необозримом туманном будущем, а... прямо завтра?

Внезапно яркая вспышка полоснула небо, как скальпель... на секунду в оконном проеме сверкнуло, залив тьму неоновыми фиолетовым, и раскаленный шар с гулом пронесся над хижиной, рухнув где-то в лесу.

- Скорее, надень куртку. Бежим за ним! - Ланс уже стоял в дверном проеме. Все так же в одних джинсах, без рубашки. С волос стекала дождевая вода.

Что ж... под дождь – значит, под дождь. Похоже, начавшиеся днем приключения продолжают...

Мокрые листья хлестали по голым ногам. Колючие плети, взявшие невесть откуда, словно выросшие за этот... час?... или за ночь?.. – норовили вонзиться в кожу поглубже, ужалить побольнее.

- Куда мы так... торопимся? - прошептала я на бегу.

- Нужно узнать... что это было. Есть предчувствие...

Все дальше от хижины, все сильнее углубляясь в тропики, мы неслись, не разбирая дороги. Неожиданно буреломом кончился, и мы выскочили на маленькую лесную полянку. Прямо посреди нее горел костер. Кому, интересно, могло прийти в голову жечь его в грозу в джунглях...

Лишь подойдя поближе, я поняла, что это вовсе не костер. В центре поляны в воронке диаметром несколько метров алел гладкий металлический шар.

Задыхаясь от пекла, мы опустились под деревом плечом к плечу. Шар накалил воздух вокруг себя, подойти было невозможно — пар от мокрой земли валил терпкий и густой, как в бане.

- Может, когда остынет, вернемся? — спросила я, мечтая поскорее унести ноги из эпицентра пекла.

- Думаю, если сбегать к побережью... только давай еще разок взглянем на эту штуку?

Стенки шара едва начали остывать, но теперь очень явственно проступил выгравированный на поверхности символ — круг в круге, внутренний — цельный, а внешний разделен на четыре равные части.

- Ты знаешь, что это такое?

- А тебе символ ничего не напомнил, Ди?

- Есть кое-что. Твоя картина.

- Именно. Это, судя по всему, первый знак, о котором говорил монах.

- Как достать?

- Точно не руками, - он улыбнулся. — Пойдем-ка на побережье, намочим как следует что-то из одежды.

Когда мы покидали поляну, мне вдруг послышалось, что где-то в зарослях на противоположной стороне сломалась под

чьей-то ногой мокрая ветка. Или воображение, подстегнутое происходящим, слишком разыгралось? Ночь. Мы здесь одни. Да и, кроме того... Каких только звуков не услышишь в джунглях после грозы...

Путь туда и обратно занял не больше десяти минут... но, как оказалось, их хватило не только нам. Воронка была пуста. Лишь небольшое углубление, едва заметное под слоем свежего дерна, свидетельствовало о том, что находка десять минут назад нам не мерещилась.

- К твоим услугам - идиот классический, - бесцветным голосом произнес Ланс, падая на колени рядом с воронкой. – Земля. Ну конечно. Влажная после ливня земля.

Кажется, вот теперь повод для мрачных мыслей у него действительно есть...

- Что – земля?

- Тот, кто забрал находку, просто засыпал ее влажной землей из-под корней деревьев, она запеклась на металле от температуры, создав своеобразную скорлупу – забирай не хочи. Незачем было ходить неизвестно куда искать воду!

- Кто это может быть? Если бы удалось отыскать этого человека...

Ланс тихонько засмеялся.

- Отыскать?.. Ди, о чем ты? Это мог быть кто угодно. Скажем, любой местный житель, который продаст эту вещь в одну из тысяч торговых лавок в Суве. Или заблудший турист, желающий увезти с собой необычный сувенир. В любом случае, шанс найти нашу «посылку» на сей раз усиленно стремится к нулю. И угадай, кто в этом виноват?

- Невозможно все предвидеть, - шепнула я, присаживаясь рядом и целуя его в щеку. – Кроме того, я знаю, кто виноват. Виноватого зовут Диана Стогова.

- Это почему?

- Потому... - я собралась с духом. – Потому что, когда мы уходили с поляны, мне показалось, я слышала еще чьи-то шаги.

Завтрак мы благополучно проспали.

Впрочем, насчет «благополучно» - это я так, не подумавши. Но, как бы то ни было, мы с Лансом проспали завтрак, и едва не проспали обед.

От последнего избавил Тимоти, в половине двенадцатого заглянувший в нашу хижину, или, как они с Элиасом называли эти жилища – бурэ.

- Эл, погляди-ка, разве они не чудно смотрятся? – услышала я его веселый голос.

Мимо внимания незамеченным не прошел и тот факт, что Ланс держит меня в объятьях, и я, похоже, всю ночь проспала на его плече. Хорошо хоть, мы были такие уставшие, что рухнули в постель прямо в мокрой одежде. Но все равно, двусмысленности не избежать...

- Неужели до сих пор не проснулись? – ответил Элиас

немного взволнованно.

Я приоткрыла один глаз и заметила в дверном проеме их силуэты.

- Как видишь, - усмехнулся Тим. – Молоды и влюблены. Мой Бог, как давно я сам был таким...

- Если мы не разбудим детей сейчас, то придется переносить экскурсию, - вздохнул Элиас и произнес погромче, - Ребята! Подъем! Вам нужно успеть позавтракать.

- Что случилось?! – вздрогнул Ланс.

- Пока ничего, - ответил Тим, заговорщически ему подмигивая. – Но может, если вы не поторопитесь.

- Давай вставать, - шепнула я, - похоже, куда-то опаздываем.

Мы как раз доедали фруктовый салат, когда появился гид. Он оказался темнокожим фиджийским подростком лет четырнадцати. Тим и Элиас почему-то поклонились ему, поблагодарив за оказанную честь, мы же с Лансом недоуменно пронаблюдали за странной данью местному этикету и ограничились вежливым приветствием.

Мальчика звали Саби.

- За мной, - весело обратился он к нашей четверке на неплохом английском, когда мы собрались и двинулись в путь. – Я покажу вам сказочный Тавеуни, каким его знаем только мы.

Саби оказался очень хорошо подкован в истории острова. За несколько часов пути я узнала о некогда практикуемом здесь каннибализме и связанных с ним древних верованиях фиджийцев, о колонизации Фиджи англичанами, о том, как непокорные местные жители отказались работать на захватчиков и отстаивали право на определенную независимость, так что англичанам в итоге пришлось даже выкупать уже завоеванные земли, необходимые под плантации, у вождей некогда владевших ими племен... о том, как народ Фиджи отказался работать на колонизаторов, а

англичане вышли из положения, использовав в качестве дешевой рабочей силы индийцев, которых впервые привезли на Фиджи именно с этой целью...

Ланс, казалось, не только не слушал гида, но и не смотрел по сторонам. Мрачнее тучи, он шел рядом со мной и молчал. Молчал, когда мы достигли Лавены и ее прекраснейших диких пляжей, молчал, пока мы петляли по джунглям, прыгая через переплетающиеся с тропинкой корни и то и дело распугивая стайки ярких птиц, молчал даже тогда, когда все мы, воспользовавшись канатной дорогой, поочередно побывали на каждом из трех водопадов Баума, представлявших собой мощные потоки кристальной воды, ниспадающие в небольшие озера внизу – зрелище по истине грандиозное. Но даже сие грандиозное зрелище не сподвигло Ланса ни на пару слов, ни на пару кадров – фотоаппарат так и висел на его плече бесполезным грузом.

- А теперь я хочу показать уважаемым гостям святую святых Тавеуни – озеро Тагимаусиа, с которым связана одна прекрасная легенда. По меркам туристов здесь несколько далековато, но я знаю одну дорогу, покороче. Идемте скорей! – весело анонсировал Саби и устремился сквозь джунгли вглубь острова.

- Готовься, Эл, - с усмешкой произнес Тимоти, - озерцо-то находится на высоте около тысячи метров над уровнем моря. Увы, мы с тобой не так привычны к подобным прогулкам, как может показаться молодежи.

- Все бы хорошо, если бы не жара, - усмехнулся Элиас в ответ. – Однако, этот райский остров-сад так прекрасен, что я, пожалуй, готов потерпеть пешие прогулки. Боюсь, идея нанять джип покажется ребятам отнюдь не романтической.

- Ланс, ты, случайно, не знаешь, что за легенду Саби имел ввиду? – поинтересовалась я, стараясь вывести его из состояния отрешенности. Все-таки, мы приехали сюда расслабиться, а не переживать из-за того, что не в силах

изменить.

- Тагимаусиа – озеро, образовавшееся в кратере потухшего вулкана. Говорят, возле него растет уникальный одноименный цветок, и с ним действительно связана какая-то романтическая легенда, но я ее не знаю, – ответил Ланс рассеянно, и вскоре добавил совсем другим тоном, - А вообще, если считаешь, что я преступно трачу драгоценное время на пустые сожаления, то ты абсолютно права.

- Обещаешь исправиться? – улыбнулась я, взяв его за руку.

- Непременно. Ты мне поможешь?

- Не вопрос! Как?

Внезапно Ланс остановился и, притянув меня к себе, поцеловал в губы так жарко, что тропическая жара показалась бледным подобием.

- Оу, прошу прощения... может быть, юная пара желает пожениться по нашим традициям?

Саби, который за минуту до этого, казалось, скрылся далеко в джунглях, стоял на тропинке в метре от нас.

- Не подумайте чего, - продолжил мальчик с озорной улыбкой,

- просто джентльмены решили устроить пикник на берегу озера, поэтому я вернулся за вами.

Внезапно у меня в голове созрел совершенно авантюрный план.

- Послушай, Саби, а что нужно, чтобы нас поженили? – начала я без обиняков.

- О, не беспокойтесь, это совсем просто! – весело смеясь, ответил подросток. – Доверьтесь мне, я все устрою...

- Саби, а мы разве уже дошли до озера? – поинтересовался Ланс, как бы между прочим меняя тему.

- Конечно! Сами поглядите, - сказал мальчик, раздвигая густые заросли.

У меня захватило дух.

Изрезанная береговая линия, местами густо заросшая тростником, виднелась сразу за роскошным зеленым ковром.

Черная вода создавала обманчивый эффект, словно смотришь в бездну, а над ней раскинулось багряно-алое полотно закатного неба.

Повсюду в траве горели яркие огоньки.

- Это и есть цветок Тагимаусиа, пояснил Саби, - в переводе с нашего языка – «слезы во сне».

Я присела на корточки, чтобы рассмотреть получше один из цветов. Он и впрямь был похож на капельку – по крайней мере, нераскрывшаяся белая внутренняя часть, находящаяся в обрамлении второго яруса алых расходящихся от основания лепестков. Ланс, впервые за все сегодняшнее путешествие открывший объектив своей зеркалки, опустил на колени рядом со мной.

- Сейчас сделаю макро⁸ на память.

Наблюдая за его манипуляциями с настройками фотоаппарата, Саби широко улыбнулся и продолжил:

- Кстати, легенда, о которой я упоминал раньше, связана не столько с озером, сколько как раз с этим цветком. Он является одним из символов Фиджи, и кроме Тавеуни встречается лишь в одном месте на Вануа-Леву. Больше нигде.

- А что за легенда? – мне не терпелось послушать местный фольклор.

- Легенда о юной дочери одного вождя, которую отец решил выдать за выбранного им жениха. Но девушка не хотела этого брака, поскольку любила другого парня из деревни. В отчаянии, она убежала из дома в горы. Она бежала, пока не упала и не уснула от усталости на берегу горного озера. Но даже во сне дочь вождя продолжала плакать. Когда отец и его помощники нашли ее, то увидели, что слезы, падающие из глаз спящей девушки, превращаются в прекрасные красно-белые цветы. Цветов вокруг нее оказалось такое множество,

⁸ макро - съемка объекта крупным планом, при которой размер, занимаемый изображением объекта на матрице, соответствует реальному размеру объекта

что расчувствовавшийся отец счел это знаком свыше и, разбудив свою дочь, официально разрешил ей выйти замуж за любимого. Так что, как бы печальна ни была эта легенда, закончилось все хорошо. Девушка и ее избранник прожили вместе долгую счастливую жизнь, а Тагимаусиа и по сей день цветут на берегах этого горного озера. Кстати, юный джентльмен, интересно, что Тагимаусиа – первое, что вы решили сфотографировать. Мы верим, что этот цветок приносит счастье влюбленным.

- У молодежи только и разговоров, что о любви, - заулыбался подошедший к нам Тим. – Эх, завидую, завидую. Ну так что? Как насчет прочих радостей, скажем, перекусить, глядя на закат?

- Одну минутку! – попросил Саби. – Юный джентльмен, хотите сделать еще один красивый кадр?

- Саби, если тебе не трудно... зови меня Ланс, хорошо?

Мальчика не надо было просить дважды.

- Так что насчет фото, Ланс, пока солнце еще не зашло?

- Конечно. Буду благодарен за идею.

- Сейчас я позову своего друга!

Выйдя на открытый участок на берегу, у самой воды, Саби сложил ладони лодочкой, поднес ко рту и издал странный звук, похожий на клич. Затем повторил его еще раз. Через полминуты послышался свист крыльев, и огромная хищная птица села на вытянутую руку мальчика, которую он предусмотрительно обмотал чем-то вроде истертого кожаного отреза.

- Это ястреб, я зову его Страж. Вообще-то, он не ручной, а совершенно свободный, но иногда, когда ему хочется, он может откликнуться на мой зов, просто по-дружески. Если ваша спутница не испугается, я попрошу Стража посидеть у нее на руке минутку, и вы сможете сделать отличное фото.

- Не испугаюсь, - улыбнулась я и медленно, стараясь не встревожить прекрасную птицу, направилась к Саби. Пару

секунд он просто смотрел ястребу в глаза, затем тот вспорхнул и закружился над нами.

- Вот это вам понадобится, - сообщил мальчик, плотно наматывая мне на руку отрез грубовато выделанной кожи. – Готовы?

- Думаю, вполне.

- Станьте сюда, на мое место. Вот так. Повернитесь немного влево, чтобы закат освещал ваше красивое лицо, и вытяните руку горизонтально и вверх. Отлично!

Саби снова издал свой клич, и птица медленно опустилась на мою руку. Ястреб был тяжелым и довольно сильно сжимал когти, но отрез предохранял от ран, а его вес я попросту перестала чувствовать, замерев в восхищении. Ланс несколько раз щелкнул затвором фотоаппарата.

- Послушай, Саби, ты гений! Думаю, это лучшие снимки, которые я когда-либо делал... Ди, попробуй медленно опустить руку пониже. Таак... Здорово! Задержи на секунду...

Опустив руку с птицей на уровень груди, я встретила со Стражем глазами:

- Господи, он удивительный! Спасибо, Саби!

Ланс сделал еще несколько снимков и закрыл объектив.

- Готово.

Мальчик коротко свистнул, ястреб взмыл в небо.

- Не поранились? – участливо спросил фиджиец, помогая мне размотать отрез.

- Нет. Но как... скажи, как ты с ним общаешься? Выглядит, словно волшебство!

Наш юный гид засмеялся:

- Никакого волшебства, просто дружба.

Он снова позвал птицу, и та вернулась на его руку.

- Только взгляди, как ты и Страж прекрасны, - восхищенно

произнес подошедший к нам Ланс, и протянул мне камеру. – Не даром имя Диана означает Божественная...

Но посмотреть снимки я не успела.

Громкий звук выстрела всколыхнул джунгли. Стайки птиц поднялись в воздух и понеслись прочь.

Тихий свист совсем рядом...

Несколько перьев взметнулись вверх...

Ястреб сорвался в небо с тревожным криком, а Саби, опрокинувшись на спину, рухнул в озеро и скрылся под водой.

Несколько секунд мы с Лансом изумленно взирали на темный след в прибрежной водной растительности, затем он отошел на пару шагов, разбежался и щучкой нырнул следом.

В миг оказавшиеся рядом Тим и Элиас подхватили меня под руки и, усадив в траву, принялись осматривать и задавать вопросы наперебой, так что половину я даже не успевала

осмыслить.

- Что произошло? Ты видела, кто стрелял? (Тим)

- Ты не ранена? (Элиас)

- Что с Саби? Где Ланс? (снова Тим)

- Все целы? Что с мальчиками? (опять Элиас)

Чувствуя, что не способна выдавить из себя ни одной мало-мальски вменяемой реплики, я вырвалась и кинулась к тому месту в воде, где исчезли оба парня. Господи, совсем ничего не видно за густой растительностью... и вода такая темная... может ли быть у самого берега глубоко? Насколько хорошо Ланс ныряет? Не треснулись ли они оба головой о какую-нибудь корягу?..

- Я поищу стрелка! – крикнул Тим, вытаскивая невесть откуда взявшийся револьвер и кидаясь в джунгли.

- Ланс за Саби нырнул, да? - надо сказать, у Элиаса в этот момент было совершенно непередаваемое выражение лица. Наверное, не лучше, чем мое собственное...

- Да. Надо что-то делать!

Но сделать мы ничего не успели, потому что в этот самый момент растительный ковер вздыбился и разошелся, словно ткань по шву. Из темной прорехи вынырнул Ланс, кашляя и отплеываясь. Он удерживал потерявшего сознание Саби под руки.

Вытащив обоих на берег, мы с Элиасом встревожено оглядели наших «утопленников». Ланс тяжело дышал, откинувшись на сумки с вещами и прикрыв глаза... Саби же, кажется, не дышал вообще.

- Сынок, вы не ранены?

- Нет, - хрипло ответил Ланс, подавляя новый приступ кашля.

– И с Саби все в порядке. Только чуток воды наглотался. Он не ранен, а оглушен.

Присмотревшись повнимательнее, я заметила, что у маленького фиджийца теперь нет мочки левого уха, но это ранение вряд ли могло быть опасно для жизни. Почему же он

не приходит в себя?

- Воды, говоришь, наглотался? – Элиас опустил мальчишку грудью на свое колено и у того действительно хлынула носом вода. Через минуту Саби поежился и принялся отплеиваться уже самостоятельно.

- Я его не догнал, - сообщил запыхавшийся Тим. Оценив ситуацию, он добавил, - Поздравляю, Ланс, мой мальчик. Ты только что спас от смерти сына вождя.

- Это большая честь для меня, - улыбнулся более менее пришедший в себя Саби. – Не откажите в еще большей и посетите мою деревню.

- Да, нам лучше уйти побыстрее, пока стрелок не вернулся, - мрачно заметил Тимоти, и мы спешно собрали вещи.

Несмотря на почти полную темноту, наш неутомимый гид бодро шагал впереди, держа за руку своего спасителя. Ланс, в свою очередь, держал за руку меня, я – Элиаса, а Тимоти, не торопящийся убирать револьвер, настоял на том, чтобы замыкать цепочку.

- Представляю, какой отец закатит праздник, когда узнает! – весело щебетал мальчик. – Вы все станете нашими героями!

- Саби, может, не скажем никому, а? – робко предложил уставший от внимания Ланс.

- Как – не скажем? Покушение на сына вождя – это вам не шутки, - вмешался Элиас.

- Конечно, не шутки! – подхватил мальчик. – Какие ж это шутки? У меня есть боевое ранение. Это – настоящий праздник!

Вовремя сообразив по наступившей недоуменной тишине, что сказал нечто, звучащее для уха европейца как минимум странно, Саби поправился:

- То есть, я и говорю - отец закатит в вашу честь настоящий праздник!

Деревня, которой правил отец Саби, находилась на территории национального парка Баума. Мы быстро просеменили мимо маленьких бурэ, стоящих вдоль узкой грунтовой дороги, к другому бурэ, побольше, находящемуся в самом центре деревни. Внутреннее убранство разительно отличалось от домиков, которые туристические центры сдавали внаем. На первый взгляд, самым ценным в доме была циновка.

- Не пугайтесь, друзья, - шепнул нам Тимоти, - вождь не так беден, как может вам показаться.

- Неужели, – проворчал Ланс, которого не меньше, чем меня, поразил яркий контраст с нашим собственным бурэ.

- Плетеная мебель и циновки прекрасно сочетаются со встраиваемой бытовой техникой, - хохотнул Тим. – Просто здесь ее не сразу заметишь.

- На самом деле, Тиму стыдно за своих предков-колонизаторов, - заметил Элиас с ухмылкой. – Но он ни за что в этом не сознается.

- Колонизаторов?! Да их отовсюду гнали, как приживалок! – буркнул Тим себе под нос, но никто из нас не стал уточнять, что он подразумевал под столь странным утверждением.

В центре бурэ, состоявшего из одной-единственной, зато довольно вместительной комнаты, был расположен низкий грубо сколоченный стол, по бокам которого располагались кресла из тростника. Три кресла оказались заняты. Во главе стола сидел представительный темнокожий мужчина на вид лет около сорока, в ярких национальных одеждах, напротив него – двое мужчин, одетых несколько скромнее. Они общались между собой на фиджийском. Похоже, что сидевший во главе стола и был вождем – по крайней мере, этот вывод я сделала, пронаблюдав, как Саби кинулся к нему через всю комнату и, немало не постеснявшись, что оборвал беседу взрослых, принялся щебетать что-то ему на ухо. Заметив, что Саби решился на столь вольный поступок в присутствии гостей-чужеземцев, вождь было нахмурился, но, вслушавшись в то, что говорил сын, свой праведный отчий гнев решил попридержать.

- Вы в курсе о фиджийском этикете? – тихо поинтересовался Тим.

- Вопрос риторический, - ответил Элиас другу. – Ты же знаешь, никто из нас троих раньше здесь не был.

- В таком случае, сообщаю, что мы с вами нарушаем одно непреложное правило: заявляться к вождю мало того, что среди ночи, так еще и без традиционного дара, который на местном наречии, кажется, именуется севусеву⁹ – по меньшей мере опрометчиво.

Никто не успел выразить мнения по обсуждаемому вопросу, поскольку Саби как раз закончил свою удивительную историю. Вождь наконец получил возможность одарить

⁹ традиционный дар вождю, который посетители деревни обязаны преподнести во время визита. Стоимость дара, согласно этикету, не должна превышать 10\$. Как правило, путешественники дарят спиртное или коренья, из которых фиджийцы готовят свой национальный напиток

вниманием неожиданно «осчастлививших» его дом визитом гостей, и некоторое время молча взирал на нас. Эмоции, если они и были, не читались по его лицу, пока пронизательные черные глаза поочередно изучали всех членов нашей пестрой компании. Наконец он произнес по-английски:

- Мой сын говорит, отныне вы четверо - его друзья, ибо спасли его жизнь. Это так?

Несколько секунд мы в замешательстве молчали, не зная, кому по этикету полагается отвечать. В итоге Тим решил взять на себя эту ответственную роль и выступил вперед.

- Саби говорит истинную правду, уважаемый вождь. Позволю себе добавить к его рассказу только одну деталь – не мы спасли его жизнь, а один из нас. Один из нас действительно рисковал собой во имя спасения Саби.

- Кто он? Пусть подойдет ко мне.

Ланс сделал несколько шагов и остановился чуть впереди Тима.

- Прав я, полагая, что именно вы, юноша с волосами цвета песка, спасли моего сына от смерти?

- Да, - последовал лаконичный ответ.

Вождь оглядел Ланса гораздо более пристальным взглядом, чем в первый раз. Молчание длилось несколько минут. Наконец он счел нужным нарушить тишину:

- Да, это так. Очень сильный дух, сердце почти без страха... почти... единственный страх твой – за нее.

В этот момент взгляды всех присутствующих неожиданно обратились... ко мне, следуя за рукой вождя, указавшего в мою сторону. Взгляды всех, кроме двоих. Вождь и Ланс, встретившись глазами, так и продолжали изучать друг друга.

- Скажи, отважный светловолосый воин, почему ты так боишься за эту девочку?

- Я... - Ланс едва заметно вздрогнул, но все же глаз не отвел.

– Я должен защитить ее от беды, но знаю, что не смогу.

Их безмолвный диалог длился чуть дольше, чем реплики, сказанные вслух. Наконец вождь широко улыбнулся и встал.

- Ну что же. Друзья моего сына – мои друзья. Спаситель же моего сына может сейчас просить что угодно.

Тимоти, слегка наклонившись вперед, шепнул:

- Не вздумай отказаться. Ты удостоился большой чести, и отказ может оскорбить вождя.

- Но мне ничего не нужно! – воспротивился Ланс, - все произошло случайно. Не достоин я таких почестей.

- Так придумай что-нибудь, - нервно ответил Тим, - этикет здесь нарушать не принято, тем более, два раза за вечер.

Словно в подтверждение этих слов, вождь произнес:

- Так что же юный воин желает в награду?

- Прошу простить меня, уважаемый вождь, но я не готов ответить. Могу ли просить вас дать мне время подумать?

- Хорошо. Сообщи же о своем решении незамедлительно, как только примешь его. А пока ты размышляешь, я попрошу своих людей созвать всех жителей. Сегодня мы устраиваем праздник в вашу честь.

Ланс коротко поклонился и они с Тимом присоединились к нам. Вождь отдал приказание на фиджийском двум своим братьям, и те спешно покинули буре.

- Разве я не могу вежливо отказаться от награды? – спросил Ланс, почти умоляюще глядя попеременно на Тимоти и отца.

- Нет, сынок. Дело в том, что ты спас наследника, чем очень обязал вождя. Теперь, насколько я понял Тима, по местному этикету он обязан отблагодарить тебя, чтобы не быть должником. – Элиас вздохнул.

- Ну попроси об услуге какой-нибудь, – предложил Тим. – Например, погостить пару дней в деревне и познакомиться с местными обычаями.

- Здесь сочтут это слишком малой наградой герою, спасшему мою жизнь, - весело сообщил Саби, бесшумно возникший рядом. – Но не беспокойтесь: я, кажется, придумал кое-что интересное.

С улицы послышался шум (похоже, на площадь перед буре

тащили что-то тяжелое) и гомон веселых голосов. Несколько женщин затянули задорную песенку, и вскоре остальные подхватили ее и запели стройными красивыми голосами. Удивительно – но в хоре не слышалось ни одной фальшивой ноты.

- Отец, позволь мне говорить, - тем временем обратился Саби к вождю, и продолжил, - мои друзья слишком скромны, чтобы напрямую просить тебя о награде. Но они удостоили меня доверия сообщить, что могло бы такой наградой стать. Отец, мы должны провести свадебную церемонию.

Вождь уставился на всю нашу честную компанию, даже не пытаясь скрыть недоумения:

- Только и всего? Если мой сын прав, то ты, юный воин, можешь выбрать любую из наших женщин, и мы совершим обряд сегодня же.

Тима при этих словах сразил подозрительный приступ кашля, а Элиас только прикрыл глаза.

- Ну спасибо, Саби, приятель, удружил, так удружил, - с усмешкой прошептал Ланс, и, взяв меня за руку, потянул за собой вперед. - Простите за недоразумение, уважаемый вождь. Женщины вашей деревни прекрасны, но мы с Саби подразумевали определенную девушку. Это Диана.

Вместо того, чтобы, как ранее, попросить подойти ближе к нему, вождь поднялся с кресла и сам сделал несколько шагов, разделявших нас. Последовал еще один молчаливый диалог, на сей раз – со мной. Мудрые глаза угольно-черного цвета словно приковали к себе мой взгляд. Было жутковато осознавать, что в этот момент моя душа у вождя как на ладони – ощущение отдаленно напоминало то чувство полной искренности и эмоциональной наготы, которое нам с Лансом вчера довелось испытать, за одним исключением – без труда «прочитав» меня, вождь так и остался книгой тайн.

- Что ж, - наконец изрек он, отводя взгляд и давая мне возможность тихонько перевести дух, - приношу извинения за

отказ.

- Но отец, - взволнованно начал Саби, - ты разве не обещал...

- Полно, сын, ты считаешь, дело в моей воле? Дело вовсе не в ней. Обрученные живым Огнем не нуждаются ни в земных обрядах, ни в человеческом благословении. Я не могу дать этой паре то, что у них уже есть. Пусть сейчас просят иное.

Пение на улице становилось все громче. Слышался стук посуды о поверхность столов, и еще какой-то незнакомый звук, словно некто вколачивал в доски гвозди. Я мельком оглянулась назад, но заметила только Элиаса, который, встретившись со мной взглядом, лишь растерянно развел руками. Тим куда-то исчез.

Похоже, помощи ждать неоткуда. Поженить нас, выходит, нельзя, потому что мы и так обручены... живым огнем? Обожаю шарады, но эта конкретная вовсе не кажется мне простой. И на повестке дня все-таки остается вопрос, как потактичнее отказаться от награды, при этом не обидев вождя. Раз уж мы не знаем, что попросить...

- Достойный вождь, - начал Ланс, - думаю, что на сей раз выбрал правильно.

Вот так дела. Этот парень невыразимо загадочен. Разве не он только что умолял избавить его от мук выбора?..

- Ты доставил мне искреннюю радость своими словами. Каков же выбор, друг мой?

- Я прошу у вас в качестве награды эту вещь.

Проследив направление его взгляда, мне оставалось только присвистнуть. На маленьком плетеном столике рядом с креслом вождя лежал наш давешний артефакт. Он был вымазан засохшей бурой грязью, но я бы ни с чем не спутала проступающую под ней гравировку на его поверхности...

-Эту? – вождь, казалось, поразился такому ответу. – Что же, воля твоя, мой друг. Однако, дело в том, что эта вещь мне не принадлежит. Тот, кто передал ее, просил открыть внешнее ради внутреннего, поскольку сам не сумел это сделать.

Однако и моей мудрости оказалось недостаточно. Должно быть, у тебя были свои причины выбрать именно эту вещь, а потому мое решение следующее: если ты сумеешь сейчас открыть внутреннюю сущность предмета, он твой.

- Благодарю вас, вождь, это справедливо, - ответил Ланс и поклонился, принимая из его рук артефакт. - Но лучше попробуем сделать это на улице.

Во главе с вождем, все мы направились к выходу.

Площадь была украшена цветами и освещена десятками факелов, привязанных к древкам воткнутых в землю копий.

По всему периметру площади были накрыты столы.

Множество радостных, улыбающихся лиц встретили нас. Все до одного, островитяне скандировали единственное слово:

- Була! Була! Була!

Несколько женщин, одетые в яркие праздничные наряды, преподнесли нам по половинке кокоса, заполненной каким-то резковато пахнущим напитком темного цвета. Вождь приподнял импровизированную чашу вверх, в знак приветствия народу своей деревни, затем медленно поднес к губам и принялся пить. Мы с Лансом переглянулись и последовали его примеру.

Напиток был терпким, чуть горьковатым, и оставлял приятное послевкусие не то миндаля, не то чего-то, что я по незнанию спутала с миндалем. По телу разлилось тепло, когда мы поставили на край стола опустошенные «чаши».

Вождь произнес несколько фраз на родном наречии, и фиджийцы расступились, образовав круг. Над деревней воцарилась неестественная тишина.

- Что же, - обратился вождь к Лансу. – Вам пора начинать.

- Надеюсь, ты знаешь, что делать? – неуверенно шепнула я, переходя с английского на русский. Совершенно не хотелось

выдавать свои сомнения окружающим.

- Не поверишь... я надеялся, что ты знаешь...

- Интересно, откуда?..

- Ну... ты была мастером по машинам.

- Именно! Я им была! Забываешь, что я была им в прошлой жизни?

- Ладно, ладно, хорошо! Ты не знаешь, я понял.

- Ты тоже. Но от нас ждут, что мы это сделаем. Так что давай думать, как.

- «Все закрытые двери открываются только головой. Остальное – орудия»... кто из великих это изрек?

- Грасиан?

- Нет... кажется, Александр Кумор...

- И как предполагаешь, какими орудиями наша дверь открывается?

- Ну... «ложный шаг не раз приводил к открытию новых дорог»...

- Он же?

- Ага. Кладезь мудрости, между прочим!

- Отлично. У нас впереди целая вечность для совершения ложных шагов!..

Мы тихонько засмеялись. Приятно было сознавать, что с человеком, стоящим сейчас рядом, можно пытаться шутить в такой напряженной атмосфере. Захотелось сказать ему, что чувствую, но от волнения слова не шли с языка... я повернулась и посмотрела на Ланса обожающим взглядом. Его глаза выражали то же самое.

Так значит, «обрученные живым огнем»? Охотно верю!

Скрежещущий звук царапнул хрупкую тревожную тишину, словно алмазный резак по стеклу.

- Вот! – не нарушая зрительный контакт, Ланс взял мою ладонь и медленно переложил в нее артефакт, снизу поддерживая своей. – Эврика! Мы с тобой – обрученные

живым огнем. Давай попробуем подумать сейчас обо всем, что нас связывает.

- Давай, как на сеансе регрессивного гипноза – раскручивая события от данного момента назад, к началу...

Картинки полетели сквозь сознание с такой скоростью, словно сумасшедший кинооператор иступленно прокручивал пленку: тысяча кадров в секунду.

Мощный золотой поток окутал нас, и сквозь шум в ушах я разобрала, как Ланс произнес в эйфории, едва ли ожидаемой от его сверхуравновешенной персоны:

- Диана, ключ - это мы!

Раздался тихий хлопок, и золотистый свет начал меркнуть. Круглой капсулы в ладонях больше не было. Вместо нее мы держали странный предмет, напоминающий модель звездной системы.

Зависшая над деревней тишина стала почти звенящей от напряжения. Сотни глаз были устремлены в нашу сторону. Голос вождя послужил долгожданным сигналом:

- Итак, свершилось! Внутренняя суть моего дара явлена! Эта пара получает свою награду.

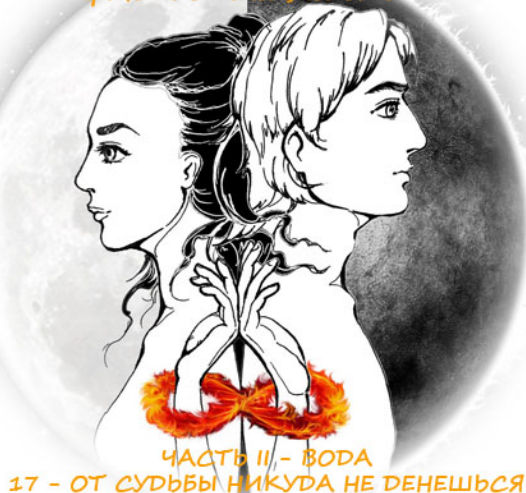
Тишина раскололась о гул голосов и осыпалась под ноги осколками.

Жители деревни спешили поздравить нас, забрасывая цветами. Пожалуй, все произошедшее даже веселее свадебной церемонии...

Мимо пронесся Саби и выкрикнул:

- Ура моим друзьям! А теперь – пир!

ОБРУЧЕННЫЕ ОГНЕМ
фантастика, кидалт

ЧАСТЬ II - ВОДА
17 - ОТ СУДЬБЫ НИКУДА НЕ ДЕНЕШЬСЯ

Когда я подошла, он сидел на песке и смотрел на море.

Не желая нарушать этот диалог с природой, я стала медленно пробираться по пляжу за его спиной, вознамерившись пройти дальше вдоль берега. Ланс обернулся.

- Ходишь, как кошка. Не зная, что ты рядом - не заметил бы.

- У меня создается впечатление, что я хожу как слон!

Он улыбнулся мне:

- Просто я тебя чувствую.

- Как? – хотелось бы самой знать, как и почему это происходит...

- Как и ты. Ты ведь всегда знаешь, где меня искать?

Да. Это правда. И... наверное, способность чувствовать его только усиливается, с каждой минутой.

Море было и остается одним из самых красивых, и кроме того гипнотизирующих, зрелищ... У берега то и дело возникали яркие фосфорические вспышки.

Ланс сделал глубокий вдох и тихо сказал:

- Будет гроза...

- Так чего мы ждем? Идем скорее в бурэ!
- Нет, я хочу дождаться Саби. Собираюсь на прощание подарить ему от нас кое-что.
Единственная вещь, которая была у Ланса с собой, это лежащий рядом фотоаппарат.
- Зеркалку?
- Да. Правда, Тим сказал, что это авантюрный поступок, так как вещь стоимостью тысяча долларов считается очень дорогим подарком, и соответственно, обяжет Саби отдарить нечто не менее ценное.
- Если вспомнить строгий фиджийский этикет, то сдастся мне, Тимоти прав.
- Подарок прощальный. Даже если Саби с вождем удумают что-то ответное, утром они нас здесь просто не застанут.
Я обняла его за плечи.
- Иногда я сомневаюсь, что вообще тебя заслуживаю.
- Придется перестать, ибо мы обручены и твое слово я назад не верну! – засмеялся Ланс, иронично воспринимающий частые дифирамбы. – Не проси.
Я представила, как упрашиваю его, человека, воплощавшего для меня все мыслимые и немыслимые достоинства, вернуть помолвочное обещание, «всученное» мною наконец, с таким трудом и долготерпением... Упрашиваю, не иначе как в приступе белой горячки, хотя пожалуй, даже оный не заставил бы меня отказаться от этого мужчины!
- Не надейся, и не подумаю!

Песок был холодным и влажным, но мы не замечали, дурачась и то и дело оказываясь засыпанными им с ног до головы, как же странно в такую погоду, должно быть, выглядели двое хохочущих во все горло молодых людей, бегающих по пляжу друг за дружкой, и, периодически сшибая друг друга с ног, впадающих от этого в еще более бурные приступы веселья. Несмотря на скорый отъезд, нам было радостно, сейчас, именно в эту минуту: радостно от того, что

так замечательно решилась история с нашим артефактом, что наконец-таки все обещания даны, и, что еще более важно, охотно приняты, что можно говорить и молчать – и быть одинаково понятыми, и просто от того, что в этот день, под этим низким серым небом, мы вместе...

Каким беспечным и нелепым могло показаться наше веселье под этим хмурым грозовым небом...

Долгий поцелуй прервал знакомый веселый голосок:

- Оу, прошу прощения... кажется, у меня появляется досадная привычка приходить не вовремя!

- Привет, Саби. Ты очень вовремя. Мы позвали тебя попрощаться.

- Что, уже улетаете?.. Но ведь прошла всего неделя...

Резко погрустневший мальчик запустил пятерню в черные кудри.

- Пожалуйста, обещайте, что скоро вернетесь? Вы и ваши спутники – всегда желанные гости у нас. Я буду скучать.

Ланс протянул мальчику фотоаппарат.

- Вот, возьми. Это поможет скучать поменьше.

- Но...

- Ты же не хочешь нас оскорбить отказом? – лукаво подмигнула Саби я.

- Там, где мы с Ди живем, принято делать друзьям подарки на прощание. Ты раньше фотографировал?

- Нет. Но я часто помогал туристам придумывать интересные сюжеты.

- Теперь ты сможешь сам снимать свои сюжеты! Саби... - взяв подростка за плечи, Ланс изобразил свой излюбленный «прорицательский нахмур бровей», - я вижу тебя всемирно известным фотографом. Это твоя судьба, приятель. А от судьбы, можешь мне поверить, никуда не денешься...

Последняя фраза сама собой вернула нас в соответствие с окружающим пейзажем. Небо вырисовалось довольно ясно,

нависая над помрачневшим морем, как коршун над загнанным зайцем, готовое вонзить свои молнии-когти в податливую воду. Саби не нашелся что возразить, взял протянутую камеру и прижал ее к груди несвойственным ему беззащитно-детским жестом. Ланс все еще улыбался, но из его улыбки мгновенно исчезла живость, оставив приподнятые уголки губ спорить с погрустневшим взглядом. А по моей разгоряченной от движения коже вдруг поползли мурашки, - то ли от резкого ветра, начинавшего дуть с моря, то ли от очередного предчувствия...

- Кажется, теперь я понимаю, почему люди плачут в аэропортах, - протянул Саби, и обнял нас обоих свободной рукой. Так мы постояли еще несколько минут, обещая друг другу тысячи разных невыполнимых вещей, пока усилившийся ветер не заставил поторопиться под защиту хрупкой тростниковой крыши.

Самолет нес нас домой словно насильно. Как будто в салоне находились не мы сами, а отражения... настоящие же остались на пляже, где все еще бродили по кромке у самой воды, держась за руки, и строили планы на будущее.

Стюардесса принесла обед и чай... я дала Лансу его стакан, он взял не глядя, по-моему, даже не разобрав, что это; через пятнадцать минут, когда я уже успела и попить, и перекусить, и пролистать утренние газеты, Ланс все еще держал стакан, из которого не сделал ни глотка.

Родина встретила проливными дождями и промозглым холодом, - неизменными признаками ранней русской весны... Пролетая над столицей, я почти физически ощутила сырой вязкий воздух, словно застревающий в легких... Приземление в Домодедово было мягким, но на редкость грязным. По длинному гибкому трапу-переходу мы попали из салона самолета в сверкающее стеклом и пластиком здание, где возле

ленты пришлось некоторое время ждать свой багаж.

«И дома - тоже дождь, тут к бабке не ходи...»

По улицам текли бурные потоки. До бабки, при всем желании, добраться можно было разве что вплавь.

Ланс донес мою сумку до квартиры. Мы стояли на лестничной площадке и молчали.

- Громадное спасибо тебе за поездку,- наконец произнесла я, - ты подарил мне настоящую сказку!

Он улыбнулся. Но как-то неуверенно... И еще эти горькие складочки, словно знает о чем-то... чем-то, что мне скорее всего не понравится.

- Рад, что тебе отдых пошел на пользу.

- Похоже, тебе не пошло на пользу возвращение...

- Настроение прямо-таки лимонное, - хмыкнул Ланс, предприняв запоздалую попытку спрятать от меня глаза.

- Что именно тебя беспокоит?

- Мы слишком долго открещивались от ловушек судьбы... А удача тоже имеет срок годности.

С таким настроением мы и отправились на учебу.

На алгебре Ланса вызвали к доске решать задачу. Дойдя до середины решения, он вдруг резко развернулся к двери:

- Чувствуете запах дыма?

В этот момент дверь открылась и на пороге появилась наша классная. Само спокойствие, она сообщила:

- Горим. Прошу всех за мной, только без паники. Нужно срочно эвакуироваться.

- А вот и первая ловушка, - саркастически заметил Ланс уже на лестнице, по которой из-за возникшей суматохи спуститься было проблематично. Паника распространяется в массах гораздо быстрее, чем огонь в здании. И все же, когда все классы наконец выстроились перед школой, где преподаватели пересчитывали поголовье своих подопечных,

огонь захватил второй и третий этажи. Здание пылало, как факел – мне казалось удивительным, что тонны камней и штукатурки могут вот так полыхать, словно какие-нибудь сухие головешки...

В суматохе я и не заметила, что сжимаю руку Ланса сильнее, чем необходимо, так что даже костяшки пальцев побелели от напряжения... Он заворожено смотрел на пламя.

- Ди, в здании остался один ребенок.

- Откуда ты знаешь?!

Не ответив, Ланс выскочил из толпы и кинулся к школе. У меня возникло стойкое ощущение *déjà vu*.

Заметившая маневр классная схватилась за сердце:

- Да что ж он делает-то?! Где пожарные?! Надо остановить Кристенсена, сейчас рухнет крыша!

Когда кончился мой трехсекундный столбняк, строй потерял еще одного ученика. Слыша, как Мария Ивановна что-то кричит теперь уже мне в след, я проскользнула в двери. Пусть кричит, у меня есть оправдание своему глупому поступку. Я – тот человек, который и остановит Кристенсена... точнее, помешает ему умереть...

Гарь заполонила все внутри, разобрать что-то было сложно, дышать – только в теории. Я прикрыла нос рукавом и пошла вперед. Главное – убедить саму себя, что это помогает. Раз уж я все равно не особенно вижу, куда идти, можно положиться на интуицию... чего проще. Я всегда его находила. Мы с Лансом – единое целое...

Несколько шагов по ступенькам... вот черт!

Сверху капала какая-то расплавленная хрень. Что-то трещало прямо надо мной. Дым начал разъедать глаза, и соленые слезы вкупе с задымленностью полностью лишили обзора.

Боже мой, как это, оказывается, страшно... когда сморишь фильм, где герой спасает кого-то на пожаре, ты не чувствуешь ни температуры, ни вони, не перестаешь видеть, не оказываешься настолько беспомощен...

Может, не туда?..

Но звук, который через секунду заставил забыть о страхе, оказался убедительнее инстинкта самосохранения. Это был лишь краткий, сдавленный стон, но я услышала. Он мгновенно затих - и продолжил отдаваться эхом в моих ушах. Ланс отличался незаурядной сдержанностью и просто ангельским терпением. Что бы с ним сейчас ни происходило, ему нужна помощь...

И значит, мне все-таки туда...

Я почти физически ощущал, как ребенок кашляет, пытаюсь открыть заклинивший замок оконной рамы. Ловушка. За дверью огонь, окно не поддается... газовая камера. Ну давай же, парень, оглянись. Мне нужно понять, где ты.

В классе гарь, комната маленькая, темная, с одним окном... на нем – грязная светло-зеленая штора. Пластиковые ящики, в них порошки и пузырьки. Стеллажи с пробирками вдоль стен... если все верно, то это - окно лаборантской, смежной с кабинетом химии... последним по коридору. Чтобы попасть

туда, придется идти через два участка открытого пламени. Хорошо хоть до обрушения несущих конструкций время есть. К счастью, модная тенденция обшивать стены красивой токсичной дрянью провинциальные школы миновала. Выходит, чиновники, погревшие руки на распиле бюджетных средств, сегодня спасли нам жизни. При случае непременно пожму эти самые руки.

От лестничного пролета отделяла плотная стена пламени – первый участок. Пришлось притормозить. Огонь с детства казался мне живым существом... наверное, поэтому в кармане всегда лежит зажигалка. Стоит щелкнуть кремнем, как тяжелые мысли меня оставляют... Языки пламени, танцующие на стене, рядом с которой я остановился, лизнули руку. В хаотичном на первый взгляд движении читалась последовательность... и, либо я совершенно сбрендил, либо понимаю этот язык.

«Здравствуй, эйнирианин»

«Я был уверен, что ты обладаешь сознанием.»

«Тебе стыдно не помнить... из клана Огня как ни как.»

«Я бы многое отдал, чтобы вернуть себе Память.»

«Что ж, помогу ее освежить.»

Сноп искр брызнул в лицо... что это?!

Потеря контроля над телом, потеря равновесия, отбитые о бетонный пол колени – ерунда... но в следующую секунду огонь стал жечь меня изнутри... рраз!.. – и целиком...

Не сумев сдержать вопля, я тут же пожалел об этом, ведь ребенок мог запаниковать, натворить глупостей... и с ужасом отметил, что еще чуть-чуть, и заору в голос...

Желто-красные искры мелькали перед глазами. Болела каждая клетка тела, каждый нерв... я не мог это прекратить. Оставалось только терпеть, стиснув зубы.

«Все стихии являются формами жизни, но несколько иного рода. Свободные, мы способны не только на разрушение, как принято на Земле считать. Мы создаем. Так, в Эпоху Смутного Времени Эйнириане объединились со Стихиями, перекроив свой мир: плод их совместных усилий, возникли Заповедники Стихий и Конфедерация. С тех пор мы сосуществуем и никогда не причиняем вам вреда. Чего не скажешь об этой планете. Все. Теперь твой дух от земного перерождения почти очищен. Сейчас ты многое вспомнишь, Огненный. Дыши давай.»

Боль резко отпустила. Я больше не чувствовал жара, ни внутри, ни снаружи – от горящих головешек. Как это странно... кажется, я снова могу стоять.

«В здании находится первоклассник. Я хочу забрать его»

«У нас нет соглашения с людьми»

«Но один ребенок не может отвечать за глупость множества взрослых!»

«Иногда один отвечает за всех. Как в случае с тобой. На Эйнире ты взваливал на себя все самое страшное, невыполнимое. Ты и сюда явился за этим... Потому мы тебе помогаем.»

Я сделал несколько шагов сквозь барьер пламени. Ни жара, ни страха, ничего... За вспышкой яркого света наступила относительная темнота – ступени по ту сторону. Значит, из клана Огня?

Дальнейший маршрут прост – к крану в рекреации, намочить там рубашку, затем к кабинету.

- Дышать не могу... - зашелся в приступе кашля первоклассник, когда я взял его на руки. – Ты пришел меня спасать?

Я приложил мокрую ткань к его лицу.

- Дыши через это. Будем вместе нас спасать, ладно?

- Круто! Что надо делать?..

- Закрывать глаза и думать о мороженом. Выполняй.

После духоты и дыма, загазованный воздух улиц показался эталоном чистоты... но тревога только усилилась.

Классная кинулась к нам со всех ног.

- Что за выходки, Кристенсен! Вы в порядке?..

- Мария Ивановна, скорая и пожарные здесь?

- Врачи здесь, а пожарные еще не доехали.

- Пусть ребенка осмотрят. Срочно.

Классная бросила в мою сторону короткий затравленный взгляд, и я совершенно ясно понял – для тревоги существует причина.

- Отнеси его сам.

- Ланс, а где Стогова? - выпалил подбежавший Воронин.

- Господи, Воронин, ну кто тебя просит... - начала было Мария Ивановна, но я перебил:

- Что значит, где?..

- Она же понеслась за тобой!

А вот, собственно, и причина.

- Диана!

Как душно от гари... Вот же тормоз! Мог бы догадаться. Она и там была такой, никогда не удавалось заставить ее сидеть в засадах. Она хотела быть рядом, лично убедиться, что я в порядке, вместе участвовать в самых опасных заданиях, плечом к плечу... Она всегда была такой, моя Аль. И хотя я каждый раз холодел от страха, когда она собой рисковала, но и любил во сто крат сильнее. Мы единое целое. А я бросил ее одну. Идиот.

- Ланс, я с тобой!

- Уходи, Паш, ты помог – тем, что сказал.

Но он бежал рядом, не отставал. Позади нас что-то уже трещало и рушилось. Через пару минут завалится

окончательно. Отлично, теперь одного его назад не отошлешь, и нас здесь двое - идиотов. Только один огнеупорный, а второй вполне себе сгораемый.

- Где она может находиться?..

Хотел бы я сам знать.

Ну, поговори со мной, родная стихия.

«Снова? Ты ведь получил, что хотел»

«Где Альта?»

«Не слишком ли много подвигов для одного дня?»

«Помощь – это норма, а не подвиг. Она тоже из клана Огня, ты знаешь.»

«Разумеется. И вы когда-то прошли обряд обручения, так что ты должен бы ее чувствовать...»

«Не получается...»

Я попробовал еще раз, и еще. Неужели вдруг совершенно «оглох»? Нет... вот страх и паника классной, вот недоумение ребят, вот раздражение только что подъехавших пожарных... совсем «отчетливо» - Пашкино волнение и... восхищение мной?.. Мог бы найти получше пример для подражания...

Но почему я внезапно перестал чувствовать Ди? Раньше для этого вообще не требовалось усилий – точно знал, где она... так почему сейчас отключен от ставшего таким привычным ее мира?!

Ответ очевиден...

«Посмотри под упавшими перекрытиями на втором этаже»

«Куда идти? Покажи»

Пашка только присвистнул, когда перед нами в расступившемся пламени неожиданно образовалась дорожка.

- Ого... Кристенсен! Кто ты такой?..

На подходе к площадке второго этажа мы неожиданно

уперлись в грудь из обломков и штукатурки. Не может быть... Огонь не убьет ее, но как быть с угарным газом и обвалившимися балками?!

ОБРУЧЕННЫЕ ОГНЕМ
фантастика, кидалт

ЧАСТЬ II - ВОДА
19 - АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ
глава, рассказанная Лансом и Ди

Когда я вытащил Диану на воздух, ничего не изменилось. Я по-прежнему не чувствовал связи.

Гул чужих эмоций, причинявший еще недавно почти физическую боль, превратился в белый шум, отошел на второй план. Тишина – вот, значит, на что похоже полное одиночество. Неужели это именно то, что ей пришлось испытать там, в тысяча девятьсот восьмом, на берегу озера? Оглохнуть и ослепнуть в один момент, ощутить, как через будто бы пробитую в груди дыру уходит жизнь.

Кто-то, кажется, тряс меня за плечи. Я сделал над собой усилие и сконцентрировался на белом пятне, превратившемся во врачебный халат.

- Молодой человек, вы знаете, как связаться с родителями девочки?
- Как она?

- Сердце остановилось. Мы не довезем ее до реанимации...
- Не понимаю, она жива?!
- Технически... - врач замялась. – Ненадолго.
- Ненадолго?!!

Концентрация ослабла, а вместе с ней и отчетливость восприятия. Я не стал сопротивляться. Внешний мир только мешает.

Сколько живет мозг после остановки сердца? Четыре минуты? Максимум десять?!

- Диана? Мы обручены огнем, помнишь? Мы всегда вместе. А врач, представляешь, обещает, что это ненадолго.

Пульса нет, но врач ошибается... это не ее время.

Пульса нет.

Тогда так. Взять ее за запястье. Закрывать глаза. Расслабиться и представить, как огненная искра бежит из под моих пальцев по венам. К сердцу.

Не знаю, что именно Огонь со мной сделал, но я вспомнил.

Там, на Эйнире, я много раз выполнял подобное. Первая помощь людям своего клана – одна из задач практически самого сильного Огненного. Глубокий вдох, концентрация, и меняется спектр зрения на видение энергий своей стихии. Духовное начало – основное в любом существе, огненное духовное начало способно менять и восстанавливать любые структуры, в том числе и телесные. Я просто должен немного усилить его.

Искра каплей расплавленного золота медленно движется к цели... Мы из Клана Огня, и способны зажигать Огонь в других, помнишь?..

Вот оно: слабая отдача. Меня бросило в жар, волна тепла вернулась назад утроенной. Что это, если не пресловутое «между ними проскочила искра»?.. Как там у вечного Джимми – come on, baby, light my fire...

Кто-то дернул за рукав, принялся трясти за плечи, и даже отвесил пару пощечин... я только отмахнулся.

Что там? Пульса нет. Тогда еще разок...

С детства я боялся своего дара. Мучительно хотел быть одним из многих... как все, быть чистым листом. Но Диана права, смысл в том, чтобы следовать своему, особому пути. Сойди с него – и тебя неминуемо поглотит двухмерный черно-белый лабиринт. Идти по пути невероятно сложно, а порой просто невыносимо больно, как сегодня, но это приносит плоды. Если мы доходим до цели, то обретаем безграничную свободу, и с ней - яркие многомерные краски, звучания, ощущения, послевкусия... А моя свобода – быть с тобой, Аль... пока остается такая возможность.

Наконец ее сердце отозвалось, сначала сбивчиво, затем - ровнее... Здравствуй, пульс!

Пот заливает глаза, кажется, никогда в жизни так не хотелось пить...

Один из нас умрет «по дороге», так уж предначертано. Выбирая смерть для себя, я тем самым выбираю для нее - жизнь.

- Юноша, вы меня слышите?! - врач стояла рядом, вооружившись пузырьком нашатырного спирта. – Вам дурно?

- Пульс - 68...

- А по-моему, вы на грани обморока.

- Не мой. Ее.

Врач склонилась над Ди и опустила пальцы на еле заметную жилку на шее. Брови женщины поползли вверх. Она резко отдернула руку, словно ожегшись... Затем медленно коснулась снова. Бросила на меня удивленный, недоверчивый взгляд.

- Невероятно... Шестьдесят восемь!..

Пустота умеет говорить с нами сотнями голосов: громких и тихих, далеких и близких, резких и с нотками грустной нежности... цветных. Если бы у звука был цвет, я бы сказала, что вижу эти самые голоса, совершенно разного цвета и насыщенности...

- Врачи сказали, что пульса нет. (Серый.)

- Она задохнулась? Ведь не обгорела же – смотрите, ожогов нет совсем. Странно, да? Ее завалило обломками на горящей лестнице – и нет ни одного ожога. (Смешанный. Оранжево-сиреневый.)

- Диану нужно везти в больницу. (Розово-лиловый.)

- Чего Кристенсен ждет? (Бардово-красно-коричневый.)

- Да он не в себе. Губы белые, взгляд отсутствующий... Ромео у гроба Джульетты прямо. (Красно-коричнево-фиолетовый. Пульсирующий. Утомляет.)

- Чудные дела. Он хочет, чтоб она выжила, или вытащил из-под завала ради спортивного интереса?.. (бледно-болотно-зеленый.)

- Заткнитесь все! Он молодчина. Никто из вас что-то не поперся в горящее здание! (Оранжевый с желтым и плюс лазурный)

- Этих «вундеркиндеров» не поймешь... серого вещества не хватит. (Защитно-зеленый с коричневым)

- Врач ясно дала понять, слишком поздно... (Серо-черный.)

Я снова падала вверх, и опять там не было ничего, только пустота, и только я в этой пустоте. В том, другом, мире, я знала, что-то произошло, но это уже не важно. В спокойной и гостеприимной пустоте так тепло и уютно, совершенно незачем что-то там вспоминать. Здесь все так знакомо, и это ощущение легкости и парения, и чувство направления, неведомо откуда взявшееся в гулкой многомерной черноте, и защищенность, небывалая защищенность – ведь если нет тела

и сознания, то боли просто негде хозяйничать.

И вдруг меня схватили за руку и выдернули из бездны спокойствия и тишины. Мир взорвался разноцветными звуками.

Ощущение тела началось с ощущения собственной ладони, которую кто-то крепко сжимал своей.

- Вернись ко мне.

Я сделала то, о чем просил этот новый, но подозрительно знакомый голос.

Голос не был цветом. Он был светом и теплом. Он не был и в гуле голосов, а отдельно, но не сам по себе, даже не над ними... он просто был... он бы остался, потухни разом все остальные краски. В полной тишине и темноте.

Он отдавался не в ушах, а в самом сердце...

Поэтому я и сделала, как он просил.

О сделанном пришлось тут же пожалеть.

Из-под век заструились слезы, грудь разодрало кашлем, в горле запершило. Не очень все это походило на жизнь вечную... если не считать красивого встревоженного лица, обрамленного льняными прядями волос, тоже излучавших свет...

- Я тебя знаю... Ты – ангел...

«Ангел» тут же скорчил весьма неангельскую гримасу и рухнул рядом со мной. «Нимб» превратился в солнце, прежде закрытое силуэтом Ланса от моих слезящихся и слабо различающих окружающее глаз.

- Рано тебе к ангелам, - прошептал он едва слышно. – Добро пожаловать домой.

Лицо смертельно усталое, в испарине и саже, с темными кругами под глазами. Губы бескровные. Нижнюю губу прикусил, словно от боли, дышит глубоко, с трудом, лежа рядом со мной на промерзшей за зиму земле. Пальто накинуто прямо на майку, а мокрая рубашка валяется рядом. Тонкие изящные пальцы артистического типа, которым

струны гитары соответствуют куда больше, чем ссадины и сажа, то сжимаются в кулаки, то судорожно разжимаются, вены на руках проступают слишком явно, как от невыносимого напряжения... в общем, тот еще видок, совсем не лансовский, и все же я никогда раньше не замечала такой пронзительной, острой, ранящей красоты...

В голове сами собой возникали ноты, наконец оформившиеся в строчку из культового хита группы Дорз - «Come on baby, light my fire...»

Мимо с визгом пронеслась пожарная машина, и, презрев свежесаженные школьные клумбы, подкатила к чадающему зданию прямо по ним.

Аа.. ну да. Школа сгорела.

Внимание врачей отвлек кто-то из пожилых учителей, почувствовавший недомогание, и доктор, минутой ранее почему-то взиравшая на нас огромными удивленными глазами, отошла оказать помощь. Эвакуированная школа не отрываясь следила за действиями пожарных, и никто не обратил внимание на мальчика в синем свитерке с разорванным до локтя рукавом, который выбрался из скорой, прихрамывая, подошел к нам и плюхнулся на коленки рядом с Лансом. Маленькая детская ладошка легла на судорожно сжатые пальцы.

- Что скажешь, мастер по машинам?
- Что тут скажешь?.. Надо знать, как он работает. Знать, а не гадать.
- Может, отвлечемся ненадолго?..

На некоторое время наша учеба оказалась прервана – пока администрация города не подыщет здание, куда эвакуированную школу временно можно было бы «поселить». Предоставленные самим себе, мы занимались исключительно общением друг с другом, и артефактом, который не спешил раскрывать свои тайны.

- Знаешь, там, на пожаре, случилась одна вещь...
- Что именно?
- Я кое-что вспомнил. Про нашу с тобой родную планету и прошлую жизнь. Мы принадлежали к одному клану. На Эйнире существовало четыре клана, по количеству стихий, и столько же заповедников. Кстати, там не бывает природных

катаклизмов благодаря Заповедникам Стихий. Если бы только знать, как именно они были созданы...

Кристаллы нашего загадочного артефакта, который я во время разговора продолжала вертеть в руках, засветились ровным фосфорическим светом.

«Эйнирианские заповедники стихий. Созданы в середине двенадцатого периода от Начала Начал. Явились результатом соглашения между эйнирианами и стихиями. Соглашение оказалось выгодным для всех сторон. Для его заключения необходимо произнести заклинание, то есть, некую формулу. Тот, кто произнесет его, должен обладать рядом весьма нетрадиционных качеств, ибо сознательно жертвует собой ради нового мира. В середине 12 Периода от Начала Начал Соглашение заключил Эрк Ариус, жрец культа стихий. Собственно, после этого культ, как и жрец, перестали существовать. Население планеты разделилось на кланы. Их оказалось 4 – по числу стихий. Иерархия кланов была определенной:

Первая ступень-первый клан. Земля. Проекция и управление – тело.

Вторая ступень-второй клан. Воздух. Проекция и управление – мысли, идеи, образы.

Третья ступень – третий клан. Вода. Проекция и управление – душа.

Четвертая и высшая ступень – четвертый высший клан. Огонь. Проекция и управление – Дух. Высшая форма нематериального в материальном существе.

И кстати, я не «прибор», не «артефакт», не «суперкомпьютер», не «штучка-дрючка» и тем более не «вон та хреновина». Я хроник-мастер. Могли бы хоть это знать, ну так, для разнообразия. Чтобы получить ответ, достаточно всего лишь сформулировать конкретный вопрос. На это даже человеческих мозгов хватит! Я могу рассказать вам про

Эйнир. Про всё, о чем вы забыли. Если, конечно, у вас хватит на это еще и человеческого терпения.

Что желаете знать, эйнирианин Элан из клана Огня, избранный, и Альта из клана Огня, мастер по машинам?»

Ну вот. Надо было просто-напросто четко формулировать вопрос. Высокие технологии, тоже мне... а по сути банальный голосовой поиск от Гугл.

Мы с Лансом переглянулись. Я пожала плечом, мол, общайся первый.

- Ты сказал, я избранный. Для чего именно?

- Ты единственный, кто в силах заключить Соглашение на Земле.

- Зачем?

- Смутное время в самом разгаре. Как иначе ты намерен завершить миссию?

- Миссию договора с Таррийцами?..

- Ну вот еще! Если бы все было так просто, вам бы не потребовалось умирать. Таррийцы такие же жертвы космических эпох. Ты должен разобраться не с Таррийцами, а с тем, что угрожало землянам и Таррийцам, поселившимся на Земле, в равной мере...

- С глобальными катаклизмами, что ли?

- С эпохой смутного времени. Эрой перемен. Земля, как и Эйнир, и Тарр когда-то, сейчас подходит к тому периоду, когда население встанет перед выбором – погибнуть, или изменить всё. Космические процессы такие. Рано или поздно все планеты через это проходят.

- Поясни про процессы. Что за процессы, как протекают, зачем, для чего?

- Глобальный процесс это нисходящие\восходящие потоки внутри замкнутой системы, то есть рано или поздно каждый мир движется в более высокое измерение, как бы сдвигается вверх в процессе накопленного потенциала. Приложи

контактную пластину к своему виску. Я поищу аналог в земной науке. Готов?

- Да.

- Расслабься и ни о чем не думай. Обрабатываю... нашел. В твоём разуме есть информация о 3х базовых теориях квантовой физики, пузырьковой, теории слоев\измерений\уровней плотности и теории параллельных миров\линий вероятности. Неплохо, но недостаточно. Сейчас я немного видоизменю твои знания, и ты получишь более-менее сносную модель. Ни о чем не думай, расслабься. Готово. Видишь?

- Вижу. Одна внутри другой и взаимопроникает. Здорово. Получается, миры разнесены по частотам. Как звук... одна и та же нота имеет разную высоту... нота — мир, высота звучания — измерение (от нижнего к высшему). Так?

- Примерно так.

- А линии вероятности — это вариации внутри одного измерения. Например, я играю произведение в той или иной тональности — я меняю измерение мира. Я играю в одной тональности но с разными вариациями — в одном случае в конце быстрее, к примеру, в другом темп медленнее, иначе расставляю акценты — я меняю вероятностную линию — так?

- Примерно так.

- Ну а при чем тут катаклизмы?

- Отмирающая (высыхающая) ветвь — дефективная вероятность, заканчивается самоуничтожением. На текущий момент данный мир данного измерения имеет основной веткой вероятности именно такую дефективную ветвь. Квантовый скачок — это не только выход в более высокое измерение, переход возможен не только по вертикали, но и по горизонтали.

- Я понял. В твоей модели вертикальный переход (в более высокое измерение) происходит естественным образом при накоплении должного уровня энергии, горизонтальный

переход (смена вероятности) может быть совершен сознательно сменой определенных параметров. В результате потенциал данной ветви (соки ветви дерева) может быть сохранен и использован другой здоровой ветвью, так?

- Да. Это происходит естественным образом.

- Так же как и горизонтальный скачок?

- Да. Позволь проиндексировать еще раз твое сознание... нашел. Эзотерическая теория аспектирования. Души восходящего потока... ну то есть проходящие эволюцию снизу, как у вас в индуизме — камень, потом растение, потом животное, потом человек... имеют аспекты в разных ветках вероятности. Вы нисходящие, не имеете аспектов, вы пришли в одну единственную линию, в которой есть проблема. Сюда. Если вы не справитесь со слиянием с более продуктивной вероятностью, вы здесь исчезнете. Совсем. У Эйнириан была теоретическая схема, что именно находится на более высоких уровнях, но я не создан на одном из них и потому точных данных у меня нет. На данном плане бытия вы исчезнете, предполагаю на основе теоремодели, которую я построил по данным Эйнирианской культуры, что вернетесь в более высокое измерение, чем то, откуда вы спускались сюда. Но это не точно.

- Тогда в чем наша роль здесь?

- Вы — часть самоорганизующейся системы. Система работает вашими руками и душами, товарищи. Вам может показаться, что ситуация должна быть изменена вашей волей, но на самом деле иметь такую волю, задачу, и силы на реализацию — ваше предназначение. Вы должны обеспечить слияние «соков» данной ветки Древа, с более жизнеспособной, продуктивной. В общем я вижу по всплескам твоего сознания, что ты усвоил. Давай дальше.

- С нами ясно. А земляне что? Разве они к этому переходу готовы?

- Здесь совсем другая скорость протекания процессов, чем на Эйнире. На Земле все происходит гораздо быстрее и мощнее

во много раз. Им придется быть готовыми, выбора нет. На Эйнире получилось отделаться несколькими сотнями погибших, когда Ариус решился произнести Формулу. Что будет здесь, я не могу просчитать. Здесь другие параметры пространства-времени. Вы пришли из другого пространства, но также и из другого времени. Не делите пожалуйста пространство-время в своей голове. Вижу, у землян есть понятие реки времени, но континуум неразрывен, пространство-время это одна и та же река. Река имеет характеристики разного порядка, например, скорость и характер течения — это время, и качество материала, текущего в ней — вода мокрая, ветки там, листья... это пространство. Река одна. Но есть и другие реки. Есть реки, из которых данная река берет начало, а есть те, в которые она впадает. Более крупная река — это река вашего изначального мира, вы покинули ее чтобы перейти в более маленькую и молодую реку. Все это время вы словно плыли против течения (да, это трудная работа!), то есть перемещались из будущего в прошлое.

В моем-то собственном сознании Хроник-Мастер еще не успел поковыряться, а потому мне данные материи давались сложно. Безмерно захотелось сменить тему нашей «светской беседы» на нечто более конкретное.

- Кто и для чего нам тебя отправил?

- Вот тебе, бабушка, и Юрьев день. Создатель не помнит свое создание. — хроник-мастер разве что не вздохнул. — Альга, ты хотела предусмотреть все варианты, потому сконструировала меня и перенесла на мои кристаллы ваши воспоминания — всех пятерых из вас. Я храню их. Ты перекодировала воспоминания и сделала мне интерфейс на нескольких земных языках, потому что не знала, в какой стране вы родитесь. Все эти земные языки ты тщательно изучала во время полета, потому и помнишь их даже сейчас. Потом ты

разработала особый шифр открытия капсулы. Этот шифр должен был быть не только надежным, чтобы никто кроме тебя и Элана не открыл ее, но также - некоей константой, тем, в чем ты была уверена, тем, что непременно останется с вами после перерождения. Единственной такой константой была ваша с Эланом духовная связь, многократно усиленная обрядом обручения. Поэтому открыть посылку вы могли только вместе, и только объединив свои стремления. Однако, долго же вы возились.

А изобретение-то с характером.

- То есть, хроник-мастер – вроде системы искусственного интеллекта? – обалдеть, беру свои мысли насчет голосового поиска обратно! - Как я сумела все это сделать?..

- Огненные – единственный клан, умеющий одухотворять, наделять предметы частичным сознанием. Это же ваша сущность, Альта. Ты меня удивляешь. Огненные — хранители Искры, вы в каком-то смысле ближе всего к локальным творцам миров и Единому Истоку. Искра — инструмент творчества. Поэтому самые сложные задачи, всякие там подвиги героические, невероятные — задача огненных. Такие души есть в любой цивилизации, но нижние миры накладывают ряд ограничений, поэтому иногда в них попадают нисходящие. Умение работать при помощи Искры — это честь и огромная ответственность.

Ланс коснулся прибора.

- Ладно, тогда объясни мне, как совершается переход?

- В два этапа. Первый этап это твоя задача. Ты произносишь формулу Соглашения со Стихиями, как универсальными основами и преобразователями материи, и выстраиваешь переход в некое мета-пространство. Второй этап — уже не твоя задача, Элан из клана Огня.

- Когда я должен буду приступить?

- Когда будешь готов и увидишь признаки разрушения данной

вероятностной линии.

- Что за признаки?

- О, поверь, ты поймешь. В целом... это разного рода глюки и нарушения. Пространственные, временные или логические несостыковки.

- Формула, необходимая для заключения Соглашения. Скажи мне ее дословно, от начала до конца.

- Наконец ты спросил главное. Найдешь место, где соприкасаются все четыре стихии. Скажешь вот что:

Огонь духа, что горит в каждом из нас.

Бездонный омут души – вода.

Отец, несущий семя жизни и разума – мысль – воздух.

Мать, создающая плоть, сыра земля.

Я... (далее тот, кто произносит формулу, должен назвать себя...) во имя Соглашения и ради самой Жизни, прошу о Совете.

Все. Когда они начнут Совет... а не начать они не могут... созвавший Совет излагает суть... то есть заключает Соглашение. Загружаю тебе в сознание схему преобразования. Последствия для тебя ясны?

- Вполне, - ответил догадливый Ланс.

Я едва было собралась заикнуться о том, что мне-то ничего не ясно, как в дверь позвонили.

В самом факте вроде бы не заключалось ничего особенного. Мало ли, кто это мог быть. Но... что-то встревожило меня, что именно - я не успела понять. Это «что-то» стремительно накаляло воздух.

- Ланс, открывать? Может, это почтальон.
- Нам пишут на электронку.
- Родители?
- Они эту неделю в Японии.
- Тогда соседка. За солью. Как в плохих анекдотах.
- Или коммивояжеры принесли очередной уникальный уют азиатского производства.
- Он нам нужен?
- Нет. У нас немецкий. Он, в отличие от их товара, работает.
- Тогда, может, ну их? Не открывать?
- А вдруг не коммивояжеры.

Я пожала плечами и потащилась к двери. Есть ситуации,

когда ты точно знаешь, что чего-то не стоит делать, но не можешь поступить иначе. Наверное, это и означает, что ситуация является частью нашего пути и общего плана, она для нас неизбежна, и в каком-то смысле она и есть – наш выбор.

Нет, я не думала обо всем этом, снимая цепочку и поворачивая ключ. Но беспокойство нарастало... руки двигались медленно и очень трудно, словно время загустело и стало вязким. Словно оно давало мне шанс передумать. Словно... нет, поздно. Ключ повернулся на два оборота и я распахнула дверь.

- Света? Паша? Какими судьбами?
Облегчения почему-то не приходило.

- Ээ... Ланс занят.

Выражение их лиц показалось мне достаточно необычным... и, наверное, я почти не удивилась, когда, вместо приветственно протянутой ладони обнаружила направленный на меня ствол.

- Для нас он свободен, – сказала Светка, перехватывая пистолет второй рукой. Пашка, стоявший позади, только пожал плечами, взирая на меня с видом мученика. - Зови его сюда и предупреди, чтобы без фокусов. У тебя наверняка жизнь только одна, правда?

Светка говорила так, как будто здесь снималась реклама мобильного оператора, и я сейчас должна буду сказать, что у меня слишком дорогая связь, чтобы звонить со своего телефона, и поэтому я лучше сдо... впрочем, последнее могло быть очень актуальным ответом.

- Это неудачная шутка в стиле «Мы снимем скрытой камерой вашу офигевшую физиономию»?..

Что-то подсказывало мне... то самое шестое чувство... что никакая это не шутка, вопреки абсурдности происходящего, и что я во что бы то ни стало должна помешать им встретиться с Лансом... Но не вышло.

Он сказал спокойно, без тени эмоций:

- Не нажми на курок случайно. Убить человека очень просто. Тебе будет плохо.

Светка горько улыбнулась.

- Мне уже не хорошо. Святоша Ланс... твоя тошнотворно правильная натура тебя погубит.

- Не представляешь, насколько ты права... слушай, это ведь я – мишень, убери пистолет от Ди.

- Черта с два! Она будет на мушке, пока мы не договоримся.

Обстановка, кажется, накалилась до забористого градуса идиотизма.

- Так, все ясно. Здесь снимают бездарное кино... - пробормотал Ланс, медленно подходя поближе.

- Назад! Майор предупреждал... – Светкин голос прозвучал высоко, неестественно... ситуация мне все больше не нравилась.

- Майор?.. – Ланс казался спокойным, но глаза уже стремительно меняли цвет из голубых в темно-синий. – Ребята, во что такое вы вляпались?..

- Это из-за тебя у нас проблемы, так что... уместнее спросить, во что вляпался ты. В общем так. Нам нужна та штука, которую ты привез из поездки. Тащи сюда, или...

Ствол в ее руке мотнулся ближе и клюнул меня в грудь. Невольно вздрогнув, я тут же мысленно обругала себя за малодушие: Ланс стал бел, как утренний снег.

- Осторожно!.. Сейчас отдам.

На несколько секунд воцарилась тишина. Я могла поклясться, что мы не обсуждали поездку и историю с приобретением хроник-мастера в школе. Откуда же некий майор узнает о нем и более того – на кой он ему сдался?..

- Вот, возьми, - сказал вернувшийся Ланс, протянул Светлане артефакт и быстро загородил меня собой, пользуясь ее замешательством.

- Паш. Пожалуйста, объясни, в чем дело.

Воронин потупился.

- наших родителей забрали... - он сглотнул. – Прости, Ланс. Вы оба всегда мне нравились. Но если мы это не принесем, их не отпустят.

- Хорошо. Что дальше?

- А дальше, Кристенсен, - истерически рассмеялась наша давешняя одноклассница, - мне сказано вас убить.

Мы как-то не нашли, что ответить на подобную откровенность, и в этот момент мобильный Светки, разразившийся мультяшно-матершинным рингтоном, неплохо выразил невысказанные мысли. Несколько секунд она вслушивалась в резкий сухой голос, больше напоминавший помехи на линии, затем бесцветно произнесла:

- Не возьму грех на душу - и без того тошно.

Следующую минуту мы изумленно взирали на опустевший коридор.

- Может, стоит все-таки закрыть за ними дверь?..

- Да уж, в ближайшее время я вряд ли буду гостеприимен.

Один за другим, Ланс щелкнул всеми замками. Было самое время шумно перевести дух, но он так и остался стоять ко мне спиной, прислонившись лбом к дверной обшивке.

- Хорошо хоть не коммивояжеры, - брякнула я в тщетной надежде разрядить обстановку. Не помогло.

- Кое-кто в этой комнате – не самая безопасная компания для тебя, Ди...

Я молча обняла его, прижалась щекой к его плечу. В ответ на мои объятия он пробормотал:

- Это правда. Все, что они сказали.

- Откуда ты знаешь?

- Знаю. Чувствую. Боль других людей, и радость... как свою.
Медленно повернувшись, Ланс взял мое лицо в ладони.

- Надо бы вернуть тебе слово. Я становлюсь потрясающе «везучим» суженым. Пожар, рухнувшие на тебя балки, эмпатия, теперь еще и военные. Для полноты сюжета не хватает разве что инопланетян... а нет, хватает.

- Ты же спас мне жизнь!

- Не будь меня, с тобой вообще ничего не случилось бы!

- Не случилось бы ничего такого, ради чего стоит жить!

Он вздохнул и покачал головой.

- Будет лучше, если ты уедешь на время, скажем, на Фиджи. Саби там за тобой присмотрит. Расходы беру на себя...

- А кто присмотрит за Саби?.. В прошлый раз, когда в него стреляли, его спасал ты.

- Тогда поедешь к Тиму, в Лондон. Уж он-то хорошо за тобой присмотрит.

Я не придумала, что возразить, и он облегченно продолжил:

- Решено. Сейчас закажем билеты... с визой, правда, придется утрясти...

- А ты? Один будешь?! Легкая мишень?!

- Сейчас – не сложнее.

- Не хочу! Не поеду.

- Не мешай защищать тебя, пожалуйста. Помнишь, я обещал.

- Тогда защити от своей ненужной защиты. Остаюсь с тобой, ясно?

- Нет.

- Да!

- Не останешься.

- Но... я тебя люблю!

Это был мой последний аргумент. Сила этого аргумента заключалась в том, что за все то время, что мы шутили и говорили серьезно о свадьбе, ни один из нас так и не произнес этой фразы. Вслух, разумеется. Потому что на языке души мы сказали ее друг другу в тот самый день у грибовидных скал, на Фиджи.

На секунду мне показалось, что аргумент сработал.

Ланс взглянул на меня с отчаянием, затем отвернулся, прошелся по комнате. Подошел почти вплотную, взгляделся в глаза. Затем снова прошелся по комнате, снова подошел совсем близко. Взгляд его стал беспомощным, почти умоляющим. Я легко прочла его мысли: «На кой же черт, Диана, ты это сейчас сказала?! Больно.»

Он было собрался коснуться ладонью моей щеки и поцеловать, но вдруг одернул руку и отстранился. Лицо приняло жесткое выражение, как у гранитных памятников героям войн – самоотверженное, решительное. Именно такое, какое становится у мужчин, когда они собираются сделать нечто вопреки всему, нечто невероятно правильное, и настолько же глупое.

- Я тоже тебя люблю. Именно поэтому лучше бы мне вообще в твоей жизни не появляться!

Ужас этой фразы заполнил холодом каждую клеточку моего тела. Что, если бы мы никогда не встретились, или встретившись - не узнали друг друга?..

Едва додумав последнюю мысль до конца, я ощутила, как пол уходит у меня из под ног.

КОНЕЦ ВТОРОЙ ЧАСТИ

*Сон разума рождает чудовищ
Если у вас параноя, это еще не значит, что за вами не
следят
Ты должен сделать добро из зла, потому что его больше не
из чего сделать*

Надо мной давлел грязно-белый потолок, проглядывавший сквозь прорехи паутинных кружев. Что ж, само по себе это не так страшно. Правда, помнится, я теряла сознание в квартире Ланса, а потолок там выглядит несравнимо более прилично. Но, в принципе, грязный потолок – еще не трагедия. Впрочем, ощущение НЕуютa настойчиво подсказывало: что-то в происходящем определенно не так. Я с трудом подняла голову, мельком осмотрелась и выяснила как минимум две вещи – первое, что я сейчас не у Ланса, и второе, что я понятия не имею, где я сейчас. Небольшая комната. На единственном окне – решетки. Стекла не мыты столько же, сколько не белен потолок, и вкупе с решетками совершенно лишают обзора. Мебель – только

кровать, на которой я в данный момент лежу, и небольшая тумбочка рядом. Из невымытого окна немилосердно дуло, так что даже лоскуты паутины подрагивали, и я ощутила, что если не уберусь подальше, скоро вообще не смогу двигаться. Тапочек рядом с кроватью не оказалось, пол был каменным и тоже очень холодным. Босые ноги погрузились в слой пыли трехнедельной выдержки, влажный от сырости.

Я попыталась отодвинуть кровать вглубь комнаты, и каково же было мое удивление, когда бесплодные попытки показали: кровать намертво привинчена к полу.

Очень странно, потому что, если бы Ланс решил отвезти меня в больницу, то уж конечно: первое - не бросил бы в палате одну; второе - ни за что не оставил бы в такой палате. Вряд ли это место лучше, чем Фиджи, и уж тем более - безопаснее...

Что ж, самый простой способ выяснить, что происходит – спросить кого-нибудь. Ведь здесь должен кто-то быть. За этой обшарпанной дверью, некрашеной десятилетиями, обязательно должен кто-то быть! Иначе как объяснить тот факт, что здесь оказалась я?..

Открыв глаза, сразу почувствовала усталость. Естественно, что еще можно ощутить после нескольких не самых приятных часов, крича и стуча в дверь. На вопросы красноречиво ответила тишина.

Я попыталась подняться на ноги. С первого раза это не удалось. Ноги затекли и замерзли так, что пришлось растирать некоторое время, прежде чем вообще их почувствовала. Тут только я обратила внимание, что на мне надета застиранная роба. Странно... как сейчас помню джинсы и трикотажную бирюзовую кофточку.

Встать на ноги снова не получилось, и я на коленях кое-как добралась до кровати. Тоже не пуховая перина, однако, все же лучше, чем на ледяном полу. Немного согрившись под тонким одеялом с выразительными прорехами, я смогла обратить

внимание на некоторые важные детали... нет, на одну важную деталь. Тишина... ватная, глухая, плотная тишина. Полная тишина. Может, это какое-нибудь отдаленное крыло?.. Нда... не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что надежда сия весьма сомнительна. Я когда-то читала, что существовала пытка мерным звуком, повторяющимся бесконечно через равные промежутки... интересно, существует ли пытка тишиной? Как же я, ради всего святого, хочу, чтобы за мной пришли!

Едва последняя мысль отдалась в голове, произошло невероятное.

Я услышала скрип проворачиваемого в ржавом замке ключа.

Дверь отворилась, в палату вошел санитар.

- Ну-с, как вы сегодня? – осведомился он буднично, и посмотрел на меня со странной легкой улыбкой.

- А как я... обычно? – спросила его осторожно.

Улыбка стала лукавой.

- Накиньте что-нибудь, и пойдем. Я отведу вас в комнату для свиданий.

- Зачем?

- К вам посетитель.

Ну вот, прямо камень с души упал. Желание сбылось: наконец-то Ланс пришел за мной. Сейчас он объяснит, что все это значит.

Меня насторожили длинные пустые коридоры. Казалось, мы петляем по ним уже несколько часов. Сама архитектура больничного здания представляла собой нечто алогичное, множество маленьких тесных и темных коридорчиков шли то параллельно друг другу в одном направлении, то вдруг начинали пересекаться, образуя какой-то невероятный узор, то расходились, то снова шли параллельно... В стенах же через приблизительно равные промежутки были расположены двери. Двери, двери, двери, двери! Цепочка запертых

совершенно одинаковых дверей. Вот тут я впервые ощутила, что страдаю клаустрофобией. Если это и не настоящая клаустрофобия, то нечто весьма к ней близкое. Хотелось вырвать свою руку из руки санитара и с мольбой о помощи ринуться на далекий свет в точке схождения этих бесконечных тоннелей... если бы таковой существовал. Но коридоры не предвещали скорого выхода, а весьма крепкого телосложения мед. работник цепко держал меня за руку. Наконец мы пришли...

Он стоял спиной и смотрел в окно. Я кинулась вперед, вскрикнув:

- Ланс, ну наконец-то!

Оставалось всего полтора шага, когда я внезапно поняла.

Перепутать этого мужчину с Лансом можно было разве что по большому отчаянию... резкий запах неоправданно дорогого парфюма, темные корни и «полинявшие» кончики окрашенных в белый волос, сутулость...

Забрызганное грязью пальто и кроссовки в сочетании с парфюмом стоимостью несколько тысяч за флакон... хм. Да.

Он медленно обернулся, продемонстрировав не обремененное радостью лицо человека лет двадцати восьми.

- Опять «Ланс»... Чё за перец-то?.. Из сериала, што ли? Или футбольного клуба?

- Вы кто?!!

- Лапусь, ну ты чё? Доктор сказал, ты уже типа в порядке... Я твой муж, Лидусик...

- МУУУЖ?!?! Как – муж? Какой еще к черту муж?!!

Он взял меня за плечи, но я вырвалась и отскочила. Вжимаясь в стену всем телом, я выдохнула:

- У меня нет мужа. Меня зовут Диана Стогова, мне 16 лет. Где Ланс? Кто ты такой?

- Я твой муж, балда. Валик я. Ну, Лида, ты чё, в натуре! Видать, как доктор сказал, сильно того?.. Головка бобосик,

да?

Тут меня осенило.

- Что конкретно доктор сказал?

- Сказал, что у тебя раскол... это, как оно... расслоение личности. И теперь ты не Лидочка...а... ну, ты того... не признала меня... вот.

Господи, еще и косноязычный. Десять классов по тебе плакали крупными слезами.

Гнев заполнил меня по уши, и все окрасилось оттенками багрянца.

Раздвоение личности! Раскол! У самого у него раскол - глупой башки!

- Ну Лидусик... ну... муж я. Валентин. Ну, Валик. Ну?

Муж выискался... Прислали какого-то... Валенка. Беднягу даже жалкой пародией на Ланса назвать стыдно. Разве что убогой противоположностью. Запугать хотят или рассмешить, непонятно.

- Я Диана, и у меня одна личность! Моя!

- Лапуть, ты эту фигню третью неделю толдычишь...

- Я здесь третью неделю?!!

- Типа да...

Я беспомощно оглянулась вокруг. Комната была почти пустой, лишь в центре стояли стол и несколько стульев. Объявление в стеклянной рамке, заботливо размещенное на противоположной входу стене, вещало: «Кормление больных во время свидания строго запрещено».

Так вот ты какой – забористый градус идиотизма.

Резко развернувшись, я кинулась к двери, но она оказалась заперта. На стук моих кулаков прибежал очередной дюжий санитар. С ним были две медсестры, у одной в руке я успела заметить шприц, у другой – стакан, в котором, судя по всему, было не только вещество, известное как H₂O.

ОБРУЧЕННЫЕ ОГНЕМ
фантастика, кидалт

ЧАСТЬ III - ВОЗДУХ
23 - БЕЗ ПРАВА НА НАДЕЖДУ

Как ни странно, химический сон пошел на пользу. В голове прояснилось, ноги-руки снова начали слушаться, гнев поостыл. Теперь моей мини-задачей на ближайшее время было не допустить повторения процедуры.

Вряд ли Ланс счел бы возможным сунуть меня в заштатную психушку на дотацию в виде уколов и порошков с целью обеспечить безопасность. Тем более, без моего ведома. Тем более, соорудив липовый диагноз и липового мужа. Человек, трижды рисковавший жизнью ради спасения других, никогда не додумался бы до такого изуверского метода «защиты». Значит, это сделано кем-то еще, и раз ни он, ни мои родные не помешали, значит в этом помешали им.

Труднее всего оказалось дождаться вечернего обхода.

- Я хочу видеть своего лечащего врача.

Санитар и медсестра переглянулись.

- Зачем?

- Мне необходимо с ним поговорить... о моем состоянии. А

что, разве я не имею права этого сделать?

- Нет, что вы. Конечно, поговорить о своем состоянии с врачом вы можете. Сейчас я его позову. – И медсестра вышла из палаты.

Врач оказался худощавым лысоватым мужчиной лет сорока. Он вошел неторопливо, с достоинством, так же неторопливо взял стул и сел рядом с моей койкой. Его глаза встретились с моими. Как странно – казалось, они ничего не выражали, хотя определенно эти глаза нельзя было назвать пустыми. Но ни одной мысли, ни одной эмоции не отражалось в них, словно то была комната, в которую сквозь тяжелые опущенные шторы не проникало ни одного солнечного луча. Лицо было под стать глазам – бесстрастное и абсолютно гладкое. Я с удивлением обнаружила, что никаких мимических морщин... которые неминуемо появляются к такому возрасту у всех людей, живущих нормальной жизнью и испытывающих нормальную гамму человеческих эмоций... так вот - никаких мимических морщин - на лице врача не было и следа.

- Здравствуйте, док. Давненько я здесь, да? Просто от препаратов и усталости все время хочется спать, и дни слиплись в один.

- Что вы, совсем недавно. Три недели, это ведь не срок. Многие здесь находятся гораздо дольше... или, правильнее сказать, они у нас живут.

Вот так радостная новость!..

- Скажите, а что со мной? Как вы находите мое состояние?..

- Если продолжать лечение, вы имеете все шансы на выздоровление.

- А долго придется... продолжать лечение?

Его лицо оставалось все таким же бесстрастным:

- Не могу сказать вам ничего определенного. В большей

степени это зависит от того, как быстро ваш организм будет реагировать на препараты. Люди ведь все разные. Кто-то скоро поправляется, а кто-то может не поправиться никогда.

Обтекаемо высказался.

Я решила сделать повторный заход с другой стороны.

- Скажите... а то, что со мной произошло... почему это случилось? Как это состояние называется? Мне хочется разобраться во всем. Думаю, если вы расскажете, я смогу лучше понять свою болезнь, и несколько быстрее с ней справиться.

Долгий испытующий взгляд зашторенных глаз.

- Хорошо, что вы начали признавать сам факт болезни. Это значит, что вы стали на шаг ближе к выздоровлению. Однако, не думаю, что вам что-то скажут медицинские термины.

- Муж сообщил, что у меня раздвоение личности?..

Еще один долгий взгляд.

- Ох уж эти супруги. Когда вас доставили к нам, у вас был острый приступ. Шизофрения, параноидный синдром и да, вы считали себя другим человеком. Вы совсем не помните, как вас сюда привезли?

- Увы... нет. Возможно, у меня был какой-то стресс? Скажите, а кто меня привез к вам?

- Вас привез Валентин. Вы помните, кто это?

- Конечно. Мой муж.

На сей раз долгий взгляд длился еще в несколько раз дольше. Наконец врач сказал:

- Подождите, вы же утверждали, что не знаете Валентина.

Мгм. Если «муж» имеет отношение к заинтересовавшимся хроник-мастером военным, то дело пахнет керосином, и

претворяться не имеет смысла. А если врач не в курсе? Если считает, что этот крашенный пергидролем Валенок – действительно мой законный супруг? Да и кроме того, кому нужна такая сложная стратегия? Любая военная организация действует по принципу целесообразности, и, уже получив хроник-мастер, они вряд ли стали бы выдумывать хитровыверченную схему с липовым диагнозом.

Попробую поставить на то, что доктор принимает историю Валентина за чистую монету.

- Понимаете, я была зла на него. Потому что он оставил меня тут одну. Но я больше не злюсь.

Интересно, убедительно получилось, или не очень?..

Врач встал со стула и прошелся по палате.

- А как же Ланс Кристенсен? В бреде вы просили найти человека с этим именем и сообщить, что находитесь здесь.

Интересно, что еще такого я умудрилась наговорить «в бреде»? Надеюсь, не о миссии и пришельцах? Иначе долго мне предстоит «лечиться»... или, как врач сказал в самом начале беседы... не дай Бог, жить тут.

- Ланс... Кристенсен?

- Вы все время звали его.

Я промолчала.

- Лечение работает достаточно быстро. Видите, наши методы дают хороший результат, и впредь, если что-то изменится... вы можете нам довериться. У нашей клиники многолетний опыт работы с такими заболеваниями.

...да уж. Одна только паутина изрядной выдержки внушает незыблемое уважение к традициям учреждения.

- А сейчас... Ваш муж хочет вас завтра забрать.

Слава Валенку.

Спокойно, Ди, все по плану. По крайней мере, скоро можно будет слинять из этого дурдома в прямом смысле слова.

- Да, кстати... Мы навели справки относительно того человека, о котором вы говорили... в бреду. В некотором роде, он мог спровоцировать ваш приступ, и по просьбе вашего мужа нам пришлось это сделать. Мы подключили сотрудников милиции, и выяснили... если вам интересно...

- Конечно. – Сказала слишком поспешно, словно боясь, что он передумает и не расскажет. Ну вот, косится на меня. - Ведь это может пролить свет на причину моей болезни.

- Так вот... - доктор сделал паузу, внимательно всматриваясь в мое лицо. – ...о Лансе Кристенсене в местных базах данных не существует записей. Он не зарегистрирован в городе. Милиция проверила также аэропорты и железнодорожное сообщение. Ланс Кристенсен не только не зарегистрирован в городе... человек с таким именем в ближайшие несколько лет сюда не приезжал.

Принятые транквилизаторы еще действовали, и мое лицо ничего не могло выразить – от этих порошков оно словно превращалось в неподвижную маску, и сейчас это было мне на руку.

- Да... доктор, конечно.

- Хорошо...

В его голосе, черт возьми, слышалось недоверие.

Уже почти закрыв дверь, он вдруг снова приоткрыл ее и тихо позвал:

- Диана...

- Да?

Психиатр лишь покачал головой.

- Будь моя воля, я бы вас так быстро не выписывал, но муж настаивает. Что ж, он оплачивает ваше лечение, забрать вас – его право. Лида.

Дверь закрылась и щелкнул засов.

Почему нет в базах данных?! А прописка?.. А личное дело в школе?! Как это в город не приезжал? Ведь не далее, как пару недель назад, мы вместе прилетели рейсом из Москвы. Для чего врач сказал мне об этом?

За окнами ветер ревел белугой. Ключья паутины раскачивались надо мной вместе со своими создателями, не то как маятник, не то как Дамоклов меч, но я преодолела детскую арахнофобию. Практика показывает, что бывает кое-что пострашнее пауков.

Ланса Кристенсена и Дианы Стоговой не существует?..

Есть, от чего крыше зашататься. Кажется, повзрослеть придется довольно стремительно... Для начала – претвориться другим человеком, раз уж эти странные люди настаивают. Хотя, кто бы говорил о странностях, находясь в подобном месте в качестве пациента.

Лидия? Пусть будет Лидия. Жаль, что мне о ней известно только имя и брачный статус. Но «больному» совершенно не обязательно сразу полностью «выздоровливать»... можно «выздороветь» до нужной кондиции.

Интересно, что бы Ланс сделал сейчас на моем месте, чтобы не поддаваться панике?..

Память мигом нарисовала полузабытую картину: ночь, луна, тропики, чистый далекий голос и едва различимый гитарный перебор...

«Знаешь, грустная песня – вроде как культурный способ «повыть на луну».

And the times, when we were young...

When life seemed so long...

Now you're left alone...

Where did it all go wrong?!

Забывшись, я, видимо, стала петь в голос, потому что в

соседней палате слышался шорох, и заспанный, чуть гнусавый голос «товарища по несчастью» подытожил:

- Вы не могли бы прекратить выть, дрожайшая? Мы здесь все - больные люди, нам нервничать нельзя!

Милая сердцу картина тут же рассыпалась: и ночь, и луна, и звуки тропического леса, и завораживающая в исполнении Ланса песня, и отзвук его красивого поставленного голоса – все эти воспоминания оставили меня на произвол судьбы в маленькой комнатке, наедине с пауками.

Хм. Кажется, мои собственные вокальные данные восхищения не внушают.

Когда Валентин пришел, все формальности по выписке были уже улажены.

При виде довольно жалкой меня новоявленный муж как-то неловко поморщился и сконфуженно промямлил:

- Лидусик... мы ща шуруем домой. Круто, да?

- Угу, - буркнула я и поплелась за ним по очередному длинному коридору. – А с чего вдруг такая спешка с

выпиской?

- Ну... - он замялся. – Это... Со студии, с которой у тебя типа крутой контракт, названивает какой-то муд... мужик, короче.

Студия? Контракт?.. Может, лучше еще немного «полечиться»?..

«Муж» оказался весьма многословен, если многословностью можно назвать бесконечно повторяющиеся междометия. Пока мы ехали, он изливал на меня их изобильные потоки, лишая всякой возможности быстро вникнуть в смысл сказанного. Видя отсутствие энтузиазма с моей стороны, он предпринял последнюю попытку наладить контакт и сделал мне комплимент, который, если отфильтровать слова-связки, означал «ты так хорошо выглядишь сегодня». Подозревать насмешку с его стороны не было повода, а следовательно, еще меньше поводов подозревать интеллект.

В довершение всего, когда мы зашли в квартиру, я обнаружила, что придется познакомиться... со свекровью. Она оказалась единственным человеком, сходу заявившим очевидное:

- Аа, явилась. Выглядишь отвратительно.

- Доктор сказал, надо больше отдыхать.

- А работать кто должен? Семейный бюджет латать надо! – горестно сообщила свекровь и ретировалась к себе.

Вот, значит, как. И часто Лидия «латает» бюджет? Понятно, почему Валенок торопился с выпиской, и почему этот самый бюджет «прохудился»...

За окном уже стемнело.

Осмотрев «мою» комнату и «мои» вещи, я обнаружила, что, по всей видимости, Лидия недурно справлялась с обеспечением семейного достатка. Дорогой сотовый,

новейший компьютер, на котором – тьма сложных программ для создания и обработки музыки. На стене в специальных держателях-подставках – несколько гитар от известных производителей, клавишные, саксофон. Никогда, стопроцентно никогда в подобных программах и с подобными инструментами я не работала...

В ящике письменного стола нашлись документы. На фото – действительно мое лицо, но вроде бы чуть постарше. Так и есть, судя по дате рождения, возраст – 24 года. Неужели Валентин не замечает разницы...

Впрочем, ничто не помешает эту самую разницу заметить работодателям, заключившим с его настоящей женой некий срочный контракт.

Так что у меня есть несколько причин, чтобы спешно уносить ноги.

Набрав свой домашний номер, я послушала длинные гудки, а мобильный Ланса, как бесстрастно сообщила система, находился «вне зоны доступа».

Неожиданно дверь комнаты распахнулась, и на пороге возник хорошо податый Валенок, степенно покачиваясь. Единственный предмет гардероба, который он не погнушался на себе оставить, являл собою не то манифест коммунизма, не то мольбу о скорой супружеской помощи, являясь, без обиняков - трусами ядовито-красного цвета.

- Лидусик... давай... - он замялся, пытаюсь подыскать нужное слово, но не справившись с этой задачей, решил быть проще: - ...давай!

Что за этим может воспоследовать, знают даже дети... в теории, конечно... и в этом смысле я от них все еще не отличаюсь.

- Ща мы... ух!

Холодные влажные ладони скользнули по мне и притиснули вплотную к... манифесту. Я попыталась вырваться, но он, скорее, не держал меня в объятьях, а сам держался – едва я дернулась, мы накренились, как Пизанская башня.

Испытанное впервые инстинктивное отвращение перед прикосновениями чужого пьяного мужчины боролось с не вовремя вернувшимся чувством юмора. Избыток самогонного перегара компенсировал недостаток обаяния и разил наповал.

Надо что-то делать, иначе я просто не смогу устоять... на ногах.

- Прими для начала душ... солнышко.

- Ух в душе, это ты клево придумала! Иде-ем...

«Муж» попытался наградить меня за идею поцелуем, но промахнулся мимо губ и ткнулся в шею.

- Нет-нет, я тебя здесь подожду! Не люблю ух в душе, там... мокро.

Вот чем приятно общение с пьяными людьми, так это тем, что любое невразумительное объяснение звучит для них как аргумент.

- Эээ... шалу-унья, - Валентин погрозил мне пальцем и направился в сторону ванной, держась за стену.

- Не торопись, дорогой, - посоветовала я, спешно срывая с себя домашний халат.

Хм. Да. Пожалуй, иногда супружеский долг лучше отдать деньгами.

Надеюсь, настоящая Лидия не обидится, если, в целях экстренной эвакуации из зоны риска, я позаимствую приличную одежду.

В ожидании заранее вызванного такси я обосновалась в небольшом кафе на другой стороне улицы. Кроме меня посетителей не было. Выбрав столик у окна, чтобы сразу увидеть подъехавшую машину, я заказала кофе. Принесший ароматную чашку официант доверительно сообщил, что кофе у них в заведении варят по эксклюзивному рецепту, и это единственное место в городе, где такой кофе можно попробовать.

Утверждение спорное, но я предпочла вместо ответа сделать один большой глоток. Вкус напитка тут же увлек в воспоминания о первом почти-свидании с Лансом, когда он варил мне кофе по этому самому «эксклюзивному» рецепту. Вспомнились его искрящиеся смехом глаза, его изящные пальцы, плавно скользящие по струнам акустической гитары, и привычка постоянно поправлять непослушную челку...

Вспоминать было одновременно приятно и невыносимо.

Если бы существовал один мизерный шанс, хотя бы один, встретиться в этом чокнутом мире... вот так же, как в тот

день, когда он поймал меня, подскользнувшуюся, в свои объятия... вроде бы случайно... где ты, Ланс? Где ты?..

Воображение тут же услужливо нарисовало силуэт в черном пальто за окном, отблеск света на льняных прядях... стоп. Что-то уж больно он реален!

Я несколько раз моргнула, но видение не исчезло. С пугающей целеустремленностью, Ланс прошел мимо окна, мельком взглянув на меня и тут же отвернувшись. Секунду я преодолевала удивление, затем молнией выскочила из кафе.

- Ланс!

В это время он как раз повернул за угол.

Я кинулась вдогонку. Монструозный каблук на ботильонах Лидии был отнюдь не тем, к чему я привыкла, но мысль, что из-за какого-то там каблука я могу упустить честно выклянченный у судьбы «единственный шанс», придавала сил.

Завернув за угол со скоростью метеора, я не успела среагировать на движущийся автомобиль... визг тормозов и возмущенный гудок на миг оглушили, свет фар резанул по глазам и избавил от способности видеть... когда же она вернулась, отыскать Ланса в темных переулках можно было и не мечтать.

Итак, я не успела среагировать на автомобиль, но водитель автомобиля успел-таки среагировать на меня. Мгновенно затормозив, он продолжал во весь голос «реагировать» в течение той самой пары минут, за которые я сумела восстановить свою способность видеть.

- Сумасшедшая, куда ты несешься по проезжей части?! Последний шанс догоняла, что ли?..

- Да. И вы мне крайне помешали...

- Вот дуреха... Спасибо скажи, что я таксую уже двадцать лет, профессионал! Будь на моем месте зеленый сопляк, вчера получивший права, ты успела бы разве что в гости к Богу. –

Разглядев страдальческую гримасу на моем лице, он несколько смягчился, - Ну ладно, что уж... больно?

- Нет, порядок. Вы меня не задели.

- Чего сидишь тогда? Вставай.

- А чего мне вставать? Шанс-то уже испарился, торопиться некуда.

Таксист достал из кармана пачку сигарет и закурил.

- Ну, знаешь... Мне, между прочим, есть, куда торопиться: я из-за тебя на заказ опоздал. Вот уедет сейчас заказчица из воон того кафе на более шустром такси, и плакала по мне ежевечерняя бутылка водки... - сообщил он иронично.

Я вздохнула и, подавив соблазн попросить у него сигарету, пробурчала:

- Считайте, бутылка уже у вас.

Когда машина тронулась, он спросил:

- Так за кем ты неслась на крейсерской скорости-то?..

- Очень нужно было догнать одного человека.

- Это не блондина в темном пальто, случайно?

Значит, все-таки не мерещилось.

- Блондина.

Водитель хмыкнул и покачал головой.

- Вечно у вас, подростков, страсти шекспировские... куда едем?

Я назвала адрес.

Он снова покачал головой:

- Что ты там-то искать собралась?

- Родителей.

Водитель ничего не ответил, но через несколько минут «ответ» предстал моим глазам во всем блеске неоновой рекламы: на месте знакомой до слез многоэтажки, в которой мы с родителями прожили всю жизнь, высилось казино, лениво замаскированное под развлекательный центр...

Я молча отдала деньги, позаимствованные из кошелька Лидии и увеличившие «дыру» в семейном бюджете ровно на 200

рублей, и открыла дверь, чтобы вылезти, когда сердобольный таксист поинтересовался:

- И давно твои родители сюда... захаживают?

- А давно тут это построили?

- То есть? – мужчина озадаченно почесал затылок. – Хочешь сказать, ты не знала, куда мы едем?..

Ну что ему ответишь?..

Я шла по своей улице и удивлялась.

Ледяной ветер дул в спину. Прохожие кутались в тяжелые пальто, быстрым шагом направляясь кто куда. Это здесь называется «весна»?

Я остановилась и оглянулась назад: может, бредовая реальность наконец «смилостивится», и, на сей раз, увижу свой дом? Порыв ветра подул в лицо, я зажмурилась, и в этот момент кто-то налетел на меня...

- Извините, - произнес человек, чей голос мне так хотелось услышать...

- Ланс! Слава Богу, Ланс, что все это значит? Мне так страшно, я ничего не понимаю... Куда делся мой дом... где ты был все это время?..

В милых голубых глазах отразилось неожиданное удивление.

- Простите?..

- Ты что, шутишь?! Затяжное первое апреля?..

- Не понимаю, что вы имеете ввиду.

Час от часу не легче!

- Я только что из психушки! И если ты продолжишь в том же духе, рискую угодить туда повторно! Прекрати свои шутки, Ланс, это не смешно.

Он все так же недоуменно вглядывался в мои черты.

- Ланс?

- Да. И... сочувствую вашим бедам, но я вас не знаю.

Искреннее удивление. Похоже, не врет и не шутит...

- Послушай...те. Но ведь тебя...вас... зовут Ланс Кристенсен, так?

Он начал обходить меня слева, глядя настороженно, все с тем же удивлением.

- Абсолютно верно.

- Я хочу видеть Элиаса. Срочно. Пожалуйста, отведи...те меня к нему.

- Кого-кого вы хотите видеть?

С ума он тоже сошел, что ли?..

- Элиаса Кристенсена, ученого с мировым именем, и твоего отца!

- Вы определенно меня с кем-то путаете.

Пару секунд я раздумывала, что делать – кинуться со слезами на шею (а ну как это освежит его память?..) или залепить пощечину. Обнять я не посмела – слишком уж отчужденным был его взгляд. Ударить тем более рука не поднялась: этот чужой человек был точной копией моего Ланса.

- Простите.

И он уверенно направился прочь.

Я внутренне сжалась. Стало невероятно больно, изнутри жег огонь, словно я стою в эпицентре взрыва. Обернувшись ему вслед, я крикнула что было сил:

- Ланс!! Бросив на произвол судьбы, ты вряд ли сумеешь меня защитить...

Не останавливаясь, он бросил через плечо:

- Сожалею, девушка, мы незнакомы!

Все отрицательные эмоции сводятся к двум – это либо страх, либо гнев.

Страх – это в основном страх потери. Даже если вы боитесь чего-то, что непосредственно не угрожает вашей жизни или имуществу, все равно это, как правило, символизирует потерю. У любого страха корни ого какие длинные. Поэтому от этой эмоции так трудно избавиться. Злость быстро проходит (слишком много энергии тратится, когда ее переживаешь, посему организм просто страхует и «отключает» ненужное чувство), но со страхом все по-другому. Он подтачивает нас изнутри очень медленно, понемногу, тем самым обманывая защитные функции организма. Со временем к нему даже привыкаешь. Он остается на подсознании, и искоренить его там очень сложно.

На самом деле я слабая. Все мои мужественные поступки – следствие какого-либо очень сильного страха. Так что, как ни парадоксально, смелой я становлюсь оттого, что... боюсь!

Правда, говорят, что смел не тот, кто безрассуден, а тот, кто опасается, что все может стать еще хуже, и поэтому начинает действовать. Но... второе следствие моей слабости – если я, пытаясь совершить смелый поступок, энное количество раз натыкаюсь на неодолимую преграду, я теряюсь. Вот как сейчас.

Стены, стены... куда ни ткни, всюду стены. И колокол разделения, который звонит по нам двоим.

Ну, и что же делать? Бежать вслед за Лансом, который оказался неЛансом, или не совсем им... не было сил. Родного дома у меня в этой чокнутой реальности тоже не было. Идти куда бы то ни было еще... бессмысленно. Не к «муженьку» же возвращаться. Нет, вряд ли Валенок стал бы мне помогать. Скорее всего, с такими-то идеями, он бы вернул меня назад доктору, с рук на руки.

А если пойти в квартиру Ланса? Ведь именно там я потеряла сознание. И значит, возможно, что именно там смогу найти какие-то ответы на свои многочисленные абсурдные вопросы. Логичные поступки пока что мало помогли. Чем бредовой, значит, будет мой план, тем больше шансов, что он сработает. Так?..

Дверь квартиры Кристенсенов открыла чужая женщина. Мебель в прихожей тоже была чужой. И зеленые обои. И сиреневый линолеум.

Из зала раздавался гул детских голосов, заглушивший мой нелепый вопрос.

Она переспросила. Я повторила погромче.

- Нет. Кристенсенов не знаю... А мы Петровы. Мы живем здесь уже пять лет.

Щелчок замка. Тишина. Одиночество.

«Самодостаточный» - абсурдное понятие, ведь любой человек существует среди других. Никто не самодостаточен - это

попросту не в нашей природе. Мы как кусочки единого паззла, и лишь все вместе способны образовать какую-то «картину». Но для этого нужно взаимодействовать, и отыскать как можно больше подходящих «частей»...

С тех пор, как впервые встретила Ланса, я всегда чувствовала его, чувствовала, даже не осознавая этого. Это пришло как ощущение заполненной пустоты, невидимой нити между нами, как Интернет – когда один мысленный «клик», и я могу узнать то, что мне необходимо о нем узнать...

Внешний мир с момента моей встречи с Лансом воспринимался мной только через призму нашей связи. Иногда я даже вижу, что видит он... когда пытаюсь его найти... Вот как сейчас... я вижу... растрепанные каштановые волосы, усталую, сгорбленную фигурку в новой кожаной куртке, позаимствованной из шкафа Лидии (естественно, с перспективой возврата)... стоп! Что это значит?!

Я обернулась.

Как в детстве, когда в зеркале встречаешь Алису и принимаешься с ней болтать. Как в детстве, мне показалось, что реальность абсурдна. А фантазия настоящая.

Ланс стоял в трех шагах от меня, на лестнице. Выглядел он, в общем, неважно – изорванная грязная одежда цвета мутного хаки, лицо в крови, глаза не по-лансовски отчаянные, словно он вот-вот потеряет над собой контроль.

Наши взгляды встретились, и недоверчивая, с сумасшедшинкой, улыбка тронула его губы.

На сей раз, решение пришло незамедлительно: я кинулась ему на шею. Он крепко стиснул меня в объятьях, не отпускал.

- Как ты? Где ты был? Что все это значит? Почему мне говорили, что ты не зарегистрирован в городе... почему я оказалась в психушке? Почему ты... или твой двойник... не узнал меня?.. Ты... он... даже не знал имени собственного

отца!

- Тихо, Ди, давай успокоимся. Теперь все хорошо. Где был это время, спрашиваешь? Я был на войне.

- На войне?! На какой еще войне?..

Ланс закусил разбитую губу, сомневаясь, стоит ли отвечать, словно пытаясь удержаться... несколько секунд всматривался в мое лицо, и вдруг заговорил, быстро, бессвязно, почти без интонаций:

- Когда ты потеряла сознание... в ту же секунду, буквально, ко мне вломились в квартиру... я и глазом моргнуть не успел, как тебя забрала скорая, а меня сунули в грязный вагон, говорят, «вас призывают»... я им про призывной возраст твержу, мол, в школе еще учусь, а они говорят – «с ума ты сошел, или притворяешься? Тебе 24 года, давно гоняемся за тобой, разыскиваем... ничего, даже с плохой памятью, ты там сгодишься: хорошая на войне только мешает.»

Ну вот, а дальше... дальше была горячая точка... сейчас в нескольких таких местах, где вроде бы устанавливалось затишье, почему-то вновь возобновились вооруженные конфликты... официально, нас направляли туда как миротворческие войска, но Бог свидетель, то что мы там творили, вряд ли похоже на мир... огромные артиллерийские установки... огонь... и все это - по живым... по гражданским людям – вот каковы были миротворческие действия... огонь сметал дома, машины, деревья жег, словно солому, людей швыряло взрывной волной, как тряпичных кукол... столько крови... я не мог понять, за кого и против кого мы воюем, и в чем заключается наша мирная миссия, да есть ли она вообще. Мы сидели в наспех сооруженных укреплениях, а по нам открывали огонь со всех сторон, в основном с крыш домов, где все еще оставались простые люди... и мы отвечали – во все стороны... трупы... их жрали дикие собаки... дети... с серыми лицами, прозрачной кожей, худые, молчаливые,

словно призраки... с безразличными и пустыми глазами, эти дети бродили среди останков и искали хоть что-то, что позже смогут обменять на еду... они не боялись ворошить трупы, стоя рядом с дикими собаками, но едва кто-то из нас появлялся в зоне видимости, пытаясь дать им пищу, они, как волчата, скалили зубы и бросались наутек... мне казалось, я сойду с ума... боль... все время чувствовал чужую боль... я все время чувствовал, казалось, за всех находящихся там людей их БОЛЬ!!! Она была гораздо острее, чем своя... ее было столько... я задыхался... я должен был помочь... должен... и не сумел. Знаешь... в конце концов я просто дезертировал оттуда.

Мы сидели рядом на ступенях, он обнимал меня, крепко и нервно прижимая к себе, и уже почти шептал, смотря в одну точку на свежепобеленной стене.

- Ланс... я сбежала от мужа, который забрал меня из психиатрической больницы. Ты дезертировал с места военных действий... Кажется, нас обоих могут разыскивать.

- Как – мужа?! Какого еще мужа?..

- По паспорту мое имя Лидия Чернова, мне двадцать четыре и я замужем за Черновым Валентином.

- И давно ты замужем, Лидия Чернова?

- Четыре года. Бред.

- Паспорт с тобой?

- Да. Вот, полюбуйся.

Я вытащила злополучный документ и подала его Лансу. Он не торопился открывать.

- Ди, посмотри на меня. Ты же знаешь, что тебя зовут Диана Стогова. Так?

- Но все остальные уверены, что это шизофрения.

Он вздохнул.

- Не важно, в чем они уверены. Ты знаешь, кто ты.

- Конечно! Диана Стогова.

- Тогда открывай. Убедишься, что права.

На сей раз на фото было именно мое лицо. Рядом значилось мое имя. Штампа о браке не оказалось и в помине... вместо паспорта Лидии в моих руках был мой собственный, настоящий, паспорт...

- И действительно.

- С вами уличная магия, - с совершенно серьезным видом заявил Ланс, соорудив свой коронный «нахмур бровей».

Смех был скорее нервной реакцией, потому что, как ни старалась, остановиться я не могла. Из глаз брызнули слезы, живот начал ныть, а я продолжала хохотать. Истерика оказалась заразной, и через минуту мы заливались уже вдвоем. Все еще смеясь, я выпалила:

- Но это же абсурд. Ланс, мне страшно.

Он замер.

- Вот этого не надо. Понимаешь, в чем дело...

Взяв мои руки в свои, он некоторое время молчал, и я видела, что внутренне сейчас Ланс проделывает над собой какую-то титаническую работу, словно бы вознамерившись привести в порядок расшатавшиеся нервы, восстановив лежащий в руинах город своего спокойствия в одночасье... я заморожено наблюдала, как его взгляд менялся, пока не стал почти таким же, как прежде.

- Ди, я понял там, на войне, что происходит. Понял, когда почти сбрендил. Все дело в страхе.

- Что ты имеешь в виду?

- Сейчас попробую объяснить. – Он быстро провел языком по разбитым губам. – Ты помнишь, что случилось, прежде чем... ты оказалась в больнице?

- Ты хотел отослать меня к Тиму. Я так боялась, что мы...

- Вот именно - боялась. Ничего больше не верно, понимаешь, раньше нечто приводило все в порядок, связывало воедино все законы, а теперь все связи нарушены, и наши мысли, наши эмоции...любой импульс... их больше ничто не упорядочивает - они упорядочивают мир под себя... Поэтому

все наши тайные страхи взяли контроль над нами. В тот момент, когда ты исчезла, мы оба боялись. И боялись мы как раз того, что с нами произошло. Позже, любая моя страшная мысль воплощалась. Война. Кровь. Боль. Беспомощность. Неизвестность. Страх за тебя. У меня был только один выход – запретить себе бояться и вернуться туда, откуда все началось.

Я вспомнила.

Ланс был в панике из-за двух вещей – что не сможет меня защитить и что вынужден переживать все, что переживают люди вокруг, впитывать чувства, которые ему не принадлежат, - но быть не в состоянии изменить что-либо... А я боялась, что...

- Мы могли никогда не встретиться... мы даже... даже могли забыть друг друга.

Ланс наклонился близко, к моей щеке, слегка коснулся губами и прошептал:

- Но не теперь, правда?

Его уверенность всегда действовала на меня гипнотически. Раз уж он здесь, то какое мне дело до реальности в стиле Соляриса и меняющихся по желанию паспортов? Мы рядом, несмотря ни на какие препоны.

Впервые за все время после обморока я ощутила не страх или удивление, а радость, переходящую в кураж.

- Скажи, что там в моей квартире?

- Чужая семья... Общение было кратким, я узнала лишь три факта. Живут тут якобы пять лет. Семья многодетная. И еще кое-что, что тебе точно не понравится. В прихожей теперь зеленые обои и сиреневый линолеум.

- Пойдем. Вернем все, как было, без оригинальных дизайнерских решений.

Ноги не слушались, руки дрожали. Каблуки пару раз подвернулись, пока я сумела наконец встать и удержать равновесие. Кажется, я зарекусь одалживать обувь.

- Что делать?

- Поверить, что мы пришли домой.

Ключ провернулся два раза. Медленно, очень медленно. Время снова стало вязким, и тягучим, как клей. Я чувствовала это кожей. Дверь открылась трудно, натужно, словно воздух сопротивлялся. И вдруг напряжение спало, мгновенно и окончательно.

- Добро пожаловать, - улыбнулся Ланс и закрыл за нами дверь. - Видишь? Помогло.

В ванной из крана, когда я его открыла, потекла вождеденная горячая вода. Мы переглянулись. Он снова стал прежним – уверенным, спокойным, надежно оберегающим меня от... меня самой? Порезы на лице были свежие, и усталость в глазах тоже... но в остальном... он действительно прекрасно справлялся.

Я подставила руку под струю, и, набрав немного воды, смыла кровь с его щеки.

- Хорошая идея, - улыбнулся Ланс, - ванна поможет расслабиться. С пеной! Хочешь? Как в детстве!

Набрав воды и взбив пену, мы запрыгнули туда, подняв тучу брызг. Все и было, как в детстве, когда мамы сажали купаться с закадычным другом и уходили поболтать. Теплая вода приятно обволакивала, хвойный аромат пены действовал умиротворяющее. В огромной кристенсеновской джакузи хватило бы места и на четверых, но мы предпочли устроиться рядом. Тонкие струйки воды приятно щекотали спину. Я уселась поудобней и принялась формировать из пены мыльные замки. Ланс усмехнулся и стал помогать начинающему архитектору. Ни стыдливости, ни эротики, мы плескались в радужных мыльных пузырях, и нервное напряжение, и сумасшествие, и смятение - стирались губкой, смывались водой... Стоило лишь прекратить воображать себе

ужасы, как безумный мир отступил.

Когда последняя капля мыльной жидкости стекла в водосток, я ощутила, что на душе стало почти так же легко, как в детстве.

Проснулась я далеко за полночь, на улице стояла темень - видимо, новолуние. Я лежала на кровати в лансовском белом банном халате. Хозяина в комнате не наблюдалось. Первый импульс – вскочить и завопить «Ты дома?!» был мною быстро пресечен. Вспомнив разговор о страхах, я подумала, что наверняка найду его на кухне, и тихонько приоткрыла дверь. В образовавшуюся щель тут же повеяло знакомым ароматом арабики с примесью каких-то мудреных специй. На кухне царил полнейший... креатив. Кофе только что дошел до готовности и был снят, в духовке, судя по густому аромату ванили, стоял сладкий пирог... Ланс в старых светлых джинсах и серой майке без рукавов сновал туда-сюда, разрываясь между приготовлением овощного салата и

наблюдением за печеностями. Повсюду валялась утварь, необходимая и нет. Зрелище, как говорят японцы, прямо-таки kawai.

Он взглянул на меня нежно, с легкой рассеянной улыбкой, привычно откинув льняные пряди основательно отросших волос. Я не удержалась и, подойдя поближе, провела по ним рукой.

Ссадины на лице все еще кровоточили.

Достав из аптечки вату, перекись водорода, и убедив Ланса бросить готовку, я принялась за дело. Он терпеливо ждал, пока я закончу, и, вместо того, чтобы морщиться, пока я обрабатывала ранки, едва заметно улыбался своим мыслям.

- Ты, между прочим, раскрыла тщательно спланированный сюрприз. Пирог и кофе в постель, и все такое.

- Ну да, сюрприз провалился – ты не донес его до места назначения. Пирог давно стоит?

Приоткрыв духовку и убедившись, что кулинарный изыск готов «к эвакуации», Ланс вытащил форму и поставил на стол.

– Я подумал... раз твой семнадцатый день рождения оказался среди трех выпавших из жизни недель, мы могли бы... - легкий кивок в сторону пирога, - отметить сейчас.

Вот тебе на... Забавно, что Ланс помнит о моем дне рождения вместо меня.

- Беру свои слова назад. Сюрприз удался!..

Ужин на кухне перешел в пикник на диване. Под теплым пледом, обнявшись, мы неспеша пили кофе, и этот момент казался верхом блаженства.

Рядом был человек, готовый, как он однажды признался, защищать меня «от чего угодно»... Лучшее, что можно придумать – это отдать себя в его руки, в прямом и переносном смысле.

Я вспомнила о дождливой ночи в бурэ на Тавеуни, когда

перейти за грань теории, как бы мы того ни хотели, принципиально честному Лансу помешали излишняя ответственность и отсутствие штампа в паспортах. Вспомнила пьяного Валенка в красном «манифесте», которому штамп в паспорте никак не помог сделаться ближе. Нежность и недавнее чувство потери, страсть и не желающая мириться с обстоятельствами любовь, страх будущего и кажущаяся стабильность настоящего - все смешалось во мне в коктейль, заставивший сердце отстукивать ритм вдвое быстрее. А состояние это даже без дара эмпатии, - многие, очевидно, подтвердят, - заразительно...

Первый солнечный луч прицельно хлестнул по глазам. Кажется, утро пришло сегодня гораздо раньше, чем я успела выспаться. Почему, интересно, мама не разбудила в школу?..

Стряхнув остатки сна и попытавшись сесть на постели, я поняла, почему.

Добро пожаловать в невероятный мир, делающий возможными самые разнообразные вещи – от воплощения психоделических кошмаров, до исполнения несбыточных желаний. Коль скоро, Ди, твоим заветным желанием является этот красивый блондин, обнимающий тебя во сне, ты попала точно по адресу. Тем более, что сегодня утром можешь полюбоваться беспечной счастливой улыбкой на его губах...

Жаль правда, что улыбка вот-вот исчезнет: стоит Лансу проснуться и вспомнить, как несколько часов назад он, при моем непосредственном содействии, позволил своим принципам относительно любви и брака растаять в предрасветной мгле, - беспечность и счастье покинут его стремительно и надолго. Скажет, как пить дать, что после этой ночи чувствует себя вором. И как объяснить, что все было правильно, как смотреть ему в глаза?..

Предательский солнечный зайчик тут же решил приблизить момент этого сложного разговора. Я спешно притворилась недвижимостью, надеясь сойти за крепко спящую, и малодушно переждать первый этап самобичевания под одеялом. Тихий смех, однако, был совсем не той реакцией, которую я ожидала.

- Самобичевание отменяется, Ди. Можешь «просыпаться»...

Я осторожно приоткрыла один глаз.

- Честно?..

- Да... - он погладил меня по волосам. – Я на самом деле рад, что между нами не осталось никаких... тайн.

- И ты не станешь переживать из-за взятой сегодня ответственности?..

- Она взята с первой минуты знакомства.

Если б кто-нибудь спросил, доводилось ли мне видеть ангелов, я бы сказала, что один из них находится рядом со мной.

Тут бы и отправиться вместе готовить завтрак... но в этот момент с улицы раздался жуткий крик. Нет. По правде сказать, не крик, а душераздирающий вопль.

- Ох... - простонал Ланс, выскакивая из под пледа и спешно одеваясь. – Плакали мечты о завтраке...

- Что? Ты же не хочешь сказать, что отправляешься выяснять, в чем дело? – с сомнением спросила я.

- Не хочу. Но сказать придется...

Оборотная сторона жизни с ангелом: он считает своим долгом помочь всем и каждому в пределах досягаемости.

Я пожалала плечами и последовала его примеру.

Выскочив на улицу, мы огляделись в поисках источника шума. Из соседней подворотни послышалась возня и приглушенные звуки ударов.

- Шла бы ты домой, Пенелопа...
- Извини, Одиссей... но тебе только дай волю – раньше чем через двадцать лет не вернешься...

Аккуратно обогнув угол десятиэтажки, мы заглянули во двор. У одного из ближайших подъездов несколько парней теснили к стене девушку. Последняя, впрочем, трусостью явно не отличалась: она упорно сопротивлялась грубой мужской силе, отбрыкиваясь от обидчиков туфельками на длинной шпильке, в результате чего один из парней и получил недвусмысленную травму, заставившую его издать тот самый вопль, а к моменту нашего появления уже тихо приходить в себя на четвереньках.

- Ребята, куда подевались ваши манеры?

Пятеро не пострадавших от шпилек юношей обернулись к нам.

- О, защитничек. Здравствуйте! – Протянул один из них, выходя чуть вперед остальных. – Чего надо?

- Повысить общий уровень вашей культуры.

- Пацаны, слышали? Куль-тур-ный!.. – заводила иронично повел плечом. Затем быстро сунул руку за пояс и вытащил нож. – Ну валяй.

- Ди, испаряйся отсюда, - шепнул мне Ланс, мельком взглянув на нож. Внушительный – лезвие толщиной в 3 пальца, с зазубринами и кровостоком... но на упрямо сжатых губах возникла легкая ироничная ухмылка.

Раньше я не видела его таким.

Пока компания покатывалась со смеху, Ланс достал из кармана зажигалку и несколько раз чиркнул кремнем.

- Братва, мы что, будем ждать, пока он покурит?

Скинув с себя куртку и отдав ее кому-то из сотоварищей, заводила медленно направился к нам, поигрывая ножичком.

- Парень, послушай, - тем временем миролюбиво произнес Ланс. – Может, не стоит?

- Раньше бы думал, красуля, - парировал тот, подходя на расстояние вытянутой руки. – А теперь мы подправим твою мордаху...

Я успела уловить только блеск стали, огонек зажигалки, раздувшийся вдруг до размеров футбольного мяча, вспышку, короткий вскрик, и... слегка опаленные брови и ресницы обладателя холодного оружия. Его лицо исказилось страхом и непониманием. Пара секунд – и честная компания с бранью исчезла в подъезде. Только угостенный шпилькой участник заварухи не среагировал никак. Девица решительно направилась к нам. Я было открыла рот, чтобы сказать, что надо быть осторожней, но не успела произнести и слова: звонкая пощечина, отвешенная Лансу изо всех женских сил, первой нарушила тишину.

- Он мой брат! Какого черта ты сделал!..

Полминуты мы оторопело внимали затихающему цокоту каблучков по асфальту.

- Брат. Это было очевидно. – пробурчал Ланс.

- Ууу! - поддакнуло страдальчески скорчившееся в три погибели тело.

В этот момент раздался новый крик, на сей раз – детский. Через пару секунд он перешел в рев, а еще через пару – в плач.

В песочнице неподалеку дрались двое ребяташек. На вид им обоим было не больше пяти. Молотили друг друга, несмотря на столь нежный возраст, они совсем не по-детски. Мальчишка в синих джинсиках и красной рубашке с аппликацией-паровозиком изо всех сил старался вырвать из рук у девочки в розовом платице какой-то предмет. Подойдя поближе, мы обнаружили, что предметом дележки стала большая фарфоровая кукла.

- Ребята, а ну прекратите сейчас же! – возмутилась я. – Мальчик, тебе мама не говорила, что девочек бить – нехорошо?

Куда там. Они так самозабвенно мутузили друг друга, что вряд ли вообще нас заметили. У девочки под глазом уже красовался свежий синяк, но мальчик и не думал останавливаться на достигнутом. Протянув руку, я схватила маленького задиру за воротник рубашки и дернула на себя. Ничего подобного он не ожидал, и, оступившись, выпустил куклу. Оставшись в миг без опоры, девочка тоже не устояла на ногах, кукла вылетела у нее из рук и шлепнулась на тротуар. Я развернула парня лицом к себе, дабы он обратил наконец на меня должное внимание, и попыталась втолковать ему «экспресс-курс хороших манер», а Ланс принялся успокаивать плачущую девочку... и тут нас грубо прервали. Сверху что-то щелкнуло и раздался недовольный возглас:

- Как же так можно, а?

Мы задрали головы. Из окна второго этажа, высунувшись почти по пояс, на нас взирала полная женщина лет тридцати пяти. Выражение ее лица вряд ли можно было назвать довольным. Я предположила, что причина проста - она является мамой мальчика, которого я отчитываю, и выпалила:

- Вам бы стоило рассказать парню, что бить девочек нехорошо.

- ЧТО?? – Возмутилась мамаша, и вид ее стал делался все более разъяренным. – Мне?? А вам никто не объяснял, что не стоит совать нос не в свое дело? Такие взрослые, и – подумать только! Да вы посмотрите, что стало с куклой! Да вы знаете, сколько она стоит? Это была дочкина любимая игрушка!

В невыразимом удивлении я оглянулась на Ланса, утешавшего девочку. И действительно, девочка навзрыд плакала над куклой, которую за минуту до этого, потеряв равновесие, выронила на асфальт... у куклы был отбит фарфоровый нос.

- А то, что это могло случиться с носом вашей дочери, вас не волнует?

Дальнейший поток брани, обрушившийся на меня из окна, мог сравниться по изысканности разве что с содержимым ночного горшка.

Стоя в изумлении, я не находила, что ответить на вопиющую во всю мощность глотки «несправедливость».

Вытащив из кошелька пару сто долларовых бумажек, Ланс показал их даме:

- Простите, этого хватит, чтобы купить девочке другую куклу?

На несколько секунд во дворе воцарилась благословенная тишина. Затем вопли начались снова, но тон стал заметно менее агрессивным:

- Другую?.. Да что ты понимаешь... Между прочим, она импортная...

Ланс вытащил еще две купюры.

На сей раз молчание длилось чуть дольше – видимо, женщина производила в уме подсчет. Любопытно, что же победит на сей раз – старый-добрый здравый смысл, или бредовая реальность?

Когда подсчет закончился, последовало краткое:

- Давай!

Один-ноль не в пользу здравого смысла...

Ланс свернул деньги в трубочку и протянул девочке:

- Вот, отнеси маме. Она купит тебе новую куклу.

Размазав по личику слезы, девочка вбежала в подъезд, зажав в вытянутой вперед ручонке «компенсацию». Мама строго зыркнула на нас на прощанье, и окно с грохотом захлопнулось. К оставшейся на земле кукле никто более интереса не проявлял.

- Твоя справедливость дорого обойдется. Во всех смыслах.

- Зато все успокоились.

- Не понимаю, что происходит с людьми.

Мы медленно побрели домой.

- Смутные Времена Земли, – задумчиво произнес Ланс.

- Может, скажем себе «поразмыслим над этим завтра» и

пойдем есть?

- Если существует какое-то осмысленное «завтра»...

Остановившись у магазина, встроенного в его дом на первом этаже, Ланс сказал:

- Неплохо бы запастись продуктами. На всякий случай.

Это нарочито легко брошенное «на всякий случай» меня насторожило.

Некоторое время я созерцала закрывшуюся за ним дверь магазина.

Вот так ситуация, если подумать. Где наши родители, неизвестно. Мы сами чудом отыскали друг друга. На улицах становится довольно опасно, и дальше, скорее всего, будет только хуже. Как вести себя в мире, который мало-помалу сходит с ума?.. Особенно если учесть, что и сама я была явно на взводе.

Из магазина послышался странный шум. Кричали двое, мужчина и женщина... ой, нет, трое. То есть, теперь уже четверо... или все-таки пятеро?..

Шум нарастал. В тот момент, когда я насчитала 7 голосов, Ланс вылетел из магазина, как ошпаренный, с огромным кулком продуктов в руках.

- Домой. Срочно, - буркнул он, и на всех возможных скоростях устремился к подъезду.

Несколько раз проверив, хорошо ли закрыта дверь, мы отправились на кухню. Первым делом Ланс задернул шторы, затем принялся разбирать купленные с таким трудом продукты.

- Малыш, включи, пожалуйста, новости, - мельком бросил он мне.

Я взяла пульт и нажала на кнопку.

Через полчаса просмотра мне захотелось выбросить красочно

живописующую ужасы плазму с балкона.

Вооруженные конфликты. Возобновление локальных нефтяных войн. Конфликты на почве вероисповедания. Убийства на бытовой почве. Бунты в тюрьмах. Массовые самоубийства среди подростков и людей пенсионного возраста. Преступления, совершенные детьми с особой жестокостью. Объявления о банкротстве самых известных фирм. Прогнозы наступления небывалого финансового кризиса.

И все это сопровождалось рекордным количеством жертв. Журналисты никак не комментировали происходящее.

Быстро нарезая салат, Ланс молча слушал все, что сообщалось. Изредка бросая взгляд на экран, когда говорили о каком-нибудь совершенно вопиющем зверстве, он слегка качал головой.

Все это порядком давило на психику. Я взялась было за приготовление омлета, но нервы так расшатались, что пол кухни мгновенно оказалось забрызгано тестом.

- Можно, выключу?

- А?... Да. Я уже узнал все, что хотел.

Когда «голубой экран» погас, снизошло невыразимое облегчение. Но лишь на пару минут. А потом... мы встретились с Лансом глазами. То, что я в них увидела, меня испугало.

В этот вечер он больше не проронил ни слова. Не пожелал мне и спокойной ночи, когда я ушла спать. Закрыв дверь на кухню, я услышала, как он снова включил телевизор.

Заснуть я, естественно, не могла. Идти туда и смотреть телевизор с ним вместе – бессмысленно. Кто-то из нас должен сохранять спокойствие во что бы то ни стало. А его

спокойствие уже на исходе, это ясно читалось во взгляде. Конечно же, он из последних сил старается не поддаваться мрачным мыслям. Я и сама с трудом держала себя в руках, дабы не впасть в ужас и отчаяние, и таким образом не натянуть новых бед. Что говорить о людях, которые вообще не знали, что происходит? Изменилось бы что-нибудь, если бы они узнали?.. Что получается из неосознанного, мы сегодня видели, и не только по телевизору.

Вообще-то, конечно, это мысль – попробовать объяснить людям, что теперь они сами творят свою реальность, и что в свете этого стоило бы держать весь свой негатив под контролем. Ну, например, сказать: «в сложные времена нужно мобилизоваться и призвать на помощь все свое благоразумие, и следовать за светом сердца»... и начинать уворачиваться от гнилых помидоров.

Впрочем... Воззвать к инстинкту самосохранения – не такая уж плохая идея.

Ланс воспринял ее на удивление позитивно. В тусклых как никогда раньше глазах вновь вспыхнул огонек жизни.

- Ди, а ведь может получиться!
- Ты считаешь?..
- Да. Я попробую.

Дойдя до кровати, мы рухнули не раздеваясь, и заснули, едва коснувшись головами подушки.

В ту ночь мне снились странные и страшные сны...

ОБРУЧЕННЫЕ ОГНЕМ
фантастика, кидалт

ЧАСТЬ III - ВОЗДУХ
28 - СОН И ЯВЬ

Кто-то звал меня по имени.

Я открыла глаза. Не узнать эти стены и скрытый за лохмотьями паутины потолок было невозможно - больница. Неужели опять?.. Или то, что меня выпустили отсюда, и встреча с Лансом, и начинающиеся в мире катаклизмы – все это мне на самом деле привиделось?..

Голос звал громче и отчаяннее. Это был голос моей матери.

Я подошла к грязному окну и различила в сумраке раннего утра ее силуэт.

- Дианочка... доченька? Это ты?

- Мама! Как ты тут оказалась?.. Как я тут оказалась?!

- Дочка... Ланс с тобой?

- Мама, мне снилось, что нашего дома нет, а на его месте стоит казино...

- Доченька... вы оба в опасности... как тебе помочь?..

- Подожди, мама, я иду!

Не думая, как преодолению все эти коридоры, я кинулась к ней, на улицу. Странно, откуда-то я точно знала, где и куда нужно

свернуть, и добралась до выхода совершенно беспрепятственно... но мамы на улице уже не было.

Глупо: еще пару минут назад мне казалось, что сейчас утро. Теперь же, глядя на закат, можно было точно сказать, что наступил вечер. Солнце, сорвавшись с неба, стремительно катилось за горизонт, как болид, и в его розовато-багряных отблесках я увидела вот какую картину. На футбольном поле пациенты играли в мяч. Все они были в смиренных рубашках, руки стянуты за спиной. Футбольных ворот я не заметила. Все бы выглядело вполне пристойно, если бы не...

... в качестве мяча использовалось какое-то живое существо, запутавшееся в сети.

Я подбежала поближе и увидела, что это огромная птица - ястреб.

- Страж!

Похоже, что ястреб был все еще жив, он бился, сильнее и сильнее запутываясь, а в это время «игроки» хаотично наносили удары грубыми кирзовыми ботинками. В ту секунду, когда я полностью осознала, что происходит, и собралась бежать в толпу, чтобы вытащить оттуда окровавленную птицу, кто-то тронул меня за плечо. Я обернулась. Это был Ланс, такой же красивый и родной, как всегда, только глаза его сейчас были иными. Он сделал мне знак оставаться на месте и молчать, ни в коем случае не приближаться к гуще событий, и, миновав меня, направился туда сам. Я застыла, пораженная непривычной властью его взгляда.

В белой свободной рубашке и таких же брюках, босой, он медленно подошел к «игрокам». Взмах руки – и их размело в стороны, словно порывом ветра. Ланс подобрал птицу и освободил ее из сетей. Увы, к этому моменту Страж, кажется, был уже мертв. Тем временем один из больных поднялся на ноги и указал в его направлении. Миг – и я не могла уже видеть Ланса за их рядами.

Я должна была что-то сделать. Я должна была бежать туда.

Но властный взгляд пару минут назад приказал: не двигайся и молчи. Ему невозможно было противиться... я могла разве что наблюдать. «Смирительные рубашки» сжимали кольцо все плотнее и плотнее, но из центра не доносилось ни звука. В полной тишине они сузили круг до минимума и застыли. Кажется, они не двигались, а тоже наблюдали?

Последний багряный луч полыхнул в небе, и на землю спустилась тьма. Необычайно непроглядная для наших широт, она заполнила собой все. Я едва могла различить светлые пятна смирительных рубашек.

Дальнейшее промедление пугало еще больше, чем перспектива нарушить приказ. В несколько прыжков преодолев расстояние, я врезалась в застывшую вокруг Ланса толпу. Он был в центре, с мертвой птицей в одной руке и ножом в другой. Я не успела даже вскрикнуть – в мгновение он полоснул себя лезвием по горлу, и темная жидкость закапала на черные перья ястреба. Время снова замедлилось, пространство сгустилось, я продолжала двигаться, но со все большим трудом – казалось, проходят минуты, а я продвигаюсь лишь на сантиметр... моя вытянутая вперед рука, словно в мармелад, с трудом проникла в воздух, ближе, еще немного, еще одно усилие, и вот наконец я смогла коснуться его.

Птица в ладони Ланса встрепенулась, а он сам, пустым потухшим взглядом скользнув по моему лицу, рухнул мне под ноги.

И в этот момент солнце вновь взошло на востоке.

Птица забилась, взмахнула крыльями, взлетела, и сделав над нами круг, понеслась вверх, в небо. Рассветный луч скользнул по ее крыльям, и я увидела, как солнечный свет окрасил черные перья в ослепительно белый – не ястреб, а голубка улетала прочь.

- Любимый...

Ноги подкосились, я рухнула рядом. Разорвав на его груди

холщовую теперь уже черную отчего-то рубашку, я постаралась остановить кровь. Земля под ним, и одежда – все было залито вязкой красной жидкостью, она сочилась из раны и быстро впитывалась почвой. В ужасе я смотрела, как его ангельски-красивое лицо становится мраморным, безжизненным, под глазами пролегают темные круги. Земля под нами вдруг словно зашевелилась, тут и там из нее потянулись сочные зеленые нити травы, смешанные с яркими капельками цветов. Еще минута – и полевые цветы полностью скрыли от меня его тело. Я оглянулась, чтобы позвать кого-нибудь из врачей на помощь, но... ни больницы, ни пациентов, - ничего этого словно бы никогда и не было. Вместо больничного двора, обнесенного высокой кованой оградой, вокруг, насколько хватало глаз, раскинулось поле цветов, сновали пчелы и шмели, пели стрекозы, тут и там стояли вчерашние больные, а теперь – просто люди, в белых одеждах и босиком, они в удивлении осматривали себя, друг друга, и новый мир, пришедший с рассветом.

С неистовым отчаянием я стала рвать цветы и травы, чтобы вытащить Ланса из-под пестрого ковра, остановить кровь, заставить дышать этим новым, дурмящим, сладким воздухом поля, ведь не может быть, чтобы в прекрасном зеленом мире оставалось место для трагедий, не для того он был создан, не для того...

...но только земля открылась моему взгляду, ничего, ничего кроме. У моих ног, и везде вокруг меня, под травой и цветами – только земля. Ни клочка ткани, ни капли крови, никакого следа – этот мир поглотил мою любовь, мой смысл всего - целиком, выпил жадно, до дна, как мучимый жаждой в пустыне путник глотает последние капли воды, чтобы достало сил добраться до оазиса.

Я опоздала.

Это был мир, за который мы с Лансом боролись, мир, за который он заплатил своей жизнью, мир без него.

В ушах эхом отдавался собственный вопль.

Я вперилась невидящим взглядом во мрак раннего утра, тяжело дыша. Дверь комнаты распахнулась, и Ланс, растрепанный, во вчерашней одежде, влетел внутрь и схватил меня в охапку. Лицо его в этот момент никак нельзя было назвать юридически спокойным.

- Ди, что случилось?!

Ответить я смогла лишь через несколько минут, когда майка Ланса уже насквозь пропиталась моими слезами.

- Расскажешь?

- ...приснилось... (судорожный всхлип) ...что ты... (еще один всхлип) ...ты пожертвовал собой ради... (еще один) ... и бросил меня в этом новом мире одну...

- Не бойся, это просто кошмар.

Теплые ладони обхватили заплаканное лицо, ясные голубые глаза встретились с моими.

- Ну, малыш, все. Все прошло.

Но что-то подсказывало мне, что ничего не прошло. Что-то, что нельзя было списать на игру света. Выражение его глаз. Еще вчера они казались усталыми и потухшими, еще вчера... а сегодня уже обрели отблеск власти и силы, совершенно такой, как в моем сне.

Я сглотнула очередной предательский всхлип. Да, сон был невероятно реален, ну так что с того? Тот, о ком я плачу, сейчас рядом. И даже если что-то в его глазах и напоминает... возможно, это нельзя списать на игру света, но на игру воображения – запросто. Встряхнув головой, я вымученно улыбнулась ему.

- Сон, да. Конечно. Что мы сегодня будем делать?

- Для начала – завтракать, - уклончиво бросил Ланс, отводя глаза.

ОБРУЧЕННЫЕ ОГНЕМ
фантастика, кидалт

ЧАСТЬ III - ВОЗДУХ
29 - "ОСОБОЕ МНЕНИЕ"

- Малыш, мне нужно будет уйти... ненадолго.

Что-то это его «ненадолго» больно неуверенно звучит.

- Хорошо, я с тобой.

- Нет, на сей раз ты останешься. Пойми, так надо.

«Надо» прозвучало куда увереннее.

- Спорить бесполезно, да?

Он кивнул.

- Скажи хоть, куда идешь?..

Ответом был долгий поцелуй, без страсти и без нервозности, такой, словно Ланс хотел запомнить его как следует...

- Значит так, Ди. Что бы ни случилось... повторяю для тех, кто верит ночным кошмарам: что бы ни случилось, что бы ни происходило на улице, непосредственно за дверью или за окном – пространства квартиры не покидать. Двери и окна не открывать. Пока ты выполняешь это, пока ты в моем доме - ты в безопасности. Просто верь мне и делай, как говорю. Никакого страха или сомнений. Я вернусь. К тебе я не могу не вернуться. Нужно проверить кое-что, и сразу вернуться домой.

- А... ты мог бы не делать этого?..

- Ты же не хочешь прожить всю жизнь, рыдая по утрам из-за кошмарных снов, а днем трясясь от страха при малейшем звуке с улицы?..

Больше всего на свете я хотела той жизни, которая была ДО. Жизни беспечной и полной радости, совместно сделанных мелочей, спокойствия. Может ли эта жизнь когда-нибудь вернуться?..

Едва за Лансом закрылась дверь, квартира словно погрузилась во тьму.

Отпустить его одного было невыносимо. Ослушаться – невозможно. Попытаться догнать – опасно и бесполезно.

Я постаралась чем-то себя занять до его возвращения... но это тоже оказалось нелегкой задачей. Книжки не могли удержать моего внимания дольше нескольких секунд. Мысленный взор стремительно ускользал от сюжета и возвращался к происшествиям последних дней. Спасло извечное женское лекарство – уборка. Тем более, что со всеми этими катаклизмами мы напрочь про нее забыли. Да, тут было, где развернуться – квартира у Ланса большая.

Избавившись от пыли и выдраив полы на обоих уровнях, я решила приготовить что-нибудь. Всем, возвращаясь домой, приятно почувствовать еще в подъезде аромат домашней выпечки и свежего кофе, просачивающийся из-под родной двери, и как бы говорящий: тебя за этой дверью ждут.

Двух пирогов мне показалось мало. За ними последовали овощное рагу, суп, салат, и картофельная запеканка. Тот факт, что мы и за неделю этого не съедим, даже если будем есть по пять раз в день, меня не смущал. Главное, не останавливаться.

Когда стемнело, холодильник оказался подвязкой забит моей

готовкой. А Ланса все не было. В пустой и темной квартире тишина давила на нервы. Изредка с улицы доносились очередные вопли или выстрелы – наш спокойный маленький городок, кажется, становился вторым Чикаго. Эти звуки тоже не проливали бальзам на психику: где-то среди шальных пуль и агрессивных группировок мог находиться Ланс или наши родители.

Телевизор засосал все внимание, и позволил отвлечься на чужие ужасы от своих собственных.

Оказывается, количество жути в мире успело заметно вырасти, хотя вчера мне и думалось, что это в принципе невозможно. По всем каналам шли выпуски новостей или политические ток-шоу, куда зрители могли позвонить и обратиться с вопросом. Студии буквально взрывало от количества звонков. Темы были одни и те же – что происходит в мире, и почему это может происходить. Версии причин выдвигались крайне любопытные. На какое-то время это меня захватило, и я стала выборочно щелкать по каналам, ловя одну передачу за другой.

Нашелкав прямой эфир ток-шоу «Особое мнение» с пафосно-крикливым названием выпуска – «Мир на грани конца. Неожиданные факты», я решила послушать, что там еще за факты они откопали. Прошла заставка, и в студии появился холеный ведущий в дорогом дизайнерском костюме.

- В последние дни лучшими специалистами в науке и политике выдвигаются множество теорий относительно того, что послужило причиной охватывающих мир беспорядков. Сегодня в нашей студии – два гостя с совершенно разными взглядами на происходящее. Хочу представить вам первого из них – это выдающийся общественный и политический деятель, автор книг...

Далее шли регалии. Признаюсь, у меня отвратительная память на имена и звания, поэтому я без зазрения совести их

пропустила. Полный мужчина за пятьдесят взгромоздился в кресло гостя и стал подробно, с большим количеством аллюзий и прямых ссылок на разные источники, начиная древними религиозными текстами, и заканчивая собственными сочинениями, подкреплять свои мысли касательно кары небесной за неправильный политический строй, мировой революции и бесперспективности общества потребления. В целом, он был весьма убедителен... если бы вся его пламенная речь не свелась к тому, что люди давно упустили свой шанс, что идеи правильного политического строя быльем поросли, его потенциал остался нераскрыт, и что теперь людям придется смириться, покорно принимая удары судьбы. Затем началась реклама (катастрофы – катастрофами, а деньги телевидению зарабатывать надо), и я сочла своим долгом посерфить по остальным каналам, но там не нашлось ничего, хоть сколько-нибудь более интересного.

Когда я вернулась назад на ток-шоу, реклама уже закончилась и ведущий как раз представлял второго гостя.

- Итак, оппонент – весьма необычное для программы явление, ибо он не представитель шоу-бизнеса, не звезда политики и пока еще, в отличие от его знаменитого отца, не светило науки. Он старшеклассник, но, тем не менее, уверяет, будто обладает эксклюзивной информацией о том, что происходит в мире. Более того – придя к нам в студию, он обещал, что сможет рассказать всем вам, дорогие зрители, как избежать дальнейших и еще более глобальных катастроф. Ланс Кристенсен, сын известного шведского исследователя непознанного Элиаса Кристенсена. Встречаем.

По залу пронесся гул. Люди явно недоумевали по поводу того, зачем и на что собираются тратить их драгоценное в сложившихся обстоятельствах время.

Я ловила отвисшую челюсть.

До столицы полтора часа лету, но почему он мне не сказал?..

Ланс с невозмутимым видом вошел в студию и уселся в кресло для второго гостя.

- Итак, - вновь затараторил ведущий, - что нового вы можете поведать нам, молодой человек? Что стало причиной мировых беспорядков, и откуда вы обладаете такой информацией?.. Имеет ли старший Кристенсен какое-либо отношение к вашему появлению на экране?

- Прежде чем начинать, хотелось бы попросить зрителей о двух вещах. Во-первых, на некоторое время забудьте, что мне семнадцать. Во-вторых, то, что я скажу, вряд ли покажется вам само собой разумеющимся, но, прошу, не отвергайте эти мысли сразу. Попробуйте применить простые правила, о которых сейчас узнаете, на практике, и обещаю, результаты последуют очень скоро.

Снова по залу пронесся гул, на сей раз – удивления. Первый гость глянул в сторону своего оппонента с нехорошим, как мне показалось, прищуром, и произнес:

- Неплохо школьник формулирует мысли. Вопрос в том, из чьей они головы...

Не обратив внимания на ремарку, Ланс продолжил:

- Вы и сами примерно можете назвать дату, когда все это началось. Я скажу точно – ровно три недели назад, около 4х часов дня. Причина происходящих событий в том, что в этот момент были разрушены причинно-следственные связи, управляющие жизнью на нашей планете.

В зале раздалось несколько возмущенных возгласов, первый гость нетерпеливо заерзал в кресле. Ланс обвел зал взглядом, и возгласы стихли.

- Скажу яснее. Наверняка каждый из вас знает многие свои страхи. У нас у всех есть уйма причин чего-то бояться. Ровно три недели назад те факторы, которые упорядочивали нашу жизнь, исчезли, и теперь ее упорядочивает то, что находится у нас в голове, в сознании, и... в подсознании. Самые сильные эмоции. Навязчивые мысли и образы. Любая мысль, которой вы уделяете внимание, отныне обладает силой.

Первый гость, продолжавший нервно ерзать во время этих слов, стукнул кулаком по столу:

- Послушайте, я думал, здесь делают серьезную передачу! Авторство сего бреда принадлежит богатому папаше? Может, это такой своеобразный ПиАр?

Ведущий отвел глаза, но, тем не менее, возразил:

- Сейчас пришло время, знаете ли, когда стоит выслушивать любые идеи из любого источника, кто бы их ни высказывал.

- И особенно «доходчиво» они звучат из уст молоденьких манекенщиков, - расхохотался политик. – Парень смотрелся бы куда адекватнее на съемках для обложки журнала...

- На обложку можно потом, - обрезала тираду известная киноактриса, сидящая в первом ряду, - а пока заткнитесь и дайте ему сказать. Вашу точку зрения мы уже выслушали.

В зале воцарилась напряженная тишина.

- Благодарю, - произнес Ланс, демонстрируя улыбку, и впрямь украсившую бы любую обложку. – Скажите, есть здесь люди, с кем за последнее время произошло что-то неприятное?

Несколько десятков человек подняли руки.

- Предполагали вы когда-либо, что такое может случиться, или возможно, вы опасались этого?..

Молчание, затем несколько робких «Да» и «Похоже на то».

Политик в нетерпении забарабанил пальцами по столу.

- Вы сказали да. Думаю, ни для кого не секрет, что самые сильные эмоции – обычно негативные. Самая опасная из них – именно страх. Страх опасен потому, что он бывает ненавязчив. Он может долгое время не давать о себе знать, но это не значит, что вы не боитесь. Где-то в глубине нашего чердака под названием «ум» почти всегда обитают темные идейки относительно того, что мы опасаемся, страшимся, от чего трепещем в ужасе и теряем контроль над собой. Они «отлеживаются», набирают вес с каждой возвращающейся к ним мыслью или историей. Они ждут своего часа. Я не скажу вам ничего нового – те, кто изучал психологию, прекрасно знают природу страха и механизмы действия. Хочу лишь

поделиться одним маленьким секретом, о котором вы и сами вскоре бы догадались – час икс настал. Все наши страхи его дождались. Вы можете заметить это по изменениям в собственной жизни и жизни близких. Каждый из вас.

По залу снова прошла волна голосов, и один из зрителей с первого ряда крикнул громче всех:

- И что же, юноша, по-вашему, нам всем теперь делать?.. Накрыться простыней и ползти на кладбище?.. Разве есть люди, которые не боятся?..

Ланс обернулся к мужчине.

- Ну что вы. Нет, простыню лучше использовать по прямому назначению. Нет, людей, которые не боятся, почти нет. Но выход из ситуации, безусловно, существует.

- И что же вы предлагаете? – вставил ведущий. – Ведь картина, нарисованная вами, представляется не менее мрачной, чем версия происходящего, изложенная нашим первым гостем.

- Мрачной? – Ланс пожал плечами, затем взял со стола бутылку минералки, открыл ее и налил воды в стоящий рядом стакан - ровно до середины. – Извечный вопрос: полупустой, или наполовину заполненный?

- Однако, приятнее было бы видеть его полным до краев, - отметил ведущий. – Тогда никому в голову не пришло бы считать стакан пустым хоть на какую-то часть.

- Отлично! – заулыбался Ланс, - вы поняли самое главное!

- А оно было? – буркнул политик. Ланс украдкой вздохнул и спокойно пояснил:

- Чтобы сделать свой стакан наполненным до краев, придется сначала признать, что он уже полон до середины. И что вы всегда можете добавить. Стоит только понять, что то, что с вами происходит, полностью зависит от вас, и контролировать все, о чем вы думаете. Страхи опустошают воображаемый стакан, но мысли созидательные – наполняют, потому что созидательные мысли приносят созидательные события. Только представьте мир, в котором все зависит не от того, у

кого больше денег или крупнее связи, а от каждого из нас в равной степени. Это другой мир, не тот, что мы знали прежде. Он не выкрашен зеброй, щедр ко всем, скор на перемены и реагирует мгновенно. И в нем словосочетание «сила мысли» - не фраза из научно познавательной программы, а ключ к действию.

Первый герой шоу рьяно застрочил что-то в телефон. Наивно было предполагать, что он конспектирует.

- Только подумайте, ведь это, возможно, тот самый мир, которого все мы желали и ждали, как спасение. В нем каждый ответственен за свою жизнь. Как только вам станет страшно, вспоминайте: сейчас вы можете выбрать иное. Пока мы живы, можно сделать выбор в пользу полного до краев стакана.

- Ну все, хватит подросткового бреда, - поправив на лацкане пиджака микрофон, раздраженно бросил политик. В этот момент двери студии распахнулись, и в зал вошли четверо серьезного вида ребят. – Выведите мальчишку, пусть подышит свежим воздухом.

В зрительном зале поднялся невероятный шум. Несколько пустых банок из под соков и минеральной воды, несколько сигаретных пачек и пара скомканных бумажек полетели на площадку.

- Нет, пусть он договорит! – выкрикнул худощавый мужчина, сидящий рядом с известной киноактрисой, тот самый, который пару минут назад острил насчет простыни.

Остальные подхватили:

- Пусть говорит! Мы хотим знать, что еще он скажет!

Воспользовавшись заминкой, Ланс вывернулся из кольца сильных рук охранников и обернулся к залу:

- Те, кто внушает вам, что нужно бояться – врут. Ведь в жизни есть не только боль и разочарование. Есть еще верность. Дружба. Взаимопомощь. Вера. Любовь. Думайте об этом! Любите. Будьте друзьями. Помогайте. Если вам скажут, что все напрасно – не верьте: «напрасной» вашу жизнь может

сделать только один человек – вы сами. Проверьте «метод стакана» на практике.

В этот момент «отряд безопасности» первого героя потерял терпение, и, сомкнув кольцо, телохранители потащили Ланса к выходу. У двери возникла заминка и возня, а через какое-то время четверка расступилась и обернулась:

- Куда делся мальчишка?.. Вот только что его держали...

На секунду студия захлебнулась тишиной. И вдруг, совершенно неожиданный, раздался язвительный смешок в первом ряду. За ним еще, и еще один... вскоре весь зал хихикал, хохотал и заливался на все лады.

- А парень-то не промах! – пробасил давешний мужчина с первого ряда.

Политик побагровел, схватил со стола стакан с водой, который Ланс использовал для наглядной демонстрации идеи, и принялся пить из него крупными глотками, но поперхнулся. Его ребята, бросая на работодателя затравленные косые взгляды, поспешили тем временем выскочить в коридор из под операторского «прицела».

- Стаканчик Кристенсена-младшего, похоже, не всем по зубам, - хохотнула актриса, наклоняясь к своему соседу, и они увлеченно принялись что-то обсуждать.

Воспользовавшись всеобщим замешательством, ведущий развернулся в камеру и произнес:

- С вами была программа «Особое мнение». Совпадает ли особое мнение с вашим, решать вам. До встречи через неделю на нашем канале.

Трясущейся от волнения рукой я взяла пульт и нажала на кнопку OFF.

ОБРУЧЕННЫЕ ОГНЕМ
фантастика, кидалт

ЧАСТЬ III - ВОЗДУХ
30 - ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ, О КОТОРОЙ
НЕ ПИШУТ В УЧЕБНИКАХ

Сказать, что я ждала шагов Ланса на лестнице с замиранием сердца – ничего не сказать. Фактически, я ночевала под дверью, заснув от усталости и бесплодных попыток дожидаться его возвращения. Когда в двери медленно повернулся ключ, я уже не услышала. Хорошо, что Лансу во всех бытовых вопросах свойственна скандинавская аккуратность – дверь он открывал осторожно и тихо, а потому успел заметить, как я, сонная, валюсь на пол, и подхватить меня.

Сквозь вязкое забытье я почувствовала прикосновение теплых любимых рук, и заставила себя усилием воли открыть глаза. Надо же, эк разоспалась под утро. Некогда дрыхнуть сейчас, нужно расспросить обо всем и выяснить дальнейший план действий.

- С добрым утром, малыш. Вопрос «Как спалось?», кажется, неуместен.

Я зевнула и потянулась.

- Что-то ты долго отсутствовал...

- Нужно было сделать пару дел.

- Видела я по телеку твои дела.

Он улыбнулся.

- Не ожидал, что ты осмелишься прикоснуться к ящику Пандоры...

Я тоже прыснула со смеху, уж больно точной была метафора, а он потащил меня за собой.

- Пойдем-ка на кухню, я зверски хочу кофе.

Сидя друг напротив друга с ароматными чашками ядерно-крепкой жидкости в руках, мы некоторое время молчали. Ланс сильно изменился за последние дни. В глазах – блески отчаяния, так ему несвойственного, но и несоизмеримо больше странной внутренней силы, которая очень напоминала мне Ланса-из-сна. Сейчас, когда он внимательно всматривался в мое лицо, и отчаяние, и силу его взгляда полностью заслонила нежность. Видимо, синюшные свидетельства ночного бдения под моими собственными глазами подло выдали вчерашние переживания...

- Как тебе только в голову пришло засветиться в «Особом мнении»? Каков, интересно, кпд этого поступка?

Он махнул рукой:

- Похоже, практически никакого. Я после студии зашел в интернет-кафе, чтобы запостить на популярных сайтах то, что сказал в ток-шоу... ну и попутно почитал последние новости. Кажется, положение усугубляется, так сказать, по всем фронтам... знаешь, что самое странное?

Станным в этой ситуации было все.

- Какое именно странное ты имеешь ввиду?

Вместо ответа он включил «ящик Пандоры».

Звездный час новостных каналов продолжался, рейтинги набирали обороты.

На Японию обрушился невиданный доселе цунами.

«Жители Японии вновь пострадали от морской стихии. Небывалой силы цунами обрушился на острова. Разрушено множество населенных пунктов, тысячи человек погибли.»

Ураган с милым сердцу домохозяек именем «Педро» смел с лица земли Калифорнию.

«... Но водная стихия приносит разрушения не только японцам. Этой ночью жители Калифорнии оказались в прямом смысле смыты в море очередным ураганом. Американцы до сих пор помнят Катрину, но ураган с красивым мужским именем Педро негалантно отобрал у «дамы» пальму первенства по объему нанесенного стране ущерба. Губернатор Калифорнии выделяет из бюджета дополнительные денежные средства на восстановление штата. В данный момент все еще продолжают спасательные работы...»

Тут и там случались извержения вулканов, в том числе тех, что давно считаются недействующими.

«В Индонезии на острове Ява, всемирно известном благодаря располагающейся там цепью вулканов, которых всего насчитывается свыше ста, произошло новое извержение вулкана Кракатау. В 1883 году данный вулкан, считавшийся спящим, уже произвел невиданные разрушения, и вот теперь история повторяется... Впрочем, вулканической активностью за последние несколько дней отличилась не только Индонезия. Вулкан Поас в Коста-Рике, являвшийся самым посещаемым вулканом в последнее время, также отличился новым извержением. Волна лавы и облака пепла заполнили собой...»

Несколько торнадо гуляли по Техасу.

«Жители ряда населенных пунктов в штате Техас сегодня остались без крова. Некоторым семьям чудом удалось спастись. По последним сообщениям с места событий,

имеются значительные жертвы...»

В Африке началась эпидемия очередного неизвестного вида лихорадки, а в Китае – птичьего гриппа.

«Африканское население продолжает страдать от распространения неизвестного вируса. Источник пока определить не удалось. Ученые строят самые невероятные догадки, тем более, что одновременно с эпидемией в африканских странах началась новая волна птичьего гриппа в Китае...»

Синоптики отмечали резкое изменение погоды, люди то и дело сообщали о странных явлениях в атмосфере, в результате чего несколько самолетов пропали, и вылеты из множества аэропортов мира оказались отложены на неопределенный срок.

«После того, как несколько регулярных рейсов перестали выходить на радиосвязь и спустя вот уже 5 часов не зашли на посадку, правительства ряда европейских стран пришли к выводу, что все ближайшие рейсы должны быть отменены. Причиной возможных катастроф могли послужить попадание самолетов в особой силы зону турбулентности или выход из строя бортовых приборов. Многие жители сообщают о том, что в ночном небе то и дело возникает свечение, отдаленно напоминающее северное сияние, столь необычное для широт, откуда поступали данные сообщения. Происходящие резкие изменения погодных условий повергают синоптиков в растерянность.»

Европа тонула в осадках.

«Ливневые дожди продолжают заливать центральную Европу. Власти в замешательстве. Особенно страдают прибрежные государства. Нидерланды, как известно, располагающиеся ниже уровня моря и имеющие сети каналов на территории, оказались в бедственном положении. Уже сейчас для

передвижения по улицам необходимы лодки – уровень воды достигает 3х метров, о прекращении ливней пока ничто не свидетельствует...»

Прогнозировалась волна магнитных бурь, вызванная вспышками на солнце.

«По подсчетам ученых, излучение достигнет планеты через 36 часов...»

И это – в плюс к резкому сдвигу магнитных полюсов земли, относительно коего давать какие бы то ни было прогнозы никто не решался...

И так далее, множество событий, одно страшнее другого. Телевизор полностью оправдывал свое новое название...

Наименее всего на данный момент катаклизмы затронули центр и северо-запад нашей страны... что, по всей видимости, и объясняло тот факт, что на себе никаких климатических перемен мы пока не ощущали.

- Почему-то Россию природа щадит...

Ланс полушутя пожал мне руку:

- Именно это и есть самое странное.

- Но почему?..

Он вздохнул и поднял на меня глаза. Очень серьезные, совершенно не глаза семнадцатилетнего парня.

- Думаю, самое время рассказать...

Ты, наверное, давно задумывалась насчет того, как мы с тобой, после крушения корабля, оказались в человеческом теле? И почему мы так похожи на людей, ведь фактически, сейчас мы и есть люди, единственное, что нас отличает – это память (и то достаточно неполная) о прошлой жизни и цели, и кое-какой оставшийся от той жизни дар. Одинокое странное детство, непонимание и неодобрение многих естественных для других вещей, нежелание следовать обычным для людей

нормам жизни, могло укрепить тебя в мысли, что таких, как ты и я – единицы, или что мы с тобой вовсе – единственные такие здесь. Это не так. С самых, что ни на есть, незапамятных времен... Земля кишела такими, как мы с тобой. Земля, если верить информации хроник-мастера, – одна из самых загадочных планет Вселенной. Все процессы здесь происходят гораздо быстрее, и гораздо более бурно, чем на других известных обитаемых планетах. Это можно заметить по так называемой эволюции видов. То, что на Эйнире, к примеру, заняло многие миллиарды лет, здесь происходило за десятки тысяч. На Эйнире мы развивались неспешно, действовали вдумчиво, и вся эта вдумчивость растягивалась на немалые даже по космическим меркам сроки. Здесь – на вдумчивость испокон веку не оставалось времени, огромные цивилизации и народы возникали в истории Земли вспышкой сверхновой, достигали невиданного для таких коротких сроков развития, и растворялись во мраке забвения, уничтожив самих себя...

Галактический Совет, в который входили в том числе Эйнир и Тарр, давно обратил внимание на маленькую голубую планетку на задворках нашей галактики. Многие исследователи из множества разных миров жаждали выяснить загадку Земли... поэтому, сюда уже тысячи лет то и дело путешествуют межзвездные корабли... посланники разных цивилизаций. Не секрет, что до людей существовали еще несколько рас. Людям известно о четырех из них, хотя это – далеко не все. В легендах и летописях всех этих рас, так же, как в человеческих легендах, часто упоминались гости с неба, которые приносили свет знания, учили многим вещам, и всячески способствовали прогрессу землян. Все было так... но раз за разом, всех нас, исследователей, ждали провалы. Знания, что мы несли землянам, считая, что совершаем для них добро, оказывались в итоге губительным для их сообществ. Как по-твоему, откуда у Атлантов появились

технологии, о которых до сих пор пишут в фантастических книгах? Ведь именно эти технологии, фактически, и уничтожили их.

Когда на смену атлантам пришли люди, мы договорились действовать совсем по-другому. Мы больше не давали им в руки опасных знаний и опасных вещей. Мы хотели быть просто наблюдателями, не вмешиваясь, мы хотели лишь следить за развитием новой расы землян, ну, возможно, однажды рассказать им о нашем существовании, о существовании Галактического Совета и о том, какое особое положение Земля занимает по неизвестной никому причине. Наши ученые не могли объяснить не только слишком быстрое развитие всего живого на Земле, но и еще одну вещь, напрямую связанную с перерождением.

На большинстве планет переселение души, точнее сказать, ее новое рождение, не сопровождается потерей памяти духа, его возможностей. Так, например, всегда было на Эйнире. Дети с рождения сохраняли возможности, соответствующие их клану. Клан земли отвечал за все, что связано с материками, почвой, и за физический организм. Они становились целителями и агрономами... выражаясь земным языком. Клан воздуха отвечал за воздушную сферу планеты и мысль. Как ты догадываешься, управляющие погодой, ученые, мыслители выходили из этого клана. Клан воды был в согласии с водными пространствами, главной способностью его представителей было понимание движений души. Творческие личности и миротворцы – все они принадлежали к этому клану. И наконец, последний клан, к которому принадлежим ты и я. Огненный. Стихия, конечно, огонь, и этот клан имел глубокую связь с духом, некоей первичной субстанцией, тем, что существует еще до формирования душ, до возникновения мыслей, до рождения тел... в каком-то плане, нас считали высшими, элитой. Огонь среди стихий занимает особое место. Практически никогда он не встречается в свободной форме, сам по себе. Если земля

образует континенты, вода – моря и океаны, воздух – атмосферу планет, то огонь, лишь изредка, рождается от удара молний, или создается из искры жителями, чтобы спастись от холода и приготовить пищу... огонь – слишком мощная сила, чтобы стать константой. Если оставить источник огня бесконтрольным, он начнет сжигать все большие и большие площади, но в зимнюю стужу только огонь мог согревать. Тех, кто принадлежал к клану Огня, всегда было очень мало. В разы меньше, чем представителей всех остальных стихий. И нашей задачей было... нести перемены, когда больше нет возможности жить по-старому. Совершать невыполнимое. Трансформировать отжившее в новое. Нашей задачей был редко требуемый, но неизмеримо сложный... подвиг духа. Теперь, думаю, ты понимаешь, почему сюда, на Землю, с миссией, послали именно нас. С нами летело еще трое Эйнириан, каждый из которых являлся представителем одного из трех других кланов. В их задачу входила одна вещь, о которой упоминал хроник-мастер, а именно: только собравшись вместе, представители четырех кланов под руководством Огненного могут замкнуть петлю. Что это означает, я не знаю.

И еще, о перерождении. Многие исследователи из других миров, прилетавшие сюда со времен появления расы людей, оставались на Земле на всю жизнь, и умирали здесь. Умирая на этой планете, ты позже родишься на ней же. То, что они не являлись исконно землянами, помогало при первом перерождении сохранять остатки памяти о своей другой ипостаси. Это сейчас много шумихи поднято вокруг феномена индиго – странных детишек со способностями и знаниями, поражающими родителей. На самом деле... такие дети были всегда. Многие из них в возрасте полутора – двух лет еще отлично помнят прошлую жизнь, о чем и рассказывают самым близким людям, доводя их до белого каления. Если, конечно, их родители сами не являются

перерожденцами и не понимают, что в словах детей есть что-то удивительно знакомое. Далее... социальные нормы, ценности, все, что усиленно вбивается этим детям в головы, дабы сделать их «нормальными», калечит их настоящую память. Нормальными они стать, как ты, конечно, уже догадалась, никак не могут. Но и быть собой им не позволяют. Единственное, что остается делать во имя памяти о той другой жизни и во имя настоящих себя – это наука и творчество. Они освобождают разум от рамок, тем самым помогая вспоминать. Таковы все перерожденцы первой волны – родившиеся здесь впервые, после того, как прилетев на эту планету, погибли, или умерли естественным путем. Многие из них оставили свой яркий след в истории. Всю свою жизнь эти люди не изобретали... они – вспоминали. Изучи судьбы гениев, их творения, их путь, и ты поймешь, что так и есть. Многие из них, кстати, умирали насильственной смертью, к примеру, кое-кого в свое время пожгли инквизиторы, выдавая за ведьм и колдунов, дабы не баламутили народ нестандартными идеями, очень невыгодными существующей официальной религии. Далее, после очередной смерти, они рождались снова, будучи уже перерожденцами второй волны, родившимися на Земле дважды. С каждым новым рождением Память слабела и истиралась, повинуюсь необъясненным до сих пор никем еще земным законам. Так они постепенно превращались в людей...

Так что, как видишь, Земля переполнена такими, как ты и я. Кто-то из них уже не помнит себя, кто-то еще – остается собой. До тех пор, пока не умрет здесь и не родится вновь.

Он бросил на меня задумчивый взгляд. Я слушала, затаив дыхание, и сейчас совсем не собиралась его прерывать. Пусть договорит. Не услышав никаких неотложных вопросов, Ланс плотнул остывший кофе и продолжил.

- В детстве я тоже, как и все перерожденцы, говорил о других

мирах. Рассказывал об Эйнире и о своей задаче. Мать пугалась, пыталась водить к врачу, но отец... оказался таким, как я. Более того... он один из нашей команды. Его клан – воздушный, мысли. Именно потому, что он очень хорошо представлял себе, кто я, он не стал намеренно калечить мою память. Он не дал заколоть меня психотропными препаратами медикам, которые любят лечить от несуществующих болезней просто потому, что сами уже не помнят. Вместе с отцом нам удалось вспомнить достаточно. Кое-что требовалось проверить на практике. Так отец стал исследовать место падения Тунгусского метеорита, так он нашел то, что нашел. Я с самого начала знал, что должен буду сделать. Вместе со мной он готовился к этому. И вместе с ним мы ждали и боялись того момента... когда появишься ты. Потому что это стало бы начало миссии... и, возможно, началом конца всего.

Ланс встал и поставил чайник.

Он действительно изменился за последние недели. Не только глаза. Он изменился весь. Красивая и пропорциональная, но все-таки еще юношеская, фигура теперь приобрела завершенные и вполне взрослые очертания. Под майкой проступали крепкие мышцы, которые невозможно развить тренажерами за такой короткий срок, даже если б на это и было время. Уверенность в осанке и сила в глазах с этим обликом сочетались как нельзя более гармонично... Не нужно обладать Памятью иной жизни, чтобы сделать вывод – все в нем было готово к выполнению очень важной и сложной задачи.

И эта окончательная подготовка произошла в какие-то несколько недель.

Значит, клан Огня, сподвижники Духа, да?... Глядя на тебя, в это легко поверить. Тем более... я сглотнула. В детстве я тоже рассказывала родителям о другой планете. И врач ставил мне диагноз СДВГ. И я помнила... многое из того, что сейчас –

знаю. Прощай навсегда, имидж психа-одиночки.

- А когда на Земле появились Таррийцы?..

Ланс поставил перед нами по чашке чая и снова сел напротив.

- Не так давно. Дело в том, что их по известной им одним причине всегда привлекли смутные времена. Около двух земных столетий назад этот период наступил на их собственной планете, и Тарр превратился в ледяную пустыню почти без атмосферы. Таррийцам необходимо было найти новый дом. Самой близкой к ним обитаемой планетой оказался наш Эйнир, куда они и отправились. Но там... - он поморщился и провел рукой по лбу, словно стараясь избавиться от внезапно возникшей головной боли. – Там что-то произошло. Что-то, о чем я не помню и не успел спросить хроник-мастер. Это событие было напрямую связано со мной и с тобой, с моим отцом и... и поэтому именно мы полетели за ними к Земле. Таррийцы не видели другой цели, кроме Земли, маленькой планетки на задворках галактики, удивительно схожей по климату с их родным Тарром и нашим Эйниром, поэтому они отправились сюда. Им оставалось переродиться здесь и надеяться на частичное сохранение Истинной Памяти.

- А сейчас смутные времена Земли в самом разгаре?

- Если верить выпускам новостей.

- Ведь подобное произошло и на Эйнире? Подобное событие – эпоха смутных времен?..

- Да. – Ланс потупился. – Но Эйнириане были готовы к нему гораздо лучше, чем люди. Здесь это происходит слишком скоро. Даже тот, кто должен решить вопрос, еще не решился на это.

ОБРУЧЕННЫЕ ОГНЕМ
фантастика, кидалт

ЧАСТЬ III - ВОЗДУХ
31 - ВРЕМЯ СОБИРАТЬ КАМНИ

Я проснулась от неожиданно громкого звука.

Раскаты грома и вспышки молний сопровождалась мерным стуком крупных капель по подоконнику. Похоже, непогода добралась и до нас... Если учесть, что последние дни синоптики даром едят свой хлеб, интернет можно не спрашивать о том, когда гроза закончится.

Я оглядела комнату. Кажется, сейчас глубокая ночь – часа 3 или около того. Ланса рядом не было, но я чувствовала, что он где-то в пределах квартиры. Спать больше не хотелось, со всеми этими катаклизмами у меня совершенно сбился режим. Я собралась встать и поставить чай...

Дождь (или град? Больно громко колотит по раме...) прицельно долбил в окно, казалось, пластик просто выдавит водой и вся эта непогода ворвется внутрь квартиры. Ветер завывал в шахте лифта, и слышно эти звуки было превосходно, невзирая ни на какую шумоизоляцию. Мне почудилось даже, что вовсе не ветер воеет, а стонет и плачет

кто-то, забытый за дверью дома в грозу. Одинокая и оставленная на произвол судьбы душа...

В квартире стало как-то неуютно. Захотелось найти Ланса и попросить обнять меня, побыть рядом, пока не закончится гроза. С ним мне всегда было так спокойно...

Тихонько приоткрыв дверь на кухню, я заглянула внутрь.

Ну конечно, он сидел там, на полу, и баловался с зажигалкой. Огонек то возникал в темноте, то тух, но тут же возникал снова. В нервном отблеске маленького огонька на лице Ланса смутно читалась отчаянная решимость.

- Ди. Посмотри в окно.
- Да, я уже успела оценить погоду...
- Непогоду.

От пугающих ноток острого отчаяния меня пробрал мороз.

Ланс тяжело вздохнул и отвернулся к окну. Я подошла и села рядом с ним на пол. Он казался таким уставшим и измученным, и взгляд его был отнюдь не юношеским, словно жизнь длилась сотню-другую лет, и все эти сотни вдруг разом обрушились на его плечи. Мне захотелось приласкать его, передать частичку тепла и надежды... которых, в общем-то, не было у меня самой... Повинуясь спонтанному порыву, я притянула его к себе и стала нежно гладить по волосам, нашептывая что-то вроде «Все хорошо, все образуется». И хотя сама я понятия не имела, в каком месте все хорошо, и когда же в остальных местах что-то путное образуется, но мои нехитрые действия, кажется, все-таки имели успех. С губ его сорвался сдавленный стон, и Ланс неожиданно уткнулся мне в плечо, изрядно стиснув в объятьях. Я продолжала перебирать светлые пряди и шептать что-то, в чем хотелось убедить нас обоих.

- Ди... можешь точно таким же тоном повторить, что попрошу?
- В смысле?..

- Скажи: «Ланс, так надо».

Как если бы попросил передать ему стакан с ядом.

Мои пальцы снова скользнули по белым прядкам, и я покорно повторила:

- Ланс. Так надо.

Он лишь крепче стиснул меня и шепнул:

- Скажи вот так же еще разок.

А теперь словно просит вдобавок заставить его отпить из стакана.

- Ланс... так надо...

- Еще.

Пить до дна?..

- Ланс... о Боже мой, я не верю в это, Ланс. Я не хочу этого говорить!

Он снова отстранился.

- Ди, остается только один неизбежный путь, и я не могу ждать. Сегодня ночью полностью затопило Японию. В Америке землетрясения унесли жизни половины многомиллионного населения. С каждой минутой ожидания количество жертв увеличивается, а шансы изменить что-то к лучшему уменьшаются... Теперь вот молния угодила в антенну, или что там еще... но «ящик Пандоры» не показывает ничего, кроме серых мух. Света тоже нет.

- Ланс. – Мне стало по-настоящему жутко. – Какой путь остается? Лично я не вижу больше никакого пути...

Он опустил глаза в пол и ответил тихо, почти шепотом:

- Ты не видишь пути, потому что пройти его суждено только одному из нас.

Это слишком уж походило на пресловутый приказ покинуть

корабль. Покинуть корабль, и своего капитана в нем. Мне не по нраву такие дежа вю.

- Ланс Кристенсен! Ты либо сошел с ума, либо считаешь, что рассудка лишилась я. Кто же позволит тебе идти одному?!

Я чувствовала, как во мне всколыхнулась тщательно задавленная паника. Вот, кажется, этот поворотный момент. Либо я смогу переубедить его, либо...

Но опущенные в пол глаза и решимость, отпечатавшаяся на его лице, в каждой черточке, ясно говорили, что он уже все определил для себя.

Я ощутила тот же беспросветный ужас, как когда встретила его двойника, который сказал, что не знает меня.

- Нет, Ланс, нет, пожалуйста! Что ты задумал? Нет, расскажи мне, прошу, позволь пойти с тобой! Пожалуйста, не бросай меня одну! Все это не кончится добром!..

Слезы брызнули из моих глаз... я судорожно обхватила его за шею, и принялась целовать в холодные упрямо сжатые губы. На поцелуи он не отвечал, вместо этого поднял на руки и отнес в комнату на кровать.

- Побудь здесь, пока я не вернусь, хорошо?

Никогда не вернется.

Возражения и слезы застряли в горле, едва он посмотрел мне в глаза тем самым взглядом Ланса-из-сна.

Держи его крепче, Ди, не то вместе с ним уйдет твоя жизнь. Солнце померкнет, если тот проклятый сон станет явью. Не слушай очередного приказа.

Его губы слегка коснулись моего лба, затем Ланс без видимых затруднений освободился из моих рук, встал и взял с кресла куртку.

Я подскочила:

- Иду с тобой. Не остановишь.

Еще один долгий взгляд, и затем – легкий взмах рукой перед моими глазами. Комнату вдруг наполнил туман, ноги подкосились, и я рухнула назад на кровать. Все тело налилось свинцом, руки и ноги теперь словно бы весили сотни килограммов.

- Спи... - сказал он тихо.

Мне пришлось изрядно напрячься, чтобы сохранять угасающее сознание. Балансируя на грани с обмороком, я подумала: вот к чему привел страх, от которого мне никогда, видимо, не избавиться. А я не в силах даже рта открыть, чтобы сказать, какой бессмысленной станет моя жизнь... неужели не знает?..

- Я знаю, Ди. Но так надо.

Он наклонился ко мне и поцеловал... на сей раз – в губы, нервно, жарко, отчаянно...

- Клянусь, что не оставлю тебя в новом мире, когда все кончится. Тебе достаточно будет посмотреть вокруг...

Входная дверь хлопнула, шаги на лестнице стихли, и в комнате словно сразу похолодало. Единственный источник тепла и света, обогревавший весь мой маленький мирок, исчез, и черная безысходность, в его присутствии не приближавшаяся и на пушечный выстрел, всем своим весом навалилась на меня.

Одна мысль, лишь одна, все еще поддерживала искорку сознания в мозгу – еще ничего не закончилось, его еще можно остановить.

Кажется, там, за мутной гладью, что-то происходило. Кажется, там бушевала гроза. Возможно, сквозь грозу время от времени пробивались чьи-то крики о помощи. Кажется, там, снаружи, вихрь срывал крыши, молнии жгли стены, но для меня в забытьи были лишь отсветы пламени, танцующие на зеркальной дверце серванта.

Там, за черной пеленой, происходило неконтролируемое и страшное, то, что когда-то назвали Армагеддон. Но меня это теперь не касалось. Как же я молила черноту о том, чтобы выплыть. Чтобы попасть туда, чтобы разделить с миром его участь, чтобы получить хоть призрачную, но все же возможность догнать Ланса и отобрать у него страшное бремя. Или хотя бы часть.

Но нет. Здесь, в пределах магического забытья, было тепло, темно и тихо, и все происходящее извне казалось лишь кинофильмом. Здесь, в замкнутом круге, я переживала свой, личный Армагеддон. И он был для меня куда страшнее того шумного буйства красок и звуков за окнами. Он был немым и черным, вязким и липким. Здесь, внутри, остановилось время. Но там, за окнами, время словно ускорило ход. Там, вне невидимого защитного мыльного пузыря, в котором я парила в полусне, оставались другие люди, и вместе с ними там оставался Ланс. Он не мог бы сделать мне большее, обречь на более мучительную смерть, чем эта – смерть надежды во имя жизни тела.

Все, чего я хотела, это быть с ним.

Возможно, мой дар смог прорвать цепкую пелену, или несчастное сознание решило спастись бегством в бред, но в ту самую минуту я все-таки погрузилась в сон, и сон позволил выскочить за рамки моей защиты-тюрьмы.

В моем сне оказался тот, к кому я стремилась, и это давало мне силы спать дальше.

Ланс стоял на берегу небольшого озера.

Порывы ветра метали комья грязи ему в лицо, вокруг раздавался грохот – небо было располосовано молниями. Земля ходила ходуном, так, что он едва мог устоять на ногах.

Прислушавшись, за завываниями ветра я смогла различить знакомые слова:

- Огонь духа, что горит в каждом из нас.

Бездонный омут души – вода.

Отец, несущий семя жизни и разума – мысль – воздух.

Мать, создающая плоть, сыра земля.

Я, эйнирианин Элан из клана Огня, избранный, во имя

Соглашения и ради самой Жизни, прошу о Совете.

В грохоте бури мне послышался ответ:

- Какого совета желаешь ты, смертный землянин Ланс Кристенсен, теперь, когда власть людей на этой планете наконец кончилась? Теперь, когда все здесь зависит от нас?! Смутные времена в самом разгаре, и мы, Стихии, возьмем свое.

Ланс перевел дух.

- Не совета. Я прошу вас, всех, явиться ко мне на Совет с целью заключения Соглашения о Заповедниках, подобного тому, что было заключено на моем родном Эйнире в середине 12 Периода от Начала Начал. Вы не можете игнорировать Формулу.

Грохот усилился, и маленький пруд вздыбился, словно вся вода в нем поднялась, повинувшись неведомой силе, и превратилась в огромный вал.

Волна нависла над Лансом, казавшимся теперь таким хрупким и слабым, рядом с освободившейся стихией... но он не боялся. Почему?! Почему этот немислимый, невыносимый человек ничего не боится?.. Если бы он засомневался, хоть на минуту, хотя бы на пару секунд, я еще могла бы остановить это!

Волна медленно опала к его ногам осколками капель, и в звоне их прозвучало:

- Ну что ж. Ты прав, это Закон, мы не можем ее игнорировать. Но что сможешь предложить ты взамен? Уж не мнишь ли, что мы желаем быть запертыми по четырем сторонам света, вместо того, чтобы владеть этой планетой безраздельно, превратив ее всю – в Заповедник?

В наступившей на миг тишине ожидавших ответа стихий его

голос прозвучал слишком громко и уверенно... слишком, чтобы оставить мне какую-либо надежду.

- Я готов заплатить цену, оговоренную в Эйнирианском Соглашении.

Вой ветра и грохот земли возобновились вновь, шум нарастал, порывы уже почти сбивали Ланса с ног. Ответ стихий показался мне несколько странным:

- Как можешь ты подтвердить, что действительно являешься тем, кем назвал себя? Только эйнирианин из клана Огня способен стать залогом Перехода.

Вымученная твердость взгляда уступила место торжествующей улыбке.

- Огонь! Я призываю тебя в свидетели.

И в этот миг молния ударила в поваленное дерево у его ног.

Вспышка была такой яркой, что сперва ослепила. Когда я снова могла различить что-то сквозь пелену, то увидела, что Ланс стоял все там же, все так же невредимый - о, силы земные и небесные, возьмите все, но сохраните его жизнь!.. – а дерево рядом пылало, яркие красные языки танцевали на поваленном бурей стволе.

Чтобы понимать их язык, мне не нужно было вслушиваться.

Огонь прошелестел:

- Что ж, я свидетельствую, что эйнирианин Элан, избранный, из клана Огня, верно назвал свое имя и происхождение. Свидетельствую, что он был послан на Землю, где погиб в результате катастрофы и родился вновь, получив имя Ланс, произошедшее от германского слова «Земли, страна». Не символично ли? В самом этом имени заложена его задача. И я свидетельствую, что здесь и сейчас он выполняет ее.

Молчание стихий, казалось, страшнее, чем их гнев. Наконец

они ответили разом:

- В таком случае мы принимаем условия Соглашения. Теперь, Элан... ты первым должен сдержать Слово, данное нам. Готов ли?

Ланс перешагнул бревно, пройдя сквозь пламя. Он остановился у самой воды, огляделся вокруг, и произнес тихо, со спокойствием обреченного:

- Готов.

Ужас, нараставший во мне, достиг пика. Я собрала все силы и крикнула. Сквозь сон, мой голос прозвучал, как шепот, как будто я кричала через подушку, сдавленным тихим хрипом отозвавшись извне:

- Ланс... не надо...

Однако он услышал и обернулся, и на секунду мне показалось, что он смотрел мне в глаза, хотя там, у пруда, скорее всего мог видеть лишь клубящийся туман и стволы поваленных бурей деревьев...

Он успел произнести два слова: «ради тебя!», и в следующую секунду исчез в ослепительно яркой вспышке.

Вихрь света и искр закружился, все быстрее, быстрее... вращающийся световой кокон скрыл его от взгляда, и зазвучала вторая часть формулы, которую я никогда прежде не слышала:

- Сегодня, в середине 14 периода от Начала Начал по Эйнирианскому летосчислению, мы, стихии, вступаем в новое Соглашение на планете Земля. Мы обязуемся сформировать Заповедники, в которых обречены оставаться до тех пор, пока не услышим Зов Четверых, либо навечно. Взамен мы принимаем

жертву эйнирианина Элана, избранного, из клана Огня,

жертву, дающую импульс, необходимый для великого преобразования,

жертву, согласно которой:

Стихия его клана, Огонь, отныне владеет его духом.

Свет чуть померк, силуэт Ланса проступил сквозь сверкающую белую пелену и вращенье, он вздрогнул в немыслимой силы конвульсии, и золотой луч, вырвавшись из его груди, метнулся к горящему пламени...

Стихия Воды отныне хранит его душу.

Еще конвульсия, чуть меньшей силы. Серебристый луч скользнул к глади пруда и растворился, едва коснувшись черной водной поверхности...

Стихия Воздуха получает его разум.

Едва заметное содрогание, почти рефлекторное. Синий луч метнулся вверх, в небо, рассеиваясь в нем...

И наконец, Земля заберет его физическую оболочку.

Сноп света медленно растаял, и безжизненное пустое тело, которое вихрь больше не поддерживал, рухнуло на песок. С широко открытыми, полными ужаса глазами я взирала на окончание страшного ритуала.

Эта часть была точь-в-точь, как в моем сне. Земля зашевелилась и стала медленно оседать, поглощая все, что осталось от смысла моей жизни. Его было теперь не узнать – глубокие синие круги пролегли под глазами, веки плотно сомкнуты, губы сжаты, словно последним его действием было мощнейшее усилие воли – заставить себя сделать шаг навстречу собственной гибели, не оглянуться назад во второй

раз, стерпеть невыносимую боль разрываемой на части жизни... я смотрела на эти плотно сжатые синие – ни кровинки — губы, и не могла поверить, ведь еще только минуту назад Ланс шепнул мне «ради тебя», еще день назад я любовалась его улыбкой...

Видя, как оседает земля, я чувствовала, что ужас уходит и тупая, ноющая боль заполняет меня от кончиков пальцев до затылка, по мере того, как мертвое тело погружается в почву...

Не контролируя и не помня себя, я рванулась туда вся, в эту пелену, разорвав ее и разметав прибрежный туман в клочья, я выбросилась на этот пустой теперь берег из своего забвения, и едва успела коснуться ледяных пальцев, таких же холодных, как та земля, что через долю секунды уже скрыла его от меня. Мой мозг отказывался понимать что-либо.

Я отключилась там, у пруда, на том самом клочке земли, где только что еще лежал Ланс. Ну и пусть. Так я ближе всего к нему. Это все, о чем я способна думать в последнюю секунду перед наступлением тьмы.

КОНЕЦ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ

*Умопомрачительное умопросветление
In Lak'esh A La K'in: Я есть ты, Ты есть я*

ОБРУЧЕННЫЕ ОГНЕМ
фантастика, кидалт

ЧАСТЬ VI - ЗЕМЛЯ
33 - НОВЫЙ МИР

Сначала возникло только ощущение света. Яркий луч вторгся в мою покойную сырую мглу. Все ярче, ярче, он нарушал такой необходимый, блаженный, покой. Зачем ты пришел?.. Ах, да... там, в той прежней жизни, что-то случилось. Но ведь я уже не вернусь туда, я приняла решение навсегда остаться в той же земле, где и Ланс, на том самом холме у пруда... Ланс. Это имя всколыхнуло вихрь. Чувства, самые разные, но все – невероятно острые, словно сотни лезвий, вонзились в меня. О нет, нет! Спи! Спи в беспмятстве, и забудь, иначе... Но лезвия чувств и не думали покидать, они разрывали на тысячи лоскутов: блаженство осознания того, что еще недавно Ланс улыбался мне, и мы вместе тратили драгоценное время, словно никогда не умрем, переплеталось с абсурдом последнего воспоминания о нем, в вихре света, раздираемом стихиями на части, а значит, потерянном

безвозвратно, ушедшем, покинувшем этот мир и... меня... Это самое воспоминание заставило прийти новую гамму чувств. Лезвия оставили в покое, и осталась лишь тьма: с ног до головы я погрузилась в омут. Но золотистый луч не исчезал, он продолжал плясать на моем лице, заставляя вспоминать все ярче, все отчетливей... он был путеводной нитью Ариадны в лабиринте воспоминаний.

«Клянусь, что не оставлю тебя в новом мире. Тебе достаточно посмотреть вокруг...»

Я резко открыла глаза.

Солнечный лучик скользнул по мне в последний раз и исчез – солнце скрылось за пушистым белым облаком. Я лежала у ручья, а вокруг, насколько хватало глаз, простиралось поле цветов.

Чистое и светлое, первозданное и нетронутое поле... это вполне в духе Ланса.

Опершись ладонью о землю и пытаясь встать на ноги, я ощутила, как какой-то маленький металлический предмет скользнул под пальцами. Пришлось долго копать в густой траве, прежде чем я отыскала его зажигалку.

Неужели вот это поле и солнечные лучи, и еще старая зажигалка, - это все, что мне осталось?..

Я балансировала на грани забвения. Лучше тьма, чем осознание того, что единственная ценность утрачена безвозвратно.

Солнце вновь выглянуло из-за тучи, и яркий луч скользнул по блестящей металлической поверхности.

«Мы всегда будем в жизни друг друга. Это наш с тобой закон».

Обливаясь солеными до горечи слезами, я неловко чиркнула кремнем, извлекая маленький дрожащий лепесток.

- Эйнирианка Альта, последняя из клана Огня на этой планете, требует ответа.

Естественно, никакого ответа. Ветер чуть всколыхнул мои волосы.

- Ответь мне!!!

Ничего, лишь воспоминание:

«Мы обязуемся сформировать Заповедники, в которых обречены оставаться»...

Что ж... Хорошо. Тогда я отправляюсь искать Заповедник Огня. Ты выслушаешь меня, родная стихия, не будь я последней из клана. Выслушаешь и заберешь мою жизнь так же, как забрала его.

Идти оказалось на удивление легко. Я даже не задумывалась о направлении – просто знала, чувствовала его, как, наверное, чувствуют птицы. Небо было покрыто легкими облачками, так что мне не мешала ни жара, ни плохая погода. Ласковый ветерок освежал. Всюду над полем стоял приятный сладковатый цветочный аромат.

Ланс не мог бы придумать места лучше. Но счастья и спокойствия, к которым так располагал этот мир, во мне отнюдь не рождалось. Просто потому, что покой, за который заплачено такой ценой, никак не может быть отдохновением... и чем красивей созданное, тем сильнее оно напоминает о цене, тем абсурдней выглядит.

Поле кончилось и потянулись фруктовые деревья. Из интереса я сорвала одно яблоко и пару груш. Давно не пробовала настолько вкусных фруктов... Ланс мог бы собой гордиться...

В голову вдруг полезли ужасные мысли о том, что все это великолепие растет на его костях, впитало его кровь, высосало жизнь...

Я спешно закрылась от боли, отгородилась идеей, что скоро снова буду с ним. Не стоит думать о мрачном. Не стоит вспоминать о несправедливости. Мне нужна светлая голова, чтобы найти Заповедник.

Солнечный лучик мелькнул в просвете между ветвями плодовых деревьев.

Я расценила это, как добрый знак. Солнечный луч с первой секунды моего пробуждения в этом мире более всего напоминал о нем...

Ланс... ты говорил, что останешься рядом со мной здесь. Оставайся! Прошу. Пошли мне как можно больше напоминаний о себе. Являйся ко мне во снах. Приходи в галлюцинациях. Ведь самое страшное – это поверить в то, что мы больше никогда, никогда не встретимся... Так не покинь ни на секунду, умоляю! Мучай, терзай невозможностью коснуться, увидеть вновь свет твоих глаз, ощутить ласку рук, обнять тебя. Но оставайся поблизости и заставляй жить до конца моего пути. Я так хочу быть с тобой... это единственное, чего я хочу, какую бы цену мне ни пришлось заплатить... Слышишь?!

По мере моего движения флора становились все разнообразней. Здесь были собраны фруктовые деревья всех широт, и не только фруктовые... Кедры росли вперемешку с банановыми пальмами и яблонями. Персики – рядом с соснами и осинами... и все это казалось странным и таким красивым... словно все части света смешались и объединились в некое общее целое... как разнообразные разноцветные стеклышки калейдоскопа.

Тут и там сновали и вили гнезда птицы. Мне захотелось увидеть, как же ведут себя животные, и я отправилась искать ручей. Картина, открывшаяся моему взору, какой бы удивительной и фантастичной она ни казалась на первый взгляд, была как раз тем, что я ожидала. Обогнув холм, поросший вереском, я увидела широкую речушку, и... по ее берегам, тут и там, собирались на водопой звери. Волки рядом с косулями. Ягнята со львами. Змеи, барсуки, ежики, тигры, медведи... одним словом, идиллическая библейская картина.

Что ж... так вот значит, какова цена перехода из ада в рай. Отныне колокол разделения, задававший неизменный тон жизни в прежнем мире, молчит. Колокол замолчал навечно, получив свою жертву.

Если бы я сейчас находилась там же, где Ланс, я могла бы лишь искренне радоваться за оставшихся в этом раю... и за родителей, которые, хочется верить, тоже оказались здесь. Но, отгороженная от своей любви непреодолимой невидимой стеной, я никогда не смогу порадоваться чему-либо искренне. Потому что за переход в новый мир заплачено, кажется, моей собственной душой...

А остальные... как, должно быть, они теперь счастливы, проснувшись здесь! После этих нескончаемых катаклизмов – вдруг райский мир, баюкающий в своих ласковых ладонях. О, это была достойная цель.

Ветер, подувший откуда-то слева, донес запах моря. Он был таким теплым и легким, словно... словно нежные пальцы погладили по щеке...

Вся эта земля, весь этот воздух, и вода – пропитаны твоим безмолвным присутствием... ты теперь их часть...

Белые барашки морского прибоя. Крики чаек и свежий бриз. Огромные, яркие разноцветные ракушки. Блестящие неторопливые крабы у самой воды...

Я шла по кромке, переступая через крабов.

Смеркалось.

Наверняка, ночь будет столь же нежна, бархатна и таинственна, сколь день был заботлив и ласков... Таков его мир... такой же, каким был он сам...

Наверное, я чувствовала бы себя куда лучше, если бы разразилась гроза. Неистовство бури гармонировало бы с моим нынешним состоянием. Но эта теплая умеренность и мягкость создавали настолько резкий контраст, что я просто не могла не чувствовать жгучую горечь потери...

Обогнув скалу, я увидела сотни ярких огоньков. Вот, значит, и поселение. Но сегодня уже не время там появляться. Я не смогу заснуть среди счастливых безмятежных лиц, не знающих о заплаченной за их счастье цене... и, в общем-то, к этому безразличных...

Так что, лучшим решением будет остаться здесь, на берегу.

Баюкать себя этой ночью я доверю лишь прибоя... ведь возможно... в шелесте волн мне будет слышаться тихий шепот...

Спокойной ночи, любовь моя...

Меня разбудил первый солнечный луч.
Багрянец неба и краешек ярко-красного раскаленного диска,
поднимающегося из свинцово-серой воды.
Прибой и песок.
А я так надеялась, что этот рай лишь приснился...

Встала на ноги и побрела к поселению, которое теперь можно было легко разглядеть. Кажется, расположилось оно в огромной долине. Насколько хватало глаз, тянулись сады и фруктовые деревья. Между ними были в живописном беспорядке разбросаны маленькие деревянные домики, покрытые соломой. Отчасти эта картина напомнила мне Тавеуни с его прячущимися в джунглях бурэ. Такие милые, пасторально-спокойные и уютные жилища мирных и честных тружеников...

Определить размеры поселения на глаз оказалось сложно: взгляд блуждал по равнине и упирался в горы с одной

стороны, в море с другой...

Увязая во влажном песке, я брела по берегу. Один из домиков стоял почти у самой воды. Чуть выдаваясь из волн, напротив него торчал огромный валун, на котором я заметила человека с удочкой. Что-то было удивительно родным в его усталой позе, в привычке задумчиво жевать стебелек травы... Сделав еще пару шагов вперед, я кинулась бегом.

- Папа!

Удочка выпала у него из рук и волны принялись играть бамбуковым удилищем.

- Слава Богу, Диана! Где же вы все это время находились? Мы с мамой уже не знали, что и думать... Еще до того, как неожиданно попали сюда, мы пытались искать тебя, даже привлекли полицию, но они не обнаружили никаких следов, ни твоих, ни твоего приятеля Ланса...

При звуке этого имени из глаз снова брызнули слезы.

Отец успокаивающе погладил меня по вздрагивающим плечам.

- Пойдем в дом! Ты наверняка проголодалась?..

В красном клетчатом переднике, со сковородкой в руке, мама стояла у печи, переворачивая пирожки. Отец медленно подошел и забрал у нее сковородку, поставил на угли. Затем взял нежно за плечи и развернул ко мне.

- Родная, посмотри, кто сегодня пришел...

Она кинулась обнимать меня, а я могла лишь стоять молча, опустив руки, с красными глазами и на ватных ногах... сейчас мне придется рассказать всю историю, без утайки и «цензуры»... Они имеют право узнать обо всем, что произошло с их ребенком, но... Как мне посмотреть этим честным и вполне нормальным людям в глаза, как признаться в том, что я натворила?.. Как объяснить, почему не смогла сделать главного – сохранить привычный мир, в котором мы

все родились?..

Мы пили чай с пирожками на веранде. Легкий бриз с моря обдувал наши лица, впервые за долгое, кажется, невероятно долгое время вся наша семья была в сборе, и это можно было бы назвать счастьем, если бы не... ну, в общем, понятно.

- Сначала мы дозвонились до отца твоего друга, - начала мама, - и он сказал, что, хотя сам и не знает, где вы находитесь, но все же зря волноваться не стоит. Его же собственный голос был достаточно взволнованным. Мы прождали положенные трое суток, затем заявили в милицию. Их поиски длились около двух недель, пока не начались все эти мировые беспорядки. Поиски не дали никаких результатов – вы словно бы исчезли. Никто не знал, куда. Мы беседовали со всеми твоими одноклассниками. То есть, почти со всеми – оказалось, что из вашего класса пропали еще двое человек – Воронин и Хвостова... Квартира Кристенсенов была заперта... а потом начались эти ужасные выпуски новостей, эти странности с погодой... на улицу стало страшно выходить... то и дело сообщалось об очередном зверском убийстве... вот тогда мы стали думать, что уже никогда тебя не увидим...

Мама замолчала и подняла на меня глаза.

- Потом пришла небывалая буря... она рушила дома, вырывала с корнем деревья... а на следующее утро, с рассветом, мы проснулись здесь. Я не помню точно, как все случилось. Сначала мы, было, решили, что попали в рай... за то время, как все мы оказались здесь, в этой долине, погода ни разу не портилась. Дождь идет только над полями и деревьями. Солнце светит, когда его ждешь, и прячется за тучей в полдень, оберегая от пекла. Ветер такой тихий и нежный, словно...

- ... да, да, знаю, словно ладони любимого человека.

Я допила какао. Нужно было начинать непростой рассказ о событиях до и после Армагеддона... хотя мой личный Армагеддон как раз в самом разгаре.

- ... вот так я в итоге и оказалась здесь.

На небе уже полыхал закат.

Мать с отцом переглянулись.

В эту секунду тихий стук в дверь нарушил недоверчивую тишину.

Дверь приоткрылась, и в щель заглянул мальчишка лет восьми. Окинув всех нас любопытным взглядом, он сообщил:

- Завтра будет собрание жителей долины. Меня просили вам передать.

Отец кивнул ему в знак согласия и, повернувшись ко мне, задумчиво произнес:

- Может, тебе стоит сходить с нами и рассказать остальным?..

Утром я все еще не имела ни малейшего понятия, что именно собираюсь сказать на собрании.

Хотя мы и пришли к условленному месту за час до начала, тем не менее, оказались не первыми. Небольшое озерцо в центре, вокруг которого собралось множество людей, поблескивало в солнечных лучах.

Жители продолжали прибывать. Кое-кто собирался в группки по несколько человек, кто-то стоял особняком, кто-то сидел под деревьями и ел фрукты, просто срывая их с ближайшей ветки, а некоторые до начала решили вздремнуть... и непохоже, чтобы они в ближайшее время собирались проснуться.

Отец отправился в самую гущу толпы разузнать насчет повестки дня. Стоя у воды, я теребила выбившуюся из хвоста прядь и судорожно пыталась изобрести хоть сколько-нибудь вменяемую речь, когда меня тронули за рукав.

- А, мастер по машинам?

Неужели кто-то еще об этом знает?..

Я подняла на говорящего полные удивления глаза.

- Как там твой капитан? - шутливо поинтересовался старый гипнотизер. Выглядел он еще более неважно, чем в ту ночь, когда мы с Лансом заявили к нему на сеанс. Сеть мелких морщинок вокруг глаз укрупнилась, волосы поседели совершенно, он сгорбился и согнулся, словно под тяжестью непомерной ноши, и теперь казался вдвое меньше обычного.

- Герман Вольфович... Вы меня узнали?

- Вас таких забудешь, если бы, - отмахнулся старик. – А где Кристенсен-младший, о котором ты когда-то умудрилась скорбеть в его же присутствии?

У умных людей зачастую имеется невыразимо дурная привычка задавать вопросы по существу.

- Тогда было рановато, зато теперь – в самый раз.

Старик вскинул брови:

- Что еще натворил сынишка Эла?..

- ... умер.

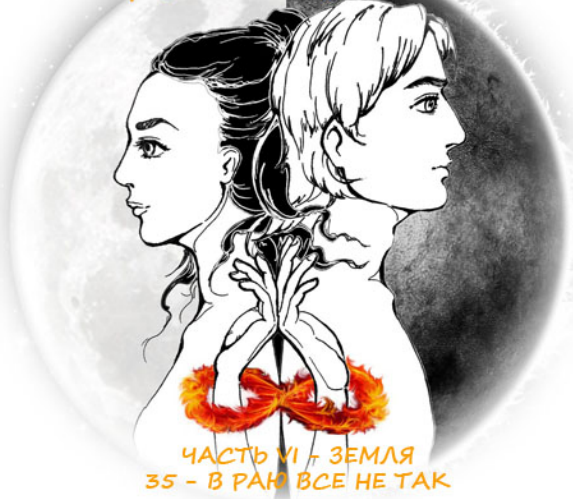
Лицо старика вытянулось, в глазах сверкнули капельки влаги.

- Такой юный... к тому же гений. А я, раритет никчемный, древность музейная, здесь стою! Ну скажи на милость, в чем справедливость-то?.. Вся моя семья погибла... дети, внуки. Надежда моя, все в них вложил... А сам...

Он махнул рукой и отвернулся.

Похоже, не одной мне мерещится, будто в нашем раю что-то не так.

ОБРУЧЕННЫЕ ОГНЕМ
фантастика, кидалт

ЧАСТЬ VI - ЗЕМЛЯ
35 - В РАК ВСЕ НЕ ТАК

- Диана, иди сюда, - позвал отец из самой гуши народа. – Мы открываем собрание.

Люди начали рассаживаться на траве, прямо там, где стояли. Когда я выбралась к месту, где стоял отец, возня как раз прекратилась.

Я смотрела в эти, такие разные, лица.

Над долиной висела напряженная тишина.

- Нет желающих начать собрание? – поинтересовался пожилой мужчина, показавшийся мне похожим на немца. - Возможно сейчас, если каждый выскажет свои наблюдения, мы вместе сумеем составить довольно подробную картину происходящего?..

Тишина взорвалась множеством возмущенных голосов. Сказать о картине происходящего присутствующим определенно было что.

- Давайте попробуем высказываться по одному! – крикнул отец во всю не Бог весть какую мощь легких, сляся перекрыть «шумовые помехи». Но ко всеобщему

спокойствию, собравшиеся уже догадались. Несколько минут понадобилось, чтобы вновь воцарилась тишина.

Первой встала худощавая женщина в коричневом. Близорукие серые глаза блеснули за толстыми линзами.

- Я знаю только то, что с момента попадания сюда мне себя некуда деть, – сказала она и поправила съехавшие под тяжестью собственного веса очки.

Она была тем самым библиотекарем, кого Ланс спрашивал про журнал в день нашего с ним знакомства.

- Вам, значит, тоже не нравится?.. – подал реплику отец, на которого негласно возложили обязательства по ведению собрания.

Библиотекарь пожала плечами.

- Почему же, здесь красиво. Даже слишком. Все так, словно сложностей никогда не было и больше никогда не будет. Не нужно работать в поте лица, можно просто жить. Но вот этого-то я не умею. Я привыкла ходить на работу и приносить людям из архива книги. Я знаю, что посоветовать почитать тому или иному посетителю... Знаю, где и какие книги стоят. Я могу найти любую книгу на стеллажах за считанные минуты. Но кому это нужно в мире, где нет книг?..

Ее перебил полный китаец.

- Я не понимаю, зачем нужен рай на одного. Вся семья погибла, и я совершенно не собирался с ними разлучаться... здесь многие потеряли родных. А одиночество куда больше похоже на ад, будь у него и райское обличье...

- Я пилот, всю жизнь провел в небе. А теперь что мне делать?.. – пожаловался бравый американский офицер, и эстафета перешла к пожилому японцу:

- А я слишком стар, чтобы настолько круто менять жизнь.

- А я просто хочу домой...

...

- Мне скучно жить в мире, в котором не нужно бороться с несправедливостью...

- Мне больше некому проповедовать о рае, ведь он у всех

перед глазами...

- Я преподавал в университете, учил людей... вот что я вам всем скажу. Скоро мы потеряем и те крохи знания, что в прежнем мире человечество все же умудрялось передавать последующим поколениям...

- После века технического прогресса как-то глупо начинать жизнь заново в месте, где нет электричества...

- Для меня, как психолога, происходящее безусловно представляет огромный интерес... но вот вопрос, над которым бьюсь все последнее время: некая сила перенесла выживших в долину, в которой все было заранее готово к мирной пасторальной жизни на лоне природы. Каждого из нас ждал дом, в котором уже было все необходимое. Погода ведет себя именно так, как нужно жителям. Пищи достаточно и нет никаких сомнений, что ее будет хватать и дальше. Кроме того, все мы, жители разных стран и континентов, даже говорим на одном языке! И не просто на одном языке, а похожими формулировками! Возникает единственный вопрос... что это? Зачем?..

- Возможно, мы на самом деле вовсе здесь не находимся. Это может быть экспериментом военных над человеческим сознанием...

- А помните фильм «Остаться в живых»?.. Что, если...

- Какой фильм, какой еще эксперимент?! Что за ересь! Неужели никто из присутствующих не читал Писание?.. Судный день пережит...

- Откуда же тогда, милейший, у моей погибшей в «судный день» семилетней дочери насчиталось больше грехов, чем у беспутного тридцативосьмилетнего меня?..

Перестав считать голоса «против» и совершенно потеряв нить беседы, я погрузилась в невеселые размышления... по сути, мне было нечего добавить.

ОБРУЧЕННЫЕ ОГНЕМ
фантастика, кидалт

ЧАСТЬ VI - ЗЕМЛЯ
36 - ГОГОД НИГДЕ

- Диана, куда ты?..

- Искать ответы на услышанные вопросы.

Мама расстроено покачала головой.

- И где же?..

- Может, где-нибудь за горами, а может, в самой себе.

- Одна?..

Я вздохнула.

- Да. Одна.

- Оставь ее, Лёля, пусть идет, - угрюмо бросил подошедший отец. – Мы же знали, что этим кончится. Вот, Диана, возьми: мы с мамой собрали тебе еду и теплые вещи на всякий случай.

Принимая из его рук сумку, я не сразу нашлась, что сказать. Та кажущаяся готовность, с которой родители меня отпускали, вызвала прилив нежности, подступивший слезами. Я предпочла сглотнуть образовавшийся в горле комок и, лишь сделав несколько шагов по тропинке, обернулась и помахала им.

- Я вас очень люблю...

Маниакальная решимость гнала вперед. Я не смогла рассказать родителям, зачем иду в Заповедник. Первоначальное желание выпросить для себя «билет на тот свет» казалось теперь каким-то кощунственным. Да и на какой именно свет мне необходимо попасть?..

Где-то вдалеке, в туманной дымке, возвышались горы. Оглянувшись, я определила, что они образовали нечто вроде полукольца – горы отделяли долину от остальной земли с юга, юго-востока и юго-запада, прочая часть земель граничила с морем. Если доверять внутреннему чувству направления, то для того, чтобы попасть в Заповедник Огня, нужно преодолеть перевал...

Погода, как всегда, стояла прекрасная. Ароматный ковер из трав благоухал, пчелы, шмели и бабочки сновали с цветка на цветок, в гуще кустарника стрекотали кузнечики, на ветвях вили гнезда и щебетали яркие птицы с длинными пышными хвостами. Настроение улучшалось с каждым шагом – какой ни какой, а это мой единственный путь, и значит, он приведет к цели. Одиночество оказалось кстати: чужие переживания лишней раз напоминали о том, что жертва Ланса никому не принесла счастья. Мне было сложно в это поверить, и еще сложнее – понять, а потому гораздо легче находиться наедине со своими мыслями.

Пройдя несколько километров по горной тропе, я оказалась вынуждена спешно натягивать заготовленные родителями штаны и куртку. Климат отличался разительно. Ветер усилился стократно, превратившись в холодный воздушный поток, настолько сильный, что едва не сбивал с ног. Камни на тропе постоянно попадались под ноги, я часто спотыкалась и несколько раз упала, разбив колени. На середине пути к перевалу я вошла в облако и пошел снег. Тут бы впору и о

шапке было подумать... руки, уши, лицо замерзли и обветрились, вода во фляге остыла настолько, что пить ее было больно.

Узкая и скользкая от снега тропа изрядно петляла. Слева высились скалы, справа пропасть тонула в облаках. Где-то там, под ними, должна была находиться теплая райская долина... аккуратные домики, изобилие фруктов и овощей, но ни одного счастливого лица...

Прежде, чем завернуть за очередной поворот, я прислушалась. Сверху явственно доносился какой-то шум, и нарастал он с каждой секундой. Едва высунув из-за скалы нос, я обнаружила источник звука. Первый камень достиг тропы как раз когда я выглянула из своего укрытия. За ним последовал еще один, и... еще не один, и даже не десять. Часть из них крошилась друг о друга, осколки и пыль летели во все стороны. Часть камней отвесно падали вниз. Когда пыль рассеялась, меня постигло очередное разочарование: завал напрочь перекрыл тропу: единственный возможный проход вверх, к перевалу.

К тому моменту, когда я все же сумела оказаться по ту сторону, у меня были: множество ушибов на ногах и руках, множество мелких ссадин, три внушительного размера дыры в некогда теплых, а теперь отлично проветриваемых штанах, синяк на лбу, куда прицельно свалился булыжник, и море «энтузиазма». С каждым шагом дорога давалась все трудней, а оглядываясь назад на пройденное, я видела проблески солнца, манящие повернуть. Дующий в лицо ветер все усиливался. Холод пробирал до костей. Если где-то меня поджидает еще один обвал, встреча с Лансом состоится раньше, чем я планировала.

При мысли об этом в отдаленном участке мозга задрезжал

тревожный сигнал. Ланс жертвовал собой ради облегчения участи других, а я бездумно подставляюсь ради облегчения собственных страданий... что-то в этом паззле никак не сходилось. Сила духа, которую во мне - наверное, в микроскоп?.. - разглядели индийские монахи, либо все еще ждала подходящего момента, чтобы дать о себе знать, либо давно оставила меня на произвол судьбы. Любовь и Бог, которые, по словам все тех же монахов, сохраняют нас с Лансом во время миссии, не помешали отчего-то его гибели. Чем дальше, тем все более странной она мне казалась. Если один Огненный мог решить судьбу человечества, зачем нам было лететь сюда впятером? Если этот идеальный мир и есть конечная цель, то почему же в нем нет ни крупицы счастья?.. Слева в отвесной стене замаячила маленькая пещера.

Отличное местечко, чтобы скоротать ночь... ну, или принять участие в трапезе какого-нибудь дикого зверя, причем в качестве основного блюда... но другого выхода все равно нет, а потому остается лишь надеяться на благоразумие этого самого хищника, чей голод будет перевешен перспективой мучиться из-за «качества пищи» желудком.

Удовлетворившись тем, что хотя бы ветер в пещеру не задувает, я устроилась у дальней стены и прикрыла глаза...

Мне казалось, только что опустились мои ресницы. Руки и ноги все еще ныли, царапины саднили, а голову сковывал ледяной обруч. Я все так же слышала визг ветра снаружи... и все же внезапно пришло ощущение, будто откуда-то повеяло теплом, а затем моей руки словно бы коснулись чуткие тонкие пальцы.

- Нет-нет... не открывай глаза.

- Ладно... - из под век, и так слишком тяжелых, чтобы я смогла прогнать сон, потекли крупные слезы. – Ланс. Ты мне нужен, так нужен...

Слезы катились все чаще, прожигая на заледеневших щеках горячие борозды.

- Я хочу предупредить тебя, Ди. Во-первых... береги свою жизнь!

Открытие, хах... мама это с детства говорила. Умолять тебя остаться рядом, задержать, вот что гораздо важней:

- Обещаю не делать глупостей, только не исчезай...

Он ничего не ответил.

- Ланс, я понятия не имею, что теперь...

Ответ прозвучал издалека, словно сквозь туман:

- Твой единственный путь, помнишь? Пройди его.

Глаза потихоньку привыкли к серому полумраку раннего утра. Этой ночью, я точно знала, он сказал что-то очень важное.

Я попыталась подняться, растирая онемевшие конечности.

Что-то там насчет пути... пройти по пути... найти свой путь...

Ладно... значит, я преодолею чертов перевал, и точка.

До вершины было пока далековато, мне даже грешным делом показалось, что дальше, чем до подножия. Но я упрямо тащилась вверх, стараясь остановить все мысли, не думать, чтобы сэкономить хоть капельку сил.

Тропинка сделала очередной крутой поворот, и, обогнув скалу, я стала как вкопанная. Каменная стена исчезла, и вместо нее мне открылся вид на узенькую улочку, по бокам которой, выдолбленные в скале, тут и там виднелись самодельные маленькие домишки. У самого входа в улочку к камню была прибита заржавевшая под натиском снега и дождей табличка самокритичного содержания: «ГОРОД НИГДЕ».

Невероятно точные координаты моего местонахождения.

Город расположился в расщелине между скал, поэтому,

наверное, ветер сюда почти не задувал. От нехитрых жилищ веяло тухлятиной и теплом, но обстоятельство это показалось мне куда более приятным в сравнении со свежим и здорово бодрящим ветром, все последние сутки без перерыва на обед дующим в лицо.

Местных жителей видно не было. Я было подумала, что город попросту пуст, поскольку улицы выглядели совершенно безлюдными. Однако, тепло от жилищ и изредка вздрагивающие занавески на окнах, мимо которых я проходила, с легкостью убедили в обратном. Видимо, в НИГДЕ не очень-то жалуют чужаков.

Город, в целом, представлял собой одну единственную, но зато длинную, улочку, каждую сотню метров поворачивающую под невероятным градусом. На мысли о градусе, впрочем, наводили не столько повороты, сколько окружающая обстановка. Мусор и металлолом в изрядных количествах попадался под ноги. Запчасти автомобилей, гниющие остовы грузовиков, скелеты велосипедов и останки мотоциклов, дырявые и хрупкие от ржавчины листы железа, гнилые бочки и множество, множество, огромное множество битых и целых пустых бутылок создавали весьма впечатляющую атмосферу. Бутылки под стенами, бутылки под ногами, бутылки, образующие неровные баррикады на подоконниках, изредка перемежавшиеся с пустыми сигаретными пачками.

Улочка вильнула в последний раз, и моему взору открылся выход к, судя по всему, излюбленному местечку отдыха горожан. Над ничем не отличающимся от прочих входом красовалась картонная табличка: «БАР КАТАКОМБЫ». Без особого энтузиазма, но все же в надежде на вожделенную чашку кипятка, я сделала один неуверенный шаг внутрь.

Этого шага оказалось достаточно. Невесть откуда взявшиеся несколько бородатых лиц расплылись в радостных улыбках.

- Эй, Майор! Погляди-ка, какая милая пташка к нам залетела! Майор?..

Три пары рук потянулись ко мне.

Мои ладони непроизвольно сжались в кулаки, я дернулась и захлала одному из желавших войти со мной в контакт коленом куда следует, затем, развернувшись и особо не мешкая, двинула локтем поддых второму. Третий пошатнулся сам, ибо оказался из них троих самым изрядно принявшим на грудь.

Развернувшись к пятну света, маячившему в паре метров, я обязательно выскользнула бы из злополучного заведения, если бы чья-то не в пример крепкая рука не схватила меня за волосы. Рывок оказался настолько сильным, что на какое-то время у меня потемнело в глазах. Чувствуя, как цепкие пальцы стиснули мои плечи, я вся внутренне сжалась, понимая, что от этого захвата легко не отделаться.

Оставалось лишь надеяться, что выгляжу достаточно паршиво, чтобы не быть ненароком узнанной тем, кому о моем приходе так не вовремя успели доложить... да и мало ли на свете майоров... ведь всегда может повезти, и он окажется каким-нибудь другим.

В этот момент яркий световой луч, должно быть, от фонаря или лампы, упал мне на лицо, и практически одновременно державший меня столь надежно субъект охнул.

Не другой. Тот самый. Узнал.

Вот и вся надежда на инкогнито.

ОБРУЧЕННЫЕ ОГНЕМ
фантастика, кидалт

ЧАСТЬ VI - ЗЕМЛЯ
37 - ПОЭТОМУ МЫ ПЬЕМ!

Пока меня волокли по бесконечным извилистым коридорам куда-то вниз, вглубь подземелья, я судорожно пыталась придумать какой-нибудь выход.

В прошлый раз по приказу этого человека нас с Лансом, помнится, собирались убить. Если смерть еще сутки назад и казалась замечательным выходом из сложившейся ситуации, то после сегодняшней ночи я никак не могла позволить себе эту роскошь.

От нарастающей по мере нашего продвижения вглубь подземелья духоты к горлу подкатила тошнота. Мысли путались и сбивались в кучу, я чувствовала, что начинаю задыхаться. Что за фантастическое везение! Когда человеку, страдающему клаустрофобией, периодически приходится путешествовать по подземельям и катакомбам, или запутанным узеньким коридорчикам психушек, это отнюдь не способствует душевному равновесию...

Резкий запах спирта, ударив в нос, понемногу прояснил сознание.

Шея и плечи ощущались так, как если бы меня только что слегка приобнял медведь. Открыв глаза, я заметила, что сижу на стуле без спинки, уронив голову на стол... а точнее – на высокую барную стойку. Рядом ненавязчиво пристроилась стопка водки, прикрытая тоненьким сухарем. Бармен стоял за стойкой в дальнем углу и протирал полотенцем бокалы.

- С пробуждением.

Какой знакомый голос, и эти веселые дружелюбные интонации, и аккуратно подстриженная борода... похоже, что, вопреки сказанному, я все еще сплю...

Тряхнув головой, чтобы избавиться от наваждения, я тут же пожалела о резком движении. Боль мгновенно ударила по вискам.

- Выпей, станет немного полегче.

Происходящее до того напоминало историю Алисы, провалившейся в кроличью нору и обнаружившей бутылочку с надписью «выпей меня» и булку с призывом «съешь меня», что я беспрекословно повиновалась. Мир, вопреки моим подспудным ожиданиям, размеров не изменил, зато боль во всем теле начала утихать.

- Вот поэтому мы и пьем, - произнес бармен, вешая стакан в держатель и делая несколько шагов в моем направлении.

Тусклый свет маленьких лампочек выхватил рыжие волосы. Лукавые серые глаза встретились с моими.

- Рад новой встрече, - произнес Тимоти Ричардс. – Откровенно говоря, я ее ждал.

Два кубика льда звонко дзинькнули о доньшки широких стаканов. Темная жидкость едва покрыла их.

- Превосходный шотландский виски, припасен специально, - подмигнул мне Тим. - Будешь чистым, или разбавить?

Я потянулась к пачке вишневого сока.

- Да ты не рада видеть меня, Диана?

- Вас – искренне рада. Приятная неожиданность.

- А ожидала кого?

Я долила сока до краев стакана и сделала маленький глоток. В голове толпилась уйма вопросов, никак не желающих соблюдать очередность...

- Как вы здесь оказались? Вы видели Элиаса? Нам стоит поскорее уйти, пока Майор и его люди не вернулись...

- Стоп, стоп, - Тим шутливо поднял ладони. – По порядку. Я оказался здесь ровно так же, как и ты. Нет, я не знаю, где Эл, хотя очень хотел бы узнать. И... видишь ли, Диана... я и есть Майор.

Стакан выскользнул из моей руки и разлетелся брызгами осколков.

- Я познакомился с Элиасом на одном из ежегодных слетов, якобы для партнерства в бизнесе. В то время он только начинал свою деятельность в Подкаменной Тунгуске и как раз обнародовал результаты первой экспедиции. Мы заговорили об этом, и по некоторым его репликам я понял – наконец-то след привел к цели. После Перерождения все мы были в безопасности, так как внешность больше не выдавала в нас бывших жителей Тарра, но однако и членов вашей команды оказалось сложно узнать. В то время я еще полагал, что вас отправили устранить нас. Я решил не упускать Эла из виду, предположив, что рано или поздно вокруг него – воплощения Элана - соберутся и остальные четверо. Рано или поздно... а пока... мы действительно стали вести совместный бизнес и общаться. Элиас старался каждую свободную секунду (коих было отнюдь не много) проводить с сыном, он таскал его за собой везде. Ланс с детства обладал даром очаровывать

людей, он всюду заводил друзей, ко всем относился внимательно, всем старался помочь... излишне говорить, что вскоре одним из его друзей стал и я. «Какой удивительный у старины Эла сын,» - думалось мне, - «я обязательно позабочусь о нем, когда придет время избавиться от Элана и команды». Я убеждал себя, что стал вхож в дом Кристенсенов лишь потому, что мне необходимо следить за Элиасом, пока в какой-то момент не понял – на самом деле Эл и его семья мне нравятся, мне нравится проводить с ними время. Необходимость в будущем разрушить эту семью превратилась из цели в бремя, о котором я предпочел до поры не думать. Признаюсь, я не воспринимал Ланса как одного из команды достаточно долго, и скорее всего, виновата в такой «слепоте» была моя безотчетная симпатия. Пустяки, ведь очень много отзывчивых и милых детей. Пустяки, совершенно не удивительна эта его недетская рассудительность. Пустяки, что пятнадцатилетний мальчик завоевывает престижные премии одну за одной – совершенно обычное дело, вундеркинд... И даже в день нашей встречи на Фиджи, когда он появился уже с тобой, я лишь улыбался: пустяки, что они так похожи, эти не по годам взрослые детишки, пустяки их ответственность друг за друга, их стремление быть вместе – лишь юношеская страсть... но было в ваших отношениях нечто особенное, роковое, и тогда я стал следить и за вами. Это я забрал капсулу в лесу. Это я предал ее вождю через помощника, по глупости надеясь, что вождь сумеет открыть ее и я наконец узнаю... это мой помощник стрелял в Саби, не с целью убить его, конечно, - армейские снайперы не промахиваются, - я лишь хотел припугнуть вождя, думал, он врет, утверждая, будто не в силах открыть капсулу... мне так важно было знать то, что вы знали... И лишь когда ты и Ланс сделали это – открыли чертову капсулу, и вождь вернул вам хроник-мастер, я понял... что ошибся насчет капитана. Первоначально меня смутил возраст Ланса, но теперь он вырос... и это именно вокруг него – а вовсе не Эла – заново собралась команда. Вот

они, - Элан и Альта, - вы стояли передо мной с хроник-мастером в руках... надо сказать, это открытие вызвало во мне смятение. Эйнириане или нет, пусть даже бросающие тень на благополучие моего народа, для меня вы оставались детьми. Мог ли я хладнокровно от вас избавиться?.. Сначала я попытался сделать это чужими руками, для чего невольно выбрал одну из вас. Она, правда, сама и не подозревала, что совершает двойное предательство, что те сильные чувства, которые ты и Ланс в ней вызывали, - это отголоски Памяти. Но я получил прибор, а заодно и Таи - живой ключ к вашему архиву... и лишь тогда я узнал, что вы на самом деле искали выход для всех...

Покрутив в пальцах пустой стакан, Тим... или как мне теперь его называть?.. отставил его прочь и сделал несколько глотков прямо из бутылки.

Я сидела напротив молча, не двигаясь, не в силах принять все сказанное за чистую монету. Что-то внутри меня изменялось, изменялось стремительно, словно какое-то время назад замороженный проект достраивался теперь в рекордные сроки. И все-таки нескольких кирпичей не хватало...

- Поздно, - услышала я свой голос, ставший каким-то безразличным, хриплым, чужим... - Поздно вы узнали. Наш привычный мир разрушен, и Ланса больше нет.

Тим сделал еще несколько глотков, опустошил бутылку и, подняв ее на уровень глаз, принялся разглядывать меня через стекло.

- Ты не совсем права, девочка, - наконец произнес он. - Есть кое-что, о чем я, судя по всему, знаю, а ты - нет.

- Обнаружили истину на дне бутылки?..

Веселый смешок заставил меня поднять на него глаза.

- Не спеши с выводами о людях... это я тебе говорю по

собственному опыту, - весело ответил Тим. – Для начала... с тобой кое-кто хочет поздороваться.

Он опустил правую руку под стойку и щелкнул выключателем. В дальнем и до сих пор темном углу зала зажегся свет, и там, в большом мягком кресле-мешке, бережно прижимая к груди полупустую бутылку добротной украинской горилки с перцем, сидела...

- Светка!

Признаюсь, эта неожиданность вызвала во мне противоречивые чувства.

Я, пожалуй, простила бы ей тычки пистолетом в мою грудь, и даже похищение хроник-мастера, и уж конечно давно простила ей издевательства в школе... но смерть Ланса, к которой привели ее поступки, - вот чего я простить не могла.

Словно угадав мои мысли, она отвела взгляд, и из ее глаз покатались слезы, оставляя на щеках черные косметические потеки.

- Знаю, Диана, ты и плюнуть в мою сторону не захочешь, - сбивчиво начала Светка, - да я бы и сама с удовольствием не имела с собой дела. Но, понимаешь, какая штука, только вместе мы можем еще попытаться, а не пытаться – все равно что похоронить себя заживо, потому что... он погиб...

- Да, между прочим, погиб он ради вас в том числе.

Светка хотела что-то ответить, но слезы лились все обильнее. Она всхлипнула и закрыла лицо ладонями. Плечи то и дело крупно вздрагивали, было видно, что она отчаянно пытается взять себя в руки, но чем больше пыталась, тем громче становились всхлипы.

Молча обогнув стойку, я взяла из рук Тима бутылку минералки и чистый стакан, наполнила его до краев и

подошла к ней.

- На, возьми.

Светка продолжала рыдать, но ладони опустила. Впрочем, руки у нее так дрожали, что отпить из стакана самостоятельно она все равно бы не смогла. Я поднесла стакан к ее губам и аккуратно, поддерживая голову, заставила выпить до конца.

- Вот так. А теперь отдай мне бутылку, она тебе больше не понадобится.

Все еще всхлипывая, она протянула мне водку:

- А ты... обещаешь?..

- Обещаю что?

- За..мкнуть петлю?.. Ариус называл это «Зов Четверых».

- Но зов-то – четверых? А я одна.

- Ты не одна. – Светка утерла слезы, размазав на щеках потеки туши. – Мы соберем остальных, из команды. Пока что нас двое уже. Я Таи из клана Земли.

Мне оставалось только сделать круглые глаза.

- И этот человек с первого по одиннадцатый класс именовал меня чокнутой марсианкой?!

- Ладно, ладно, - отмахнулась свежеиспеченная партнерша, и сказала как-то неожиданно по-взрослому, - потом будешь отыгрываться. Надо дело доделать. Обещай, что поможешь замкнуть чертову петлю.

Такой она мне нравилась куда больше.

- Ну, допустим, замкну, и что тогда?

- Тогда старый мир вроде как вернется. И все, кто умер перед Переходом сюда, тоже... Понимаешь... Пашка погиб по моей вине...

Ах, вот оно что. Значит, Пашка. Наивно, конечно, было предполагать, что она станет реветь белугой из-за Ланса.

Я села рядом и обняла ее за плечи:

- А знаешь, что? Мы с тобой все-таки кое в чем похожи.

Света подняла на меня глаза и на несколько секунд даже

перестала вздрагивать.

- Вот и он так говорил...

- Кто?!

- Элан... Слушай. Ты должна все вспомнить.

Она нагнулась, достала из-за кресла какой-то сверток, и подала мне. Завернутый в кусок грязной байковой ткани, в моих руках оказался... хроник-мастер.

- Нет, и не уговаривайте!

Бывшая эйнирианка из клана Земли и бывший наследный правитель Тарра уставились на меня в четыре глаза.

- Мне казалось, ты должна бы обрадоваться этой возможности... - виновато начал Тим, но осекся, встретившись со мной взглядом.

- Но я не могу вернуть свои воспоминания!

- Почему? – произнесли они одновременно.

- Потому... - я бросила в их сторону угрюмый взгляд. – Потому что два раза пыталась сделать это. Безуспешно. Ланс говорил, что воспоминания, видимо, настолько для меня тяжелы, что, переживая те моменты заново, я впадаю в ступор... в общем... он оба раза едва сумел меня разбудить.

Тим покачал головой:

- Тогда дело плохо. Если ты не вернешь себе хотя бы часть Памяти, то мы не сможем завершить этот обряд... а если мы тебя не добудимся после того, как ты их вернешь, то обряд даже начать окажется некому.

- Она вернет Память, - неожиданно вмешалась Светка. – Ведь важна информация. Не важно, из чьей головы...

- Но воспоминания Элана и Алианоса обрываются, а о Натосе вообще не приходится говорить... - пробурчал Тим, протянув руку за новой бутылкой.

- Правильно. Значит, остается только один из команды. Это я.

– Светка торжествующе улыбнулась. – Конечно, Ди, не все

комментарии тебе понравятся, но мое восприятие станет тем необходимым фильтром, который не позволит тебе слишком глубоко окунуться в эту историю. Попробовать стоит. И, Тимоти, в самом деле, уберите подальше алкоголь!

Что ж, если есть хоть один, мизерный, шанс вернуть наш старый мир, я выслушаю чьи угодно комментарии.

Когда Тим аккуратно прикрепил две тонкие серебряные пластины к моим вискам, я сделала глубокий вдох и неожиданно - в первую очередь для самой себя, - спокойным голосом произнесла:

- Хроник-мастер, покажи мне историю нашей команды глазами Таи.

Воспоминания: запись первая.

Меня зовут Таи из клана Земли. Я одиночка и лучший целитель на Эйнире.

Таких, как я, на планете почти нет. То есть, хочу сказать, что

их нет на территории Конфедерации, а вот в Землях Отчуждения, откуда я, по всей видимости, родом, подобные вполне могут и найтись. Земли отчуждения являются естественной границей, отделяющей Конфедерацию от Заповедников, и приютом для всякого рода изгнанников соответственно, ведь кроме изгоев ни одно живое существо не согласится добровольно обитать в песчаных бесплодных степях, где бушуют отголоски ветров, рождающихся в Заповеднике Воздуха, то и дело снуют шаровые молнии, случайно покинувшие пределы Заповедника Огня, и периодически случаются обвалы почвы – так земли отчуждения гасят землетрясения, зародившиеся в Заповеднике Земли. Я, кажется, не упомянула про грязевые дожди, не только не делающие почву хоть на грамм плодороднее, но и разрушающие нехитрые укрытия в скалах, которые строят изгнанники... Дожди – это последствия соседства с Заповедником Воды.

Но кого волнуют изгнанники? Главное, что Конфедерация обезопасила себя от любого буйства стихий, заключив с ними Соглашение. Это случилось в середине 12 Периода от Начала Начал по Эйнирианскому летосчислению. Соглашение потребовало от Старейших выбора добровольной жертвы, ибо просто так, бескровно, это дельце обстригать не удалось. Жертвой стал Эрк Ариус, жрец культа стихий. Культ стихий, основанный на стихийной магии, существовал до Соглашения, дабы как-нибудь усмирять крутой нрав нашей буйной планеты. Собственно, лишь после заключения договора, культ перестал существовать – отпала необходимость. Ариус был первоклассным магом и просто удивительным существом – только этому эйнирианину могли быть подвластны сложнейшие стихийные заклинания, только он оказался способен создать Формулу, позволившую вступить в Соглашение со стихиями. За что и поплатился собственной жизнью, приведя Формулу в действие. Лишь чистое и благородное создание могло стать краеугольным

камнем нового мира, и никак иначе, увы. Стихиям, как и Конфедерации, не больно хотелось якшаться с отбросами.

Исходя из условий Соглашения, достигнутого со Стихиями, им надлежало ограничить любые свои бесконтрольные проявления одной зоной. Их разделили по сторонам света. Зоны, то есть, Заповедники, занимали хотя и достаточно обширное пространство, где стихии могли буйствовать, проявляясь по своему желанию и согласно своей сущности, но кое-что досталось и Конфедерации, отгородившейся от Заповедников приграничными к ним землями – полосой отчуждения. Внутри территории Конфедерации Стихии отныне подчинялись воле стихийных кланов и широко использовались в быту, к вящей радости и удобству жителей. Когда соглашение было заключено, условия определены, население планеты согласно договору разделилось на кланы. Их оказалось 4 – по числу стихий, по числу созданных Заповедников.

Первая ступень-первый клан. Земля. Проекция и управление – тело. Дар – целительные силы. Кроме того, принадлежащие к клану земли владели соответствующей клану стихийной магией.

Вторая ступень-второй клан. Воздух. Проекция и управление – мысли, идеи. Дар – наука, открытия. Урожденные воздушные стихийные маги.

Третья ступень – третий клан. Вода. Проекция и управление – душа. Дар – творчество. Урожденные стихийные маги воды.

Четвертая и высшая ступень – четвертый высший клан. Огонь. Проекция и управление – Дух. Огненные стали так называемыми первопроходцами. Везде, где требовался Духовный подвиг (как это пафосно именовалось Старейшими), иными словами, в любые дыры, из которых в Конфедерацию перли смуты и опасности, посылались немногочисленные представители Огненного клана, дабы заткнуть собою сии неприглядные прорехи в тщательно начищенном облике Конфедерации.

Возможно, отчасти потому, что свершался сей подвиг исключительно в обмен на собственную плоть и кровь, а отчасти еще почему, Огненных всегда оставалось невероятно мало.

Вот уж единственное, за что я действительно благодарна своей скудной жизни – так за то, что меня не угораздило родиться огненной. Слишком уж далек от меня тот пафос, с которым они живут и в который верят все свои недолгие и бурные годы существования. Ведь я знаю Конфедерацию совсем с другой стороны. Потому что не была рождена здесь, не впитала с рождения всю эту возвышенную чушь о благодати ее народа, нет - я пришла сюда с пустошей, из земель отчуждения. Мои родители, о которых никто, в том числе и я сама, не имеет ни малейшей информации, судя по всему, оба были изгнанниками и обосновались в Подветренных Скалах, граничащих с Заповедниками Воздуха и Земли. Там я и появилась на свет. Там же, через одну сотую Периода, меня и обнаружил Старейший Алианос. Что Старейший имел несчастье делать в пустошах, спросите у него сами – ведь я, считаясь его приемной дочерью уже почти 15 сотых периода, так и не добилась сколько-нибудь точного ответа. Он просто явил себя в этих самых скалах, и обнаружил живущего там в одиночестве маленького отшельника, то есть меня. Не знаю, что уж, кроме дитя, рассчитывал он там отыскать, но очевидно, что не нашел, и пришлось ему довольствоваться ребенком, о происхождении коего никто, в том числе и сам ребенок, не имел каких-либо точных данных.

Так я попала в эйнирианскую Землю Обетованную - Конфедерацию.

Воспоминания: запись вторая.

Кроме меня, у Алианоса не было никого. Как минимум, это наводило на размышления – почему вдруг Первый из Старейших, в отличие от прочих, не обзавелся семьей и

наследниками. Но такова уж была данность. Я смирилась с участью чужой среди своих, смирилась с постоянным всеобщим вниманием, которого, увы, достаивались все отпрыски Старейших. Я смирилась даже со своим уникальным даром, с которым по силе не мог сравниться ничей дар из людей нашего клана, даже дар Старейшего из магов Земли. Алианос (сам он был Воздушным), не мог на меня надыхаться, и в этой любви и заботе мне самой дышать становилось все труднее. Кроме него, меня никто не любил. Отчасти из-за силы дара, отчасти из природного стадного недоверия к тем, кто имел хоть какое-то отношение к Землям Отчуждения. Изгнанники, считающиеся в Конфедерации чуть ли не средоточием зла – вот с кем ассоциировались пустоши у большинства приличных граждан. Изгнанники, которые дали мне жизнь. Те, чьим потомком я являлась. Те, о чьих грехах, о причинах их удаления из Конфедерации, у Старейших было принято молчать, а прочие попросту не знали. Не знали, но все равно ненавидели.

Утруждать кого-либо своим обществом было не в моем характере, а потому, перегнав всех своих учителей в знаниях и достигнув эйнирианского совершеннолетия, когда с моего рождения минула 14ая сотая Периода, я приобрела отдельный дом поближе к границе Конфедерации и к пустошам. В этой маленькой избушке без всяких радостей нашей прославленной цивилизации, для меня имелись несомненные плюсы – отсутствие подозрительных взглядов, в Мегополисе бросаемых в мою сторону чуть ли не из-за каждого угла, и близость родных Подветренных Скал, хранивших тайну моего появления на свет, а также многие-многие тайны изгнанников, бича Конфедерации, единственной, по общему мнению, причины бед – вот об этой-то самой причине я и намеревалась разузнать поподробнее.

Обосновавшись на границе, я тем не менее изредка принимала страждущих – тех, кто, в страхе и страданиях, отваживался соприкоснуться с самым сильным целительским

даром в Конфедерации, попросту не имея другого выхода. Только так я могла обеспечить свое существование. Единственным, кто зааживал регулярно, был Алианос. Иногда он приходил, как следовало, со стороны Мегаполиса, реже - появлялся прямиком из Земель отчуждения, хмурый и недовольный, ни разу не ответив мне на вопросы о цели его путешествий в пустоши.

Вскоре я также начала предпринимать короткие вылазки в Земли Отчуждения, постепенно расширяя границы поисков. Свои прогулки я старалась держать в секрете от всех – вряд ли это увеличит и так небольшое доверие со стороны граждан Конфедерации. Кроме того, я не вполне представляла себе, что именно могу отыскать, и лучше было ни о чем таком не распространяться. Впрочем, последний изгой отправился в Пустоши 20 сотых Периода назад, меня в те времена не было и в помине, и отыскать его оказалось бы для меня большой удачей – ведь Земли Отчуждения – отнюдь не плодородные райские кущи, вряд ли он мог умудриться протянуть так долго. Поэтому на информацию об изгнанниках я почти перестала рассчитывать, пока однажды не случилось кое-что беспрецедентное – меня вызвали на Совет Старейших.

Посыльный на экоглайдере появился у моего порога неожиданно. За окном плавился закат. Увидев парня в соответствующей форме, с вытаращенными от страха глазами направляющегося к двери моего неброского отшельнического жилища, я поспешила открыть, стора от любопытства, и распахнула двери настезь прямо перед его носом, не дав ему соблюсти все официальные правила и постучать.

Он так и застыл – вытаращившись и с поднятой для стука рукой.

Ну еще бы, подумалось мне. Бойтся до дрожи в коленках. Неизвестно же, что может выкинуть самый сильный на Эйнире маг Земли, да притом рожденный в пустошах.

- Ну что там стряслось, говори, - довольно бесцеремонно, в

своей обычной манере, поинтересовалась я. Посыльный сжался и скукожился еще пуще прежнего. – Да что молчишь? Руку-то опусти, затечет.

- Ттттай из ккклана Ззземли? – выдавил он из себя.

- Она самая. Ну, говори быстрее, уснуть можно, пока ты доложишь о цели визита. Кто там у вас помирает?

Взяв себя в руки завидным усилием воли, посыльный подсобрался и выпалил, как на духу:

- Почтенная Таи, за вами посылает досточтимый Старейший Алианос. Он приказал мне доставить вас в самом срочном порядке на заседание Совета.

Вот это было уже что-то новенькое. Начать с того, что никто, кроме Старейших, не имеет права присутствовать на Совете. Закончить тем, что если Алианос решил послать за мной, самой первой сомнительной личностью в списке сомнительных личностей Конфедерации, то дело действительно срочное.

В следующее мгновение я уже вскочила на экоглайдер.

- Ну так полетели! Опоздаем – сам будешь оправдываться перед Советом.

Посыльный на негнущихся ногах кинулся к своему летательному аппарату.

Воспоминания: запись третья.

Двери Круглого Зала распахнулись лишь на миг, дабы посыльный сумел пропихнуть меня, чуть замешкавшуюся на входе, внутрь. Едва переступив порог, я услышала скрип петель и хлопок – двери за моей спиной закрылись вновь. Ну, если это чья-то интрига...

Но нет. Из полумрака, к которому мои глаза уже начали привыкать, вынырнул Алианос и схватил меня за руку.

- Быстрее, - взволнованно шепнул он, - быстрее, идем.

Огромный стол темного камня, за которым, по всей видимости, обычно во время Совета сидели Старейшины,

был пуст – семеро из девяти сгрудились у самой дальней стены, наклонившись над... подойдя поближе, я наконец разглядела – наклонившись над кажущимся безжизненным телом молодого мужчины. Еще двое стояли у соседней стены, прижав к ней парня в лохмотьях. Лицо его было закопчено, лохмотья, долженствующие в далеком прошлом представлять собой одежду, свисали клочками. В полумраке Круглого Зала разглядеть что-либо подробней мне не удалось. Алианос подвел меня к лежащему на полу мужчине.

- Таи, здесь помочь можешь только ты. Он еще жив, но если срочно не принять меры, на этом свете он долго не задержится.

- Как это с ним произошло? – машинально спросила я, склоняясь над пострадавшим. Внешне никаких повреждений. Лишь поменяв зрение на внутренний взор целителя, я смогла увидеть причину его состояния – вся вода, имевшаяся в его организме, словно кристаллизовалась, превратившись в лед. Все процессы в теле остановились, температура продолжала понижаться – медлить нельзя.

Алианос махнул рукой в сторону удерживаемого восьмым и девятым Старейшими парня.

- Вот этот недоумок-изгой применил на нем какое-то неизвестное нам стихийное заклинание. Это случилось неподалеку от Подветренных Скал.

Держа руку над сердцем пострадавшего и уже запустив обратный процесс, я продолжала контролировать обращение заклинания, вся превратившись в слух. Подветренных Скал? Уже интересно. Значит, грязный чумазый оборванец – изгой?

- Это сделано стихийным магом Воды. Он кристаллизовал всю воду в его теле, заклинание, скорее всего, мгновенное, иначе ваш человек уже бы умер - бросила я, поднимая глаза на оборванца. – Ну, то есть, я хочу сказать, мгновенного действия, для его создания не нужно время. Зато нужна немалая сила.

- Сила?! – Протос, седьмой Старейший, поднял полные ужаса

глаза на моего приемного батюшку. – Но откуда у изгнанника Сила и что вообще он делал в пустошах? Он слишком молод, чтобы быть последним изгоем, не находишь, Алианос? Кто же он такой?

Алианос не ответил. Его брови сошлись на переносице, хмурый взгляд, обращенный на молодого несостоявшегося убийцу, не сулил ничего хорошего.

- Ты сможешь спасти Элана, Таи? – с плохо скрытой тревогой осведомился Алианос, продолжая взирать на мальчишку в лохмотьях. – От этого как никогда много зависит. Пожалуйста, постарайся.

Смочь-то, естественно, смогу, и уже спасла... но с ответом торопиться не стоило, если я хочу что-то разузнать.

- А что ваш драгоценный Элан делал в Землях Отчуждения?

Алианос устало вздохнул. Он прекрасно меня знает – если хочет получить своего убиенного назад в полном здравии, придется кое-что мне рассказать.

- Элан – самый сильный из Огненных. Кто-то из его клана сообщил, что заметил в Скалах, пролетая мимо них на экоглайдере, странные геологические изменения и какие-то вспышки. Кажется, они собирались послать туда несколько человек все выяснить. Но почему Элан отправился один, понятия не имею... Альта, его помощница, обратила внимание на долгое отсутствие напарника и отправилась на поиски. Вот итог – она привозит полумертвого Элана и этого мальчишку, заявляя, что видела, как он создавал неизвестные ей чары...

Рассказ прервало осторожное покашливание Старейшего Протоса.

- Первый, а ты не думаешь, что не стоит столько рассказывать непосвященной, и к тому же...

- ... к тому же, она моя дочь. И не забывай, что от нее от единственной зависит жизнь самого сильного Огненного и судьба всего твоего клана соответственно.

В этот момент двери буквально разлетелись к стенам, и в Зал

ворвалось нечто, по быстроте движений напоминающее бушующие в Заповеднике Воздуха торнадо. Через секунду «нечто» приземлилось рядом с моим пациентом, порядком оттеснив меня вбок, и оказалось худощавой беловолосой девицей с огромными зелеными глазами. Эти самые глаза, полные слез и отчаяния, она вперила в Элана.

- Он жив? – голос красивый, звонкий, но с какими-то неприятными истеричными нотками. Надо полагать, сие и есть героиня дня, спасительница.

Алианос подошел и по-отечески обнял девушку за плечи.

- Не волнуйся, Альта, раз моя Таи взялась за дело, Элан будет жить.

- И если вас не затруднит, уважаемая, не могли бы вы потесниться? – вклинилась я, отодвигая бесцеремонную девушку в сторону и продолжая выполнять нейтрализацию чар. Честно говоря, она мне не мешала, но впредь ей стоит вести себя аккуратнее, когда целитель возвращает с того света ее близких. Так... еще пару секунд, и... все.

Элан пошевелился и открыл глаза.

Теперь, когда зеленоватый оттенок начал оставлять его кожу, а лицо разгладилось, утратив недвусмысленное сходство с окоченевшим трупом, я смогла его как следует разглядеть.

Красив. Яркие синие глаза светятся силой, мудростью и так несвойственной пафосным Огненным добротой. Пожалуй, Старейшим и впрямь стоило бы сказать спасибо нам обоим – этой нервной блондинке Альте, за своевременное обнаружение, и мне – за скорейшее излечение их лучшего Сподвижника Духа.

Чуть привстав, Огненный непонимающе осмотрелся.

- Приветствую вас, Старейшие. Как я здесь оказался?

Прежде чем кто-либо успел ответить, нервная блондинка бросилась его обнимать.

- Элан, слава Стихиям! Я так испугалась! Как ты себя чувствуешь?

- Хм... - он поморщился от боли в затекших мышцах и

медленно поднялся на ноги, чуть придерживаясь за руку помощницы. – В целом... жив.

«Слава Стихиям»?.. Ну да, конечно... Как исцелять – так Таи, а как слава – так стихиям.

В сей романтический момент все семеро Старейших, более не занятые заботой о судьбе их Огненного, обратили несколько запоздалое внимание на мою скромно сидящую в стороне особу.

- Что ж, Таи, благодарим вас за помощь, но вынуждены сейчас просить покинуть Круглый Зал. Разговор, который пойдет дальше, должен остаться строго конфиденциальным.

- Что?.. – я не могла поверить собственным ушам. Вот спасай после этого их «ценных представителей клана»! Никакой благодарности... какая уж там слава.

Несмотря на мои протесты, Алианос подхватил меня под руки и повел к выходу. Вряд ли бы ему все же удалось вышибить меня за дверь, не шепни он в самое ухо:

«Таи, пожалуйста. Я зайду вечером и отвечу на все вопросы. Но не здесь, хорошо?»

Дверь захлопнулась перед моим носом.

Что ж. Слово он сдержит, уж я об этом позабочусь.

Воспоминания: запись четвертая.

Оказавшись в своем жилище, я принялась снова из угла в угол. Наконец-то хоть какая-то информация. И у меня еще будет возможность вытянуть из Алианоса больше. Я наконец смогу доискаться правды относительно изгнанников.

Неплохо, конечно, было бы еще пообщаться с этим молодым оборванцем. Интересно, что же Совет намерен теперь с ним делать? Отпустить назад в Земли Отчуждения вроде бы рискованно – мало ли, кто ему там еще не понравится – это Элану крупно повезло, что его быстренько нашли и вылечили, кто-нибудь другой мог бы не удостоиться такого скорейшего реагирования... например... я сама.

Хм. Ведь я бывала в Пустошах регулярно, и именно в районе

Подветренных Скал. То ли мне повезло не столкнуться с новоявленным дарованием, то ли... я искала не там? Может быть, Элан просто забрался слишком далеко и мог увидеть что-то... чего, скажем, не хотел позволить ему увидеть этот мальчик? Но что бы это могло быть... Неплохо бы спросить об этом самого Элана, но где теперь его искать? Эти Огненные вечно заняты, тем более, что сегодня он и его подружка – герои дня. Наверняка вокруг них будут плясать еще добрых полсотых периода...

На этом моим размышлениям суждено было прерваться, ибо в дверь тихо постучали. Решив, было, что это пришел Алианос, как и обещал, чтобы рассказать мне кое-какие подробности, я кинулась к двери, но уже взявшись за ручку, остановилась. Алианос вошел бы сам. Зачем ему стучать? Тогда... кто бы это мог быть? Очередные клиенты, прослышавшие о чудесах моего дара? Только их сейчас нехватало...

Стук повторился.

Я нехотя распахнула дверь... и застыла. На пороге стояла давешняя парочка – красивый Огненный и его нервная помощница. Вот так дела! Интересно, как их сюда занесло?..

- Кхе-мм... какой вас сюда... то есть, какими судьбами? – поинтересовалась я, пропуская пришедших внутрь.

- Как, Таи, разве вы забыли? Вы же спасли мне сегодня жизнь, - ослепительно улыбнулся красавчик Элан.

Угу, тебя, пожалуй, забудешь.

- Так это, значит, визит вежливости?

Он снова улыбнулся. Это что, попытки обезоружить меня обаянием?..

- И да, и нет. Во-первых, конечно, я не мог не выразить вам лично свою благодарность. Я ваш должник.

Он поклонился, полусерьезно, полушутливо.

- А во-вторых?

- Во-вторых... я подумал, что вам было бы интересно... мгм... немного нам кое в чем помочь.

Помочь?! Да что он о себе возомнил?! Что его улыбки будет достаточно, чтобы я пахала на Огненных всю жизнь?..

- Откуда вдруг такая информация? – поинтересовалась я не больно-то дружелюбно. Элан проигнорировал мой тон и ответил все так же шутливо-дружески:

- Мне показалось, или я действительно видел искру интереса в ваших глазах, когда Старейшие упоминали изгнанников и Пустоши?

Чтоб тебя. И в уме тебе не откажешь. Заметить что-то в чьих-то глазах, когда тебя самого едва вернули к жизни? Понятно теперь, почему Старейшие так за него трясутся. Он один, возможно, стоит всех прочих Огненных.

- Не показалось. У меня несколько вопросов к тебе.

Блондинка едва заметно поморщилась, когда я ни с того ни с сего перешла на панибратское обращение.

- Отлично, я согласен, - бросил Элан как ни в чем не бывало, и уселся за стол. Альта последовала его примеру, хотя и с видимой неохотой. Он продолжил уже сидя:

- Что ж, Таи, я отвечаю на твои вопросы, а ты, если не возражаешь, в обмен сопровождаешь завтра меня и Аль к Подветренным Скалам.

Уже отодвинув для себя стул и приготовившись с достоинством на него опуститься, я рухнула, как подкошенная. Вот дела! Он сам предлагает то, о чем я и не мечтала просить! Кажется, сегодня определенно мой день. Пока Огненный ходит в моих должниках, я смогу сделать то, чего не смогла за несколько сотых периода!

Прежде чем начать задавать вопросы, я отметила, что Альта едва сдерживается, чтобы не заскрипеть зубами. Похоже, я ей не слишком нравилась. Не удивительно, рядом с таким мужчиной всегда приходится быть настороже, а тут еще я спасла ему жизнь.

Губы скривились в усмешке против моей воли.

- Ну что ж. Тогда вопрос первый – за какие такие грехи эйнириан могут отправить в изгнание?

- Первый вопрос – мимо, Таи. – Спокойно ответил Элан. – Я практически ничего об этом не знаю. Знаю лишь, что перед тем, как навсегда изгнать таковых в Земли Отчуждения, провинившихся полностью лишают магической силы. Почему бы тебе не спросить об этом своего приемного отца? Ему должно быть известно гораздо больше, ведь вопросом изгнания занимается Совет.

Ну да, так Алианос мне все и рассказал, как же.

- Мне бы не хотелось, чтобы отец знал о моих розысках.

- Понятно. Уверен, что этот вопрос не единственный.

- Еще бы. Вопрос второй – что именно ты искал в Пустошах, когда столкнулся с этим маленьким оборванцем? Почему отправился туда один? - Я бросила многозначительный взгляд в сторону его напарницы. - Где именно ты находился, когда парень на тебя напал, и не заметил ли перед этим чего-то необычного?

- Один из моих друзей рассказал, что случайно залетел на экоглайдере на территорию Земель Отчуждения, в направлении Подветренных Скал, и ему показалось, что часть скалы поменяла форму. Когда он подлетел поближе, то увидел возле этой стороны скалы отколотые куски породы и какие-то вспышки. Приземляться он побоялся, и отправился с отчетом ко мне. Ну вот, а я решил сам слетать туда и посмотреть.

- Слетал. – Скептически вставила Альта. – Вот чего я не могу понять – почему ты не только не взял никакого оружия, но и не позвал с собой хотя бы меня?..

Элан посмотрел на блондинку с такой нежностью, что я завистливо отвернулась.

- Звездочка моя, мы же уже говорили об этом. Я не собирался предпринимать никаких действий, хотел только посмотреть и сделать выводы. Зачем надо было тащить с собой тебя, когда я, во-первых, не знаю еще, с чем мы имеем дело, во-вторых, лечу просто посмотреть? Или ты считаешь, что один я не справлюсь с разведкой?

- Но ты не справился с разведкой, - вклинилась я в разговор. –

Ведь так? Ведь это она тебя вытащила оттуда в состоянии замороженного субпродукта? Разве ты что-то успел увидеть? Альта не просто не сказала мне «спасибо» за расстановку акцентов, но и сделала страшные глаза. Элан же только усмехнулся.

- Видишь ли... я пока не все рассказал Совету. Парень сбил мой экоглайдер, когда я уже возвращался назад.

При этих словах произошли одновременно две вещи: Альта довольно сильно ткнула напарника в бок, а в дверях неожиданно возник Алианос.

- Элан, можно тебя попросить отвлечься, - предельно тихим и спокойным, как вода в стакане стихийного мага, голосом попросил он. Я очень хорошо знала, что эти интонации значат. Папаша прекрасно слышал последние слова Огненного, и сейчас определенно что-то будет.

Элан, который просто не мог этого не понять, тем не менее, и бровью не повел.

- Конечно, Старейший, - ответил он со столь же поразительным спокойствием, поднимаясь из-за стола. – Я ненадолго, сейчас продолжим.

Они вышли и отец захлопнул дверь. Мы с блондинкой остались вдвоем. Молча сидеть было откровенно скучно, тем более, что я имела кое-что ей сказать.

- Да не хмурься ты так, и не нервничай, - начала насмешливо, как всегда. – Не стану я вступать между тобой и Эланом.

Альта только фыркнула. Похоже, удивилась она вполне искренне, и, честно говоря, это меня немного задело.

- Да при чем здесь ревность? Просто ты мне не нравишься. Значит, ревность не при чем? Дожили. Уже и как соперницу не воспринимают.

- Почему же не доверяешь, в таком случае? Разве у меня есть шансы еще как-то тебе насолить? Или мое происхождение смущает?

Блондинка поджала губы.

- Происхождением нас не испугаешь. Мне не нравишься

лично ты. Есть в тебе какое-то... колебание. На тебя нельзя положиться, Элан делает ошибку. Впрочем, все это я ему уже говорила.

Ах, вот значит, как? Раздор в рядах? Так это, выходит, его инициатива – со мной работать? Что ж, приятно – не зря спасала.

- Я тебе нравиться не обязана. Если хочешь знать, неприязнь взаимна...

Неизвестно, куда бы зашел наш разговор, если бы Элан не вернулся в этот момент. Я украдкой бросила взгляд на его лицо – выглядел Огненный не просто спокойным, но даже весьма довольным чем-то. Неужели гнев Алианоса миновал его? И это – при том, что Элан сам признался, что утаивает нечто от Совета?.. Воистину, жизнь наконец начала меня удивлять.

- Аль, мне стоило выйти, и ты уже пытаешь нашу будущую помощницу? – лукаво поинтересовался он.

Девушка ничего не ответила, только отвернулась к стене. Я тоже не спешила ничего говорить. Мне было интереснее послушать.

Усевшись на свое место за столом, Элан взял нас обеих за руки.

- Вы даже не представляете, насколько у вас много общего.

Много общего, совсем похожи, ничего себе: эта хрупкая блондинка с огромными зелеными глазами, эмоциональная дальше некуда, и я – крепкая низенькая темноглазая брюнетка, обожающая вернуть если уж не крепкое, то весьма язвительное словцо.

Мы с Альтой только фыркнули, отдергивая руки, а он рассмеялся.

- Вот видите, даже реакции. Говорю вам, мы сработаемся.

- Ладно, оптимист, выкладывай, как тебе удалось отделаться от моего всеслышающего отца? – буркнула я, придвигаясь поближе к стене и подбирая под себя ноги. Хотя Альта смотрела в другую сторону, ее колючее неприятие ощущалось

достаточно явно.

- Да это как раз было просто. Все дело в доверии. Ладно, - Элан решил вернуться к ранее оставленной теме. – Значит, так. Сейчас я вам покажу кое-какие снимки, а вы мне скажите, что сие такое.

Он вытащил из кармана галаграмматор и бросил его на стол перед нами. Через секунду устройство развернуло картинку, и я узнала пустоши и Подветренные Скалы... и... то, что мы увидели, когда снимки стали более детальными, не оставляло никаких сомнений в своем назначении.

С воздуха это могло быть похоже на некое геологическое образование, но более близкое изображение явственно свидетельствовало – в самом центре скал виднелись четкие очертания стен, крыш, укреплений, выстроенных в породе и замаскированных под естественный ландшафт.

Воспоминания: запись пятая.

- Но это же... это же город! – в один голос выдохнули я и Альта, после чего наградили друг дружку яростными взглядами.

- Именно, - согласился Элан, указывая на подножье скал, совсем близко к строениям, - Вот здесь находился я, когда тот маг из Пустошей применил свое заклинание.

- Нет, этого не может быть! – воскликнула блондинка, вскакивая из-за стола. – Я нашла тебя совсем в другом месте, с северной стороны! Это было гораздо ближе к Конфедерации, чем то место, что ты показал. Здесь, наверное, какая-то ошибка...

- Никакой ошибки. Вот поэтому-то я и не сказал всего Совету. Они бы сразу бросили в это место отряд. Но так нельзя, нужно сначала разобраться.

- В чем разбираться? – запротестовала Альта, ближе склоняясь к изображению. – Смотри, Элан, город рассчитан на несколько тысяч жителей, как минимум! И это только те постройки, которые как-то заметны на поверхности, а что,

если там есть еще и подземные сооружения?! Мы должны немедленно сообщить Совету. Ведь ясно, что не Эйнириане строили это – лишь треть сотой периода назад мы с тобой патрулировали местность в этом районе Подветренных Скал, и там еще не было никакого города, клянусь! Значит это... вторжение?!

Элан вздохнул и обнял напарницу, и я снова ощутила легкий укол зависти, легкий – но прямо в сердце.

- Подумай, почему они меня в таком случае не убили?

- Не успели?

- Вряд ли. Тот парень вообще не собирался меня убивать, ведь иначе он мог бы успеть сделать это, и незачем было тащить меня в обход Скал и читать какие-то заклинания. Думаю, дело в другом.

- В чем? Мне, между прочим, потребовалась немалая сноровка, чтобы поймать его, усыпить и привезти к Старейшим. Если бы он просто желал побеседовать, то вряд ли стал бы так сопротивляться, не считаешь?

- Он просто испугался. Но в целом вся ситуация мне тоже не ясна. И тем не менее, прежде чем отправлять отряд разрушать город, стоит хотя бы поинтересоваться, для чего этот город создан, не находишь?

Девушка опустила глаза и промолчала. Я посчитала это неплохой возможностью вновь вклиниться в разговор.

- Элан, а что Старейшие решили сделать с этим парнем?

- Что? – он усмехнулся. – Видишь ли... я попросил его отпустить.

И я и Альга недоуменно вздернули брови.

- Как – отпустить? Вот так вот запросто, после того, что он сделал? Неужели они согласились? – Я не могла поверить своим ушам. Элан имеет право просить Совет о чем угодно, но чтобы Совет вот так легко отпустил несостоявшегося убийцу самого сильного Огненного? Вот так вот – свободно гулять по пустошам? Нет, что-то тут не сходилось.

- Не думаешь же ты... - осторожно начала я, но Элан не дал

мне договорить.

- Таи, Алианос обещал, что сегодня, ближе к ночи, его отпустят. Я сказал, что это необходимо для нашей работы, а он мне доверяет. Мальчишку не тронут, клянусь тебе. Его выпустят, а мы пойдем за ним.

Неплохо придумано, однако. Пожалуй, даже с моими способностями к выведыванию информации, лучше было не сработать.

Чего уж греха таить, Элан нравился мне все больше с каждой минутой.

Воспоминания: запись шестая.

Я взглянула на хронометр. Им давно бы пора появиться. Но лес безмолвствовал, никакого, даже отдаленного, рокота двигателя - ни один экоглайдер, следовательно, не приближался... Мысленно сделав этот простой вывод, я в изумлении уставилась в окно на поляну перед домом, куда довольно ловко приземлился четырехместный закрытый экоглайдер! Через несколько секунд они вошли, точнее, проскользнули – быстро и бесшумно. Кажется, я немного недооценивала Огненных.

- Либо у меня что-то со слухом, либо...

- ...это проделки Аль, - улыбнулся мне Элан. – Точнее, переделки. Аль смастерила шумопоглотитель, и усилила мощность двигателя четырехкратно. Неплохо, правда? В плане технических идей ей нет равных.

А нам как раз требовалась идея – как отбыть вслед за нашим маленьким нарушителем, чтобы он не обнаружил слежки.

- Здорово. – Нечего сказать. Эта малышка еще и техногений.

- Идем? – малодружелюбно бросила мне Альта, совершенно не обращая внимание на «щедрый» комплимент.

Они заняли оба кресла пилотов, и мне пришлось сесть в пассажирский отсек. Не скажу, чтобы рассматривание затылков входило в число моих хобби, поэтому довольно быстро я углубилась в свои размышления. Не знаю, сколько

прошло времени, но неожиданный возглас Альты выдернул меня из собственных мыслей.

- Элан, смотри, это он!

Действительно, в нескольких метрах под нами скользил силуэт. Присмотревшись, я узнала давешнего маленького оборванца. Он семенил короткими перебежками, держась поближе к стенам домов. Когда ему приходилось переходить улицу, он весь съеживался, словно желая пригнуться поближе к земле, и старался ускорить шаг. В сочетании с хорошей физической формой, в которой пребывал паренек, выглядело такое поведение нелогично и убого. В каждом его движении скользили страх и неуверенность. Яснее ясного, что он впервые оказался в мегаполисе, и не сказать, чтобы ему здесь понравилось... хотя уж это я могла хорошо понять. По всему было видно, что парень лелеет мечту поскорее убраться из скопища огромных каменных построек.

Экоглайдер бесшумно преследовал беглеца до самого подножия Подветренных Скал. Идея блондинки, в сочетании с невиданной удачей, надо признать, сработала безукоризненно: сегодня нам покровительствовала ночь черных лун, и все три спутника Эйнара не излучали света, благодаря чему наш летательный аппарат не отбрасывал тени. Укрывшись за одним из каменных выступов, мы наблюдали за действиями беглеца. Подойдя к подножию вплотную, он принялся шарить по стене ладонью.

- Кажется, нам бы лучше посадить глайдер и выйти, - заметила Альта и тут же принялась выполнять необходимые приготовления к посадке. В полной темноте, ей потребовалось не больше микропериода. Приходится завистливо констатировать, что это время признанного аса.

- Мы с Таи подберемся к пареньку поближе, пока ты маскируешь глайдер, - шепнул ей Элан, и в следующую секунду его жесткие пальцы уже сжали мою ладонь.

Подобраться незамеченными оказалось совсем не сложно,

однако, оставшись незамеченной, я едва бы сумела заметить кого-то сама. Элан, судя по всему, отлично видел в темноте, если, конечно, мозговитая блондинка не сообразила им на досуге по суперприборчику, усиливающему данную способность.

- Вон он, Таи, - шепнул Огненный, указывая куда-то вправо. – Все еще ковыряется с «замком».

Я едва различила силуэт, маячивший вдоль каменной стены.

- Элан, - шепот Альты раздался прямо за моей спиной, и я едва сдержала вскрик: ничего себе, передвигаются! Предупреждать надо! – Элан, мне показалось, здесь снаружи еще кто-то есть.

- Ты уверена?

Она помолчала.

- Почти. И, кажется, их довольно много.

В этот момент парню, похоже, надоело искать отмычку. Он отошел от скалы, присел и принялся шарить по земле. Подобрал что-то, он вновь подошел к подножию, отсчитал пять шагов вправо, нагнулся и бросил «что-то», очевидно, бывшее камнем, вниз. Судя по звуку, камень упал в узкую шахту, дребезжа о ее стенки. Шахта, если судить по времени падения, оказалась довольно глубокой. Я не успела толком поразмыслить, что это значит, потому что почти сразу же раздался скрежет, и поверхность скалы подалась внутрь.

- Наконец-то, - усмехнулся Элан, стоявший совсем рядом. – Я уже начал думать, что Аль придется предложить ему помощь.

- Не время шутки шутить, - обрезала Альта. – Мы решили, что будем делать?

- За ним, - коротко бросил Элан, и скользнул в образовавшийся проход.

Витиевато ругнувшись (оказывается, она умеет!), блондинка последовала его примеру, и мне оставалось лишь сделать то же самое. Едва я окунулась во тьму грота, в лицо подул теплый воздух откуда-то из глубины пещеры, а дверь со

скрипом захлопнулась прямо за моей спиной. Мы оказались в полной темноте, по сравнению с которой ночь снаружи показалась белым днем. Совершенно не видя, где находятся мои спутники, я застыла в нерешительности, продлившейся, впрочем, недолго, ибо в этот момент чей-то голос произнес на Общегалактическом:

- Добро пожаловать.

И пещера осветилась тысячами огней.

Воспоминания: запись седьмая.

Они заполнили собой половину огромной залы, и, судя по экипировке в светлые защитные костюмы со множеством потайных отделений, были неплохо подготовлены. Сероватая кожа – следствие долгого существования на искусственном кислороде, белесые зрачки, много сотых периода не видевшие лучей потухшей звезды, почти полное отсутствие волос – в остальном же внешний вид вполне соответствовал обычному для Эйнириан.

- Натос, представь нам своих гостей, - произнес стоявший впереди остальных.

Он единственный был одет в защитный костюм пурпурного цвета.

Наш беглец резко обернулся. Его зрачки расширились от ужаса, когда он заметил Элана и Альту, находившихся сразу за его спиной. Рефлекторно отшатнувшись, мальчишка не удержал равновесия и рухнул прямо под ноги пурпурному:

- Тх'э'роо'нх, но я не знал о преследователях!

- Зато они, судя по всему, многое о тебе знали. Что ж... - предводитель обратил свой взгляд на нас троих. – Добро пожаловать. Надо сказать, со дня на день, после пропажи Ната, я ожидал визита. Прошу вас назвать себя.

- Какая неприятная неожиданность, - шепнула я, подходя к Огненным. – Ну и кто знает, что делать теперь?..

Вместо ответа Элан выступил чуть вперед и на всякий случай загордил собой меня и Альту.

- Доброй ночи, Тх'э'роо'нх, наследный правитель Тарра. Меня зовут Элан из клана Огня. Мои спутницы – Альта из клана Огня и Таи из клана Земли.

- Я пытался остановить этого мужчину, ведь он подобрался слишком близко ко входу, - быстро заговорил оборванец Натос, пользуясь паузой. – Но вот она (он указал на Альту) поймала меня и доставила в Мегаполис. Старейшие допрашивали меня и собирались убить, но вторая женщина спасла жизнь Огненного Элана, нейтрализовав мою магию, и меня помиловали... Клянусь своей Стихией, я не знал, что эти трое отправились следом...

Некоторое время наследный правитель рассматривал Элана в упор.

- Так с чем же вы пожаловали, Элан из клана Огня?

- Узнать, с чем пожаловали вы.

Кривая ухмылка исказила тонкие губы пурпурного.

- Ах, ну да, конечно... после того, как нас изгнали с Эйнира якобы за то, что мы принесли на эту благословенную планету вместе с собой и свою беду, с чем мы могли бы вернуться... что считает по этому поводу ваш Совет, юноша?

- Совет не в курсе ситуации.

- Ну конечно... конечно. - Тх'э'роо'нх принялся с кажущимся вниманием разглядывать свои руки. – И не уполномочивал, значит, вас в ней разбираться?

Некоторое время Элан молчал.

- Тх'э'роо'нх, прежде чем докладывать о ситуации Совету, мы хотели бы разобраться в ней сами. В свете упомянутых вами обстоятельств, не уверен, что Старейшие не предпочли бы... активные действия выяснению причин.

- Огненный, утаивающий нечто от Совета?.. – правитель не существующей больше планеты печально вздохнул. – Когда-то люди вашего клана не были столь бесстрашны. Изгнания, значит, не боитесь?

- Больше, я боюсь участвовать в повторении возможной... ошибки, - бросил Элан резко. Но пурпурному, кажется,

пришлись по душе его слова, и на тон он не обратил внимания.

- Что же, тогда вот вам правда. Элан из клана Огня, вам должно быть известно, что половину периода назад, по вашему времяисчислению, нашей планеты не стало. Бесконечные катаклизмы, вызванные остыванием звезды, превратили ее в ледяную пустыню, а наши попытки создать подземный источник энергии разрушили окончательно. Скитаясь в просторах космоса, мы прожили еще пару сотых периода, когда у нас закончились запасы пищи. Тогда мы обратились за помощью к Галактическому Сообществу. Ваши соплеменники выразили желание помочь нам, так выжившее изрядно поредевшее население Тарра оказалось на Эйнире. В то время земли Эйнира были едины. Нам была отдана часть планеты, где мы, казалось бы, вновь обрели свой дом, выстроили свои города и мирно сосуществовали с вами. Но через несколько сотых периода все изменилось. Ваша планета вошла в тот же этап, который так и не сумел преодолеть Тарр – началась Эпоха Смутного Времени. Мы пытались помочь вам справиться, но ситуация лишь ухудшалась, и тогда суеверное правительство решило, будто мы каким-то образом вызываем Смуту. Мы были изгнаны с планеты, наши города разрушены посланным к нам отрядом слепо выполняющих команды Огненных. Те, кто пытался помочь нам, оставить наших детей, дать нам с собой продовольствие, были объявлены Изгнанниками. Весть о том, что мы якобы несем на себе проклятие Тарра, благодаря вашим Старейшим разнеслась по всем планетам Сообщества, и мы оказались обречены стать вечными космическими бродягами. Обязанность пополнять наши запасы пищи и воды, взятая Сообществом, выполнялась неохотно и нерегулярно. Численность выживших Таррийцев, таким образом, сократилась в несколько десятков раз. Вот какова правда, юноша. Но, думаю, совсем не ее вы желали услышать.

- Ошибаетесь, именно ее, - неожиданно ответил Огненный.

На угрюмом лице Тх'э'роо'нха отразилось удивление.

- Да, - продолжил Элан, - что-то подобное я и ожидал услышать. Потому что это вполне вписывается в факты. Я, первый помощник Старейшего Протоса, даю слово, что буду ходатайствовать о том, чтобы вам позволили остаться и выделили земли на территории Конфедерации. Думаю, если вы согласитесь отправиться со мной к Совету, мы сможем убедить Старейших, чтобы вам официально разрешили остаться и помогли с обустройством. Нужно покончить наконец с этими глупыми предрассудками.

- Лжешь, - угрюмо произнес наследный правитель. – Я именно об этих словах молил Стихии. Но ты лжешь.

- Лгу?.. – В голосе Огненного впервые за разговор послышались нотки растерянности. – Вы ошибаетесь...

- Увы, нет... - произнес Тх'э'роо'нх почти с отчаянием. – Потому что только ложью можно объяснить тот факт, что снаружи дежурит огромный вооруженный отряд людей вашего клана.

Словно в подтверждение, в этот момент часть каменной стены разлетелась и рассыпалась в пыль, а в проем начали просачиваться Огненные в полной боевой амуниции.

- Вы нарушили ультиматум никогда не появляться в пределах данной звездной системы, - произнес подозрительно знакомый звучный голос. – За намеренное нарушение и тайное проникновение на планету вы будете подвергнуты уничтожению...

- Протос, нет! – крикнул Элан, кидаясь наперерез своему отряду. – Как твой первый помощник, прошу дать нам возможность объяснить!..

Но никто ничего не успел объяснить, а Старейший Протос, чей голос произнес страшные слова, – ответить, потому что в этот момент земля в пещере вздыбилась и из центра хлынул мощный холодный поток. От неожиданности отряд открыл огонь в прямом смысле слова, и пространство, не заполненное еще потоком, заполнил столп пламени. Вверх

взметнулись осколки породы, вода сбивала с ног, лишала ориентации в пространстве, огненные языки обожгли мне руку.

- Тх'э'роо'нх, уводи своих людей, я здесь задержу! – что есть сил крикнул отчаянный оборванец по имени Натос, и в этот момент довольно крупный осколок, угодив мне в плечо, отбросил назад.

Воспоминания: запись восьмая.

Открыв глаза, я обнаружила над собой прозрачный купол лазарета. Небо алело всюду, в связи с чем можно было сделать простой вывод, что день давно наступил. В дверь постучали, и вошел посыльный, все тот же насмерть перепуганный паренек, что прилетал ко мне, дабы доставить в здание Совета. Все так же опасно глянув в мою сторону, он с заиканием произнес:

- Дддосточтимая Тттаи из Клана Земли, меня ппприслал за вами Старейший Алианос. Прошу вас следовать зза мной.

Чтобы следовать за ним нужно было: как минимум, встать; как максимум, одеться. Если с первым я справилась, хотя и не без труда (голова просто раскалывалась), то проделывать второе в присутствии посыльных не входило в число моих хобби.

- Иди активируй свой глайдер, приятель. Зрелище придется пропустить.

Пожав плечами, он развернулся к выходу, но замешкался на пороге.

- Да не убегу я, не убегу...

Двери Круглого Зала открылись для меня во второй раз. Алианос уже ждал по ту сторону, и, схватив за локоть, направился со мной к остальным.

- Ума не приложу, как тебя-то угораздило там оказаться, - буркнул он на ходу.

Алианос подвел меня к двум прикованным к стене фигурам и

нехотя сунул мои руки в каменный браслет. Застегнув его, он не занял места за столом, а почему-то остался стоять рядом с нами. Товарищи по несчастью, коими, естественно, оказались изрядно потрепанный в драке Элан и нервная как никогда блондинка, кивнули мне в знак приветствия.

- Ну, вот все и в сборе, - мрачно констатировал Протос, на сей раз сидевший на месте моего приемного отца во главе стола. – Давайте начнем.

Под «всеми» он, видимо, подразумевал себя и нас четверых. Остальные Старейшие не присутствовали на Совете, скорее всего, впервые с момента его создания, и это показалось мне дурным знаком.

- Все уже кончилось, не начавшись, - рявкнул Элан, и браслет, удерживающий его руки, громко захрустел. – Не думал, что мои люди могут оказаться такими безмозглыми...

- Во-первых, МОИ люди, - назидательно поправил Протос, - во-вторых – Элан, скажи: почему ты нас предал? Лучше поздно, чем никогда.

- Никогда.

- Что - «никогда»?..

- Никогда вы, Старейший Огненный, видимо, не откроете глаза. Я не предавал. И, разбери вас Стихии на элементалы, отпустите девушек!

Протос мельком глянул на меня и Альту.

- Нет, пока не разберемся, что вы затеяли. Ведь затеяли вы это, как видно, втроем.

- Когда я пытался вам помочь разобраться, вы решили нас атаковать.

- Вы действовали заодно с врагом! Вы сражались против нас на стороне Таррийцев!

- Да кто вам сказал, что это враги?! И я не сражался, а защищал.

Два самых сильных Огненных из клана зло уставились друг на друга. Я явственно ощутила, что если их пыл немного не остудить, обстановка накалится до предела. Алианос, похоже,

прочел мои мысли:

- Знаешь, Протос, давай для начала их выслушаем. Если не возражаешь, я задам вопросы сам.

Протос пожал плечами:

- Ну давай, потворствуй изменникам, как ты это любишь...

Брошенная фраза показалась мне донельзя любопытной, но, к сожалению, выяснить ее смысл сейчас, похоже, не время...

Алианос никак не отреагировал на эти слова, а обернулся к Элану:

- Скажи, ты попросил меня отпустить напавшего на тебя мальчика, чтобы проследить за ним?

- Да.

- Что ты хотел узнать?

- В тот момент, когда он атаковал меня, я как раз нашел подземный город, и собирался выяснить, что это такое.

Поскольку только этот парень и мог привести к разгадке, я решил действовать таким способом.

- Почему же мой приближенный утаил от меня столь смелые планы? – ехидно поинтересовался Протос, снова влезая в допрос. – Или ты так спешил стать героем, что попросту позабыл о долге и субординации?

Элан устало вздохнул.

- Ведь вы бы не стали разбираться, не так ли?

- Совершенно очевидно, что мы имели дело с вторжением врага.

- Совершенно это не очевидно. Подумайте: зачем вашему «злобному врагу» рубить под собой сук? Им и без того негде жить, нечем дышать и нечего есть. То, что они сунулись на планету, с которой их однажды изгнали, говорит вовсе не о вторжении, а об отсутствии выхода.

- Почему ты считаешь, что у них были мирные планы? – поспешил заполнить паузу Алианос.

- Потому... - Элан дернул было плечом, пытаясь утереть со лба кровь, но браслет не позволил дотянуться. – Потому, что они выбрали именно Эйнир. Судите сами. Во-первых, Эпоха

Смутных Времен для нас позади. Значит, даже если ваша теория некоего проклятия Тарра действительно верна, они все равно не смогли бы навредить. А во-вторых, они выбрали Земли Отчуждения. Они были согласны даже на эти пустоши, лишь бы не пялить глаза в космическую пустоту. Разве так поступают захватчики? Разве не стремятся отвоевать лучшее пространство, вместо того, чтобы лезть под землю в пустыне?..

Кровотечение усилилось, и вязкая жидкость залила лицо Огненного. Он замолчал и беспомощно отвернулся от Альты, с самого начала сочувственно косящейся в его сторону и теперь нервно закусившей губу. Стихии Старейших разбери, а ведь они мои товарищи... какие ни какие... единственные... за всю жизнь...

- Освободите меня, нужно подлечить его раны!

- Это не ребенок, Таи, а один из самых сильных Огненных, - усмехнулся Протос, - переживет, он и не такое переживал.

- Еще недавно ты умолял меня его вылечить, - огрызнулась я, позабыв про должное почтение, - а теперь зубы скалишь. Быть изувером не современно.

Алианос предостерегающе ткнул меня в плечо, но Протос лишь равнодушно хмыкнул.

- Ладно, - продолжил Старейший Огненный, - давайте посмотрим, что у нас есть. У нас есть незаконный захват территории и нарушение ультиматума чужаками Таррийцами. Есть троица не в меру толерантных Эйнириан, решивших действовать в обход Совета. Есть возможность, что после Перерождения ваши несчастные Таррийцы, уже ничем не отличаясь от нас, - ибо, как вам известно, заново родятся они уже в виде законных граждан планеты, - потихоньку вторглись бы в жизнь Эйнира, и неизвестно, чем бы все это кончилось. Есть также непредсказуемый дикарь Натос из клана Воды, своими штучками нанесший некоторый ущерб моему отряду... и к слову, его происхождение и общение с упомянутыми Таррийцами не вполне понятно. Есть мой

лучший друг Алианос, бывший Первый Старейший, между прочим, а это вам не просто так. Бывший, потому что потворствовал трем любителям совать свой нос в дела планетарного масштаба... А также... есть один факт, который мне сегодня сообщил посланник Галактического Сообщества. Дело, товарищи изменники, в том, что сбежавшие с Эйнира Таррийцы облюбовали себе новый дом: маленькую планету в хвосте нашей галактики, находящуюся на первичном технократическом этапе развития... в общем, молодую. И по случайному совпадению, эта планета представляет для Галактического Сообщества огромный научный интерес. И оно, Сообщество, не намерено позволить Таррийцам что-либо на этой планете менять, тем более, устраивать там конец света. Я же, как Первый теперь Старейший, ответственный за приведшие к этому обстоятельства, обязан предпринять некие действия. Так вот, всех этих проблем можно было бы избежать, если б кое-кто не брал на себя больше, чем может унести... Ну, и что же мне с вами делать?

- Изгнать, конечно. Как всех, кто думает, не как вы, - зло бросила я.

- Изгнать... - Протос задумчиво вздохнул. – И чем это поможет ситуации? Вероятный для Земли ущерб как предотвратить? Да вас четверых, вкупе с этим помешанным Водным, на элементалы распылить мало...

- Не надо на элементалы, - впервые вмешалась в разговор блондинка. – Я знаю, как решить все эти задачи.

Протос, Алианос и я уставились на нее в изумлении. Даже Элан, позабыв про свой плачевный вид, так резко развернулся к блондинке, что капли крови веером брызнули во все стороны:

- Аль, неужели?..

Вперив взгляд в нового Главного Старейшего, Альта отчеканила:

- Выход в том, чтобы послать нас на Землю.

Воспоминания: запись девятая.

Какое-то время Протос молча взирал на нее в ответ, не мигая. Затем отвернулся почти обиженно:

- Отличная идея, дорогуша. Послать вас на Землю, чтобы вы и там натворили дел.

- Да, совершенная глупость! – Неожиданно поддержал его Алианос, в голосе которого слышалась изрядная доза раздражения. – Я думал, мы здесь говорим о серьезных вещах!

Нечто в его позе заставило меня присмотреться к приемному родителю повнимательнее. Судорожно сжавшие складки одеяния пальцы, растерянный взгляд... как-то это не вязалось с уверенностью и раздражением в голосе...

К сожалению, несоответствие заметила не только я.

- Поправь, если я ошибаюсь, дорогой друг, - медленно начал Протос, подходя к Алианосу почти вплотную, - но больно бурно ты со мной соглашаешься. Дайте-ка подумать. Так... побудьте здесь, мне нужно отлучиться в Хранилище.

- Bravo, Альта, - буркнул Алианос, едва за Первым Старейшим закрылись двери Круглого зала. – Ты даже не представляешь, какую замечательную идею только что подала.

Блондинка удивленно вскинула брови:

- Если так, почему вы активно ее критикуете?..

Пользуясь своей относительной - относительно нашей прикованной к стене троицы, - свободой, мой приемный отец развернулся к нам спиной:

- Потому, что это... это неподъемная ноша. Это верная гибель, девочка.

Протос вернулся с огромной книгой в руках.

- Ты определенно гений, Альта из клана Огня, - весело заявил он, усаживаясь на свое место за стол. – Вы ведь с Эланом не последние Огненные, не так ли? Вы всегда были сильнейшими. Вы справитесь.

- С чем мы должны справиться? – устало поинтересовался Элан, даже не глядя в сторону Первого Старейшего. – Сомневаешься в нашей с Аль способности пилотировать корабль?

Протос бросил в его сторону лукавый взгляд.

- Совершенно не сомневаюсь в ваших способностях. А потому... потому поручаю вам сделать то... что будет иметь место второй раз в истории этого сектора галактики. – он торжествующе потряс принесенным фолиантом. – Благо, кое-кто уже работал в данном направлении... весьма успешно. Хотите верить, хотите – нет, а я до сих пор не понимала, о чем они.

- Ты забываешь, дорогой друг, - медленно и с нотками угрозы начал Алианос, - что с этим «кое-кем» в результате произошло...

- Отнюдь. Но ведь он был один, а вас будет... - он мельком окинул взглядом нашу компанию, - пятеро. Из которых – двое Огненные. Вы обязательно что-нибудь придумаете.

Неожиданно он подошел к нам и разомкнул на всех троих браслеты.

- Вот, товарищи будущие герои, ознакомьтесь. Это план действий, на случай если Таррийцы не внимут вашим убедительным доводам.

Он раскрыл фолиант на заранее выбранной странице. Заголовок, выведенный размашистым почерком, гласил: «Формула, позволяющая прекратить планетарные бедствия и заключить Соглашение».

- Записи Великого Жреца Культа Стихий Эрка Ариуса вам в помощь, - подытожил Первый, довольно ухмыляясь при виде того, как у всех четверых вытягиваются лица.

Воспоминания: запись десятая.

- Давай же, друг, пора начинать. Обручение Огнем – единственное, чем мы сможем помочь.

Настроение Протоса стремительно сменило знак на плюс

после того, как чересчур умная блондинка услужливо сняла непосильную ношу с его плеч и возложила ее на наши.

- Прежде чем приступить к церемонии, я обязан предупредить, - произнес Алианос, отводя глаза, - такого рода связь нерасторжима. Обещания аннулирует время, клятвы на крови – физическая смерть. Но алхимия духа вечна, она пребудет с вами. В каждой новой жизни вы будете связаны ничуть не слабее, чем в этой. Сама мысль о том, чтобы лишиться этого единства, станет невыносимой. Вы будете следовать друг за другом везде, и лишь такая связь способна помочь вам завершить миссию.

- Алианос, они уже поняли, - нетерпеливо перебил моего многословного отца Протос. – У нас маловато времени, так что давай приступать.

- Доверяете ли вы друг другу настолько? Это не праздный вопрос. Великое счастье несет и великую боль... - Старейший наконец взглянул на пару. – Отвечайте.

- Да, – без намека на колебания произнес Элан и обнял Альту за талию.

Блондинка отозвалась на его прикосновение настолько искренним, каким-то инстинктивным движением, что я, глядя на них, подумала: и зачем нужен этот обряд? Кажется, связь и без него вполне налажена.

- Альта?.. – взгляд Алианоса сделался очень теплым и преисполненным глубочайшего понимания... почему, интересно, я за всю свою жизнь не удостоилась такого?..

- Конечно, да. Мы готовы.

На лице блондинки отражалась такая уверенность и решимость, что я невольно усмехнулась. Еще бы не быть готовой заполучить этого мужчину на веки вечные... Я бы тоже не отказалась, тем более, что однажды уже спасла его жизнь, без всяческого обручения.

- Что ж. Элан, Альта – тогда вы знаете, что делать, - произнес Алианос и покинул каменное кольцо алтаря. Едва он переступил мысленную черту, как вверх взметнулась стена

огня.

Протос поднялся со своего места и подошел поближе:

- Огонь, в котором сама Жизнь берет начало! Искра твоя наделяет духом материю. Я, Протос, Старейший из Клана, сейчас прошу тебя приступить к обряду обручения этой пары.

Пламя, казалось, заполнило все пространство символического жертвенника. Я в ужасе заломила руки, вполне осознавая, что после таких вот «обрядов» кое-кому придется выполнять очень сложные чары, чтобы привести в норму головешки, только что бывшие людьми...

Пальцы Алианоса больно сжали мое плечо:

- Стой и смотри, но не двигайся.

Что ж, повинуюсь, экс Первый Старейший. Хоть и не по душе мне сие добровольное сожжение... и ответственность за исцеление на меня возложить не удастся, так и знайте.

Протос, тем временем, продолжил высокопарную формулу:

- Элан из Клана Огня и Альта из Клана Огня! Искры духа в вас отныне сольются воедино, чтобы, став одним целым, символически разделиться вновь и вернуть жизнь двум живым существам. Но с сего момента связь ваша нерушима.

Помните, что это великое дело сделано ради еще более великого, и ваш духовный подвиг на Земле должен стать необходимой данью за то, что вы обрели здесь.

Огненная стена принялась медленно менять цвет. Оранжевые сполохи стали зеленоватыми, затем синими, затем фиолетовыми и, наконец, ярко-алыми. Сноп искр взметнулся в самом центре и в этот момент огонь погас.

Эти двое преспокойно стояли в центре жертвенника лицом друг к другу, и держались за руки. Зеленые глаза блондинки и ярко-синие – Элана, - светились одним и тем же чувством – неким исступленным, экзальтированным торжеством... Оба, кажется, ощущали себя превосходно.

Какие там головешки! Даже края одежды не обуглились...

- Поздравляю, друзья мои, - подытожил Алианос, - отныне вы - Обрученные Огнем.

Воспоминания: запись одиннадцатая.

- Вниманию всей команды, - раздался в наушниках резковатый голос Альты, - просьба собраться в рубке. Сейчас. Я нехотя села на постели.

Мы летели уже около половины сотых периода. Поскольку маршрут и пилотаж были задачей Элана, а Альта занималась прочими моментами, для остальных никаких дел не находилось. Остальные – это, соответственно, мой приемный отче, я и Нат – мальчишка из пустошей, помогавший Таррийцам. Уж и не знаю, какой такой гений осенил Протоса, когда он решил докомплектовать ненормальным водным магом нашу и без того разношерстную компанию, но гений этот был если не злой, то уж точно не в духе. Подозреваю, что мотив у данного поступка был не столь благородный, как Первый Старейший его преподнес, и именовался простым желанием избавиться от всех участников заварухи у Подветренных Скал – всех, кто знал, что за событие там на самом деле имело место. Поскольку нам пятерым было прекрасно известно, как бесславно нынешний Первый вел себя в этом мероприятии, логично было решить две проблемы одним махом – избавиться от пяти разговорчивых глоток и пустить пыль в глаза Совету, который, очевидно, с легкой руки Первого станет считать, что ситуация на их драгоценной планете Земля отныне под неусыпным контролем.

Что касается меня, я не питала особых иллюзий относительно важности нашей миссии. Хотя мой отец и посыпал свою седую голову пеплом надежд, каждый день скорбно извещая команду, что это дело станет последним в нашей жизни, я считала полет к Земле лишь бесполезной тратой времени. Что такого мы сможем кардинально изменить?..

Впрочем, блондинка будет снова смотреть на меня зверем, если я задержусь, так что пора бы оставить размышления и отправиться в рубку.

Когда я вошла, все остальные уже были в сборе. Альта зыркнула в мою сторону с тем самым непередаваемым

выражением и приступила к объяснению:

- Итак, я попросила вас всех собраться, чтобы известить о том, что отныне у вас появится обязательная работа.

Она сделала многозначительную паузу и обвела взглядом нас троих, доселе не охваченных трудовой активностью. Элан, очевидно, был давно уже в курсе ее грандиозных планов, ибо никакой реакции с его стороны не последовало. Алианос одобрительно кивнул, я вопросительно приподняла бровь, а Нат только пожал плечами.

- Так вот, - продолжила блондинка, - работа эта будет заключаться в том, что каждый из вас в определенное время будет приходить ко мне в мастерскую и последовательно записывать все свои воспоминания с момента инцидента в Подветренных скалах и по сей час. Максимально подробно и давая событиям собственную оценку.

- Насколько подробно? – помимо воли вырвалось у меня. – Упомянув все вплоть до походов в уборную и скабрёзных сновидений?

Альта, уже успевшая привыкнуть к моей манере общения, только слегка поджала губы:

- Да, если в это время вашу голову посещали некие ценные мысли касательно нашего дела.

- Звездочка моя, позволь я поясню, - вмешался Элан, стараясь подавить улыбку, и пересел ближе. Дипломатические навыки его подруги явно оставляли желать. – Друзья, дело вот в чем. Поскольку задача, поставленная перед нами, действительно сложная, Альта решила подстраховаться. Она создала интеллектуальную систему данных, вмещающую сведения об Эйнире, данные о Земле, которые непрерывно пополняются, ибо мы сейчас активно модернизируем базы, используя архив Совета. А также – все сведения о Таррийцах и нашем с ними... конфликте. Это необходимо для того, чтобы к окончанию полета мы смогли придумать хоть сколько-нибудь годный план действий... а хороший план – в наших общих интересах. Так что не стесняемся излагать.

- Я так полагаю, это общественная работа на добровольно-принудительных началах? – уточнила я, стараясь сделать интонации как можно более невинными.

Кому как, а мне вовсе не улыбалось изливать душу.

- Это работа, которая не обсуждается, - жестко ответила блондинка, даже не взглянув в мою сторону, - и мне не интересно, хочет ее кто-то делать, или нет. Она необходима.

- Альта права, - задумчиво произнес Алианос. – И мы сделаем так, как они с Эланом решат. Считайте, что эти записи – вроде как ваш личный дневник.

Ладно же.

Я пожалала плечами. Если этой помешанной на технике выскочке хочется знать все, что я о ней думаю, она узнает.

Моя очередь была первой, поэтому я отправилась в логово Альты сразу после завтрака.

Она сидела перед большим галаграмматором и пассивно взирала на мелькающие в его луче с непередаваемой скоростью символы и значки. К ее вискам были прикреплены серебряные пластины.

Увидев меня, она остановила изображение, отсоединила пластины и встала.

- Здравствуй, Таи. Проходи.

- А чем ты сейчас занималась, если это, конечно, не страшная тайна?

- Изучала основные языки землян, - отмахнулась она. – Ты тоже можешь, если хочешь. Но не сейчас. Вот, иди сюда.

Она отвела меня в небольшой отсек, отделенный от основного плотной черной тканью. За тканью стояли небольшой стол и стул. В центре стола, в незаметном углублении, лежали еще две серебряные пластины.

Усадив меня на стул, Альта прицепила их к моим вискам.

- Просто вспоминай все события, имеющие отношение к миссии. Как можно больше деталей. Комментарии тоже

пригодятся, - и она вышла, оставив меня одну.

Воспоминания: запись двенадцатая.

Дни в полете отличались редким однообразием. Каждый новый день начинался для меня с завтрака и последующего похода в мастерскую. Я записывала все, что считала нужным, принципиально не делая никакой этически обусловленной коррекции – хотя бы детали, я их предоставлю. Но Альта то ли пока не просматривала наши излияния, то ли не считала необходимым их комментировать – несмотря на мою некорректную откровенность, она относилась ко мне все так же, как и раньше – холодно-отчужденно. Единственным из команды, с кем она находила нужным обсуждать все свои решения, был капитан Элан. Алианоса блондинка тоже почитала за существо разумное, признавая за ним право голоса, хотя мой приемный отец и пользовался им крайне редко. Я была чем-то вроде парии, а Натос, похоже, не считал за разумных существ нас, избегая общения в любом его виде, хотя и выполнял поставленную перед ним Альтой задачу. Несколько раз я пыталась заговорить с ним, дабы разнообразить свой досуг, но он каждый раз игнорировал мои попытки.

Не то чтобы я когда-то резко возражала против одиночества, но легко быть самодостаточным, когда ты не ограничен хотя бы в перемещении. В замкнутом пространстве небольшого корабля одиночество несколько напрягало.

Как-то, выходя после очередного сеанса «откровений», я столкнулась с Алианосом в коридоре.

- Пришел облегчить душу?

Он нахмурился:

- Что? А, ты о записи... да, я за этим.

- Чем моя формулировка хуже?

Вздохнув, Алианос было проскользнул в дверь, но на пороге

обернулся:

- Все-то ты шутки шутишь... облегчить душу – надо же... если бы это было так просто...

У отца последнее время и впрямь был такой вид, словно некий невидимый груз давит на его плечи. Я дала себе слово постараться выяснить причину его беспокойства, если, конечно, он пожелает мне о ней рассказать. Что маловероятно, потому что я, кажется, так и не заслужила право стать его поверенной. Имея выбор, кому облегчить душу – технической штучке Альты, или собственной дочери, он без лишних сомнений выбрал бы технику.

Дверь, едва закрывшись за отцом, тут же распахнулась вновь, и Альта, легка на помине, вылетела из нее на крейсерской скорости. В руках она держала отжалованный нам Протосом истрепанный фолиант.

- Слушай, я хотела тебя спросить... - начала было я в приступе несвойственного дружелюбия. Но она обрезала, даже не глянув в мою сторону:

- Потом, Таи, потом. Мне нужно к Элану.

Видимо, моя жажда общения оказалась настолько сильна, что я последовала за ней.

- У вас дельце только на двоих, или я не помешаю?

Блондинка наконец удостоила меня слегка удивленного взгляда:

- Если тебе интересно, идем.

Когда мы вошли, Элан нехотя оторвал взгляд от приборов.

- Представляешь, Аль, сколько всего мы, оказывается, не знали о Земле, - произнес он задумчиво. – Здравствуй, Таи. Молодцы, что пришли вдвоем. Я как раз получаю очень интересные данные, хотите посмотреть?

- Элан, есть кое-что поважнее, - начала Альта со свойственной ей грубой прямоотой. – Записи Ариуса...

Огненный едва заметно нахмурился.

- Я думал, ты с ними уже закончила. Что-то сложное

попалось?

- Да, и у меня большие подозрения, что это «сложное» напрямую касается нас.

Она протянула ему книгу, заранее открыв ее на нужной странице.

Синеглазый быстро скользнул по строчкам, затем, вздохнув, захлопнул фолиант и вернул его Альте.

- Хочешь сказать, именно поэтому нас пятеро?

- Похоже на то.

- Но если этот обряд ранее ни разу не проводился, как мы можем быть уверены в результате?

- Никак. Вот потому Алианос и говорил, что моя затея очень опасна. Понимаешь?

- Да, вполне. – Элан улыбнулся и взял блондинку за плечи. – Все получится, верь мне.

Они смотрели друг на друга, упиваясь своим чувством, и я ясно ощущала себя здесь лишней. Не настоял бы ушлый Протос на том, чтобы сбавить в поездку еще троих... то есть, докомплектовать команду, они бы с радостью вдвоем полетели.

Интересно, а что там в этой книжечки написано обо всех пятерых?

- Альта, я тоже хочу прочесть.

- Прочти. Страница с заломленным углом. – Она протянула книгу, даже не глянув в мою сторону.

Обрученные... стихии вас так и этак... едва увидят друг друга, окружающий мир уходит на второй план, а неотложные дела космического масштаба - и куда подальше...

Поддавив ощутимый укол зависти, я вышла и закрыла за собой дверь в отсек. Что они понимают... вот у меня, положим, никогда не было семьи...

Открыв книгу на нужной странице, я прочла многообещающий заголовок: «415е сутки, середина 12 Периода от Начала Начал. Формула, замыкающая петлю: Зов Четверых».

Дальше шли ровные строчки, выведенные аккуратным бисерным почерком.

«Когда Формула Соглашения произнесена, Жертва принята и Заповедники Стихий созданы, образуется нечто, что можно условно именовать мета-миром», - писал Жрец. – «В мета-мире путем Соглашения достигаются условия, позволяющие оставшимся в живых начать подготовку ко второму этапу, который я решил обозначить как Зов Четверых...»

Судя по всему, этот фолиант представлял собой нечто вроде дневника, куда Жрец Кюльта Стихий записывал свои «прозрения». Ему виднее, откуда прозрения сии брались, но если мы летим на чужую планету, имея только вот эту мистическую ерунду в качестве руководства к действию, то могу понять, почему Альта так нервничает...

С другой стороны, на Эйнире его формула когда-то сработала безотказно. Только вот не припоминаю, чтобы я слышала что-то об этом... как его?.. Зове.

«Зов Четверых – это объединенные усилия представителей всех четырех стихий, которые, под руководством Огненного, должны будут завершить этап перехода. Это возможно лишь в том случае, если все участники духовно привязаны к тому миру, который они хотят воссоздать. Огненный объединяет их и концентрирует всеобщее желание, создавая через себя некий Связующий Луч, долженствующий, при определенной силе намерения, соединить мета-реальность с той, что была оставлена в Смутную Эпоху. Теоретически, переход осуществляется мгновенно, без каких-либо потерь энергии, но не исключаю, что возвращенный мир может быть некоторым образом видоизменен. Это зависит от ряда параметров, как например духовная сила того Огненного, что стал Жертвой - Залогом Перехода, а также сила Связующего Луча, созданного вторым Огненным. От чего может зависеть сила этого луча, не имею понятия, возможно, сюда входит совокупность всеобщего Намерения, плюс, предполагаю, основа – духовная связь с первым Огненным, заложившим

себя краеугольным камнем при создании спасительного мета-мира...»

Всеми четырьмя Стихиями клянусь, ну и бред. Поразительно, как Жрец смог совершить свое великое дело, при такой-то «точности» информации... то он не знает, это он предполагает, а о третьем же вообще не имеет даже приблизительного понятия. Однако, теперь, по крайней мере, становится ясно, почему в полет нас отправили впятером, и какого именно подвига жаждет от нас новый Первый Старейший... это что ж получается? Либо Элан, либо Альта – один из них, любой – должен повторить на Земле путь Эрка Ариуса? Ритуально загнуться во имя всеобщего блага?.. Хорошенькое задание... для смертников. Ничего я в этом придурковатом клане сподвижников Духа не понимаю. Огненных и так мало – по пальцам пересчитать, а Протос кидает двоих сильнейших на выполнение задания с обязательным летальным исходом? И они с открытыми глазами идут на это, предварительно еще и обручившись?! Интересно, кто же из них решил взять на себя роль безвинно убиенного создателя «мета-мира», и как второй на это смотрит... Клянусь Стихиями, не хотела бы я оказаться на месте кого-то из них. Любовь... духовная связь... семья... единство... нашла, чему завидовать! Любовь, которую ты сознательно скормишь смуте... ох и не повезет оставшемуся в живых, такие душевные муки вряд ли способствуют ясности рассудка... как бы не сбрендил...

Ладно, надо, в конце концов, этот мистический бред дочитать. Тем более, всего несколько строчек осталось...

«Итак, за сим считаю, что вновь обретенный, обошедший Смутную Эпоху по петле, мир вернет, что брал, и умершие живы будут, как если бы никогда не умирали, и моря, и леса, и дома их будут на месте. Что же Залого, то бишь, Жертвы, касаемо, то здесь разные варианты видятся мне. И зависит все от силы духовной связи, между Жертвой и Взывающим Огненным, имеющейся, и не только. Зависит также, на каком

этапе Смутных Времен принесена Жертва, сколько ее ресурсов на Переход израсходовано. Явственно ощущаю – начнется процесс если, дадут они царству Смуты приблизиться хоть на микропериод, и тогда, возможно, что силы Жертвы все будут израсходованы, и не вернется Залог великого перехода Воззавшему... и не устанет скорбь его до Конца Времен...»

Воспоминания: запись тринадцатая, последняя.

- Таи? – из-за поворота показался Алианос. – Я всюду тебя ищу.

- Как прошел процесс облегчения души? – спросила я рассеянно, пытаюсь прогнать от себя жуткие картины, навеванные текстом.

Он вздохнул.

- Скажи, отец, ты ведь знал, для чего необходимо Обручение?

- Ты читала Дневник Жреца?

Я кивнула. Он вздохнул еще более удрученно.

- Знал. Вся эта затея с полетом с самого начала была ошибкой...

- А Элан и Альта знали?

- Конечно. Они же Огненные. Они готовы жизнь отдать за дело, если понадобится. А понадобится может в любой момент.

- Ничего не понимаю в интригах Совета! Тхэ'роонх, до того, как Протос и его команда вломились в пещеру и испоганили дипломатическое решение проблемы, сказал, что изгнанниками сделали всех, кто пытался помочь Таррийцам. Может, ты и об этом знал?

- Таи, давай не сейчас. Чувство вины и так с каждым днем жжет все сильнее...

- Чувство вины?! Так значит, ты все знал, и, даже будучи Первым Старейшим, ничего не захотел изменить?!

Алианос обхватил голову руками, съежился, словно некая тяжесть действительно давила на него.

- Что ты хотела бы услышать? То, что твои родители были изгнанниками? То, что мы перестраховались, в ультимативной форме потребовав от Таррийцев убраться и сослав в Пустоши всех, кто оставался на их стороне? Но на одной чаше весов была горстка жителей и пришельцев, вполне возможно, виновных в катастрофах, а на другой – все население Эйнира! Что мы должны были выбрать?

- Ты изгнал моих родителей, - констатировала я с глухой уверенностью, чувствуя, как ненависть, ранее не находившая для себя конкретного объекта и маскирующаяся болью, вскипает с удивительной силой.

Алианос, казалось, ощутил ее даже острее меня. Его лицо исказилось гримасой страдания, морщинки углубились, довершая эффект.

- Ты думаешь, я жестокосердный глупый старик? Она была моей дочерью, твоя мать! И если бы я только мог предположить, что на момент изгнания она уже была беременна... вами.

Ненависть застлала мне глаза бордово-красной пеленой.

- Нами?!

- Да, у тебя был брат. Она сказала мне это уже после того, как Совет вынес решение. Сказала с каким-то изуверским торжеством. «Вот, смотри, таково все, что вы делаете. Ничего не зная, не сомневаясь, вы готовы уничтожить множество жизней невинных... и не всегда это только младенцы. Возможно, тот факт, что в их числе – твои внуки, заставит тебя задуматься...» Я позже несколько раз отправлялся искать вас в Пустошах, но нашел только тебя... Послушай, все не так просто! Это были сложные времена...

- Что случилось с моим братом? – спросила я тихо, упрямо не слушая его жалких попыток оправдаться.

- Я не знаю... - Алианос горестно вздохнул и пожал плечами.

– Скорее всего, не выжил, тем лучше для него.

Тем лучше?!

Гнев и ненависть взорвались во мне ядерной смесью. Как

хотелось в эту минуту сделать так, чтобы человек, виновный в детоубийстве, сполна поплатился за это...

Я не успела додумать мысль, как Алианос вдруг хрипло вскрикнул и повалился на бок, держась за сердце. Видя, как закатываются его глаза, а грудь начинает вздыматься часто-часто, я мгновенно забыла о только что возникшем желании. Что происходит?! Я же ничего не сделала, что с ним такое?..

- Подлец, - услышала я глухое рычание. – Всегда мечтал отплатить тебе, дедуля, да только не знал, кто ты.

Нат стоял в трех шагах от нас, одной рукой держась за стену, другую так и не опустил, а продолжал направлять на старика. Дыхание Алианоса становилось все более поверхностным, сердечный ритм – все более рваным.

Нат использовал свою силу, чтобы отомстить...

- Сверну твою поганую кровь, - процедил он.

Необходимо было сделать что-то, и я автоматически начала выполнять нейтрализацию чар. Сегодня было сложно, как никогда, ведь мне противодействовала не только болезнь, но и человек, обладающий ничуть не меньшей, чем моя собственная, силой. Мой родной брат.

- Нат, не надо! Пожалуйста, остановись!..

- О чем ты? Ты же сама мечтала отомстить за наших родителей. Я знаю, как долго ты мечтала, не будь ты моей сестрой!

Его гнев, сдерживаемый много сотых периода и теперь отпущенный на волю, придавал ему сил. Мой страх, напротив, делал меня заметно слабее. Чувствуя, что договориться с новообретенным родственником в ближайшее время не удастся, я закрыла глаза и вся сконцентрировалась на исцелении... но моих сил едва хватало на то, чтобы не допустить ухудшений.

Мы состязались теперь в глухой, удушающей тишине узкого коридора. Только торопливый, сбивчивый ритм загнанного сердца моего деда. Все еще бьющегося сердца... Вдруг напряжение спало, и я услышала новый звук – тихий удар и

шум падения.

С трудом заставила себя приподнять потяжелевшие от усталости веки...

- Что здесь, во имя Стихий, происходит? – взвизгнула Альта, едва удерживающая упавшего к ее ногам Ната.

- Алианос... умирает, - выдавила я, чувствуя, что язык еле ворочается во рту.

- Отпусти меня, - дернулся брат, - он заслужил! Он убил моих родителей!

От неожиданности на миг ослабившая усилие Альта вдруг оказалась отброшена в сторону.

- Вы заодно с ним! Вы все – заодно! – донесся до нас хриплый крик уже из-за поворота.

- Что это он несет?.. – растерянно произнесла Альта, потирая ушибленный затылок. – Как это Алианос убил его родителей?..

- наших родителей, - шепнула я, мучительно пытаюсь остановить вращающийся потолок...

Громкий протяжный звук медленно возвращал мое сознание. Придя в себя настолько, чтобы осознать, что этот звук - сигнал общей тревоги, я попыталась встать, держась за стену. Алианос все еще лежал на полу, рядом со мной. Состояние его, кажется, стабилизировалось, хотя сердце продолжало биться учащенно, и в сознание он не приходил.

- Вниманию экипажа, - эхом отдавался в коридорах голос капитана, изрядно приглушенный воем сирены. – Корабль в аварийном состоянии. Пробита обшивка первого отсека планетарного экоглайдера. Закладываю программу на экстренную посадку. Цель – планета Земля... Прошу всех собраться в рубке...

Придерживаясь за стену, я преодолела несколько коридоров, но рубка оказалась пуста. В изнеможении упав в капитанское кресло, я бесцельно взглянула на галаграфический экран... Рядом с желтым кружком, обозначающим собственно наш

СЛЕДОПЫТ, мерцала, постепенно удаляясь, маленькая красная точка. Что бы это могло быть?..

Я ткнула пальцем в экран в том месте, где она находилась, и затребовала техническую и биометрическую информацию об объекте. Ведь именно с него, похоже, был произведен выстрел, пробивший обшивку и повредивший корабль?..

Сводка возникла незамедлительно, но мне потребовалось приличное время, чтобы осмыслить увиденное.

Удаляющаяся от СЛЕДОПЫТа маленькая красная точка была челноком номер один. Нашим челноком-глайдером, еще недавно стоящим в первом отсеке. И на ее борту находился один пилот. Не может быть никакой ошибки. Перечислив уникальные биометрические данные, компьютер констатировал: этим пилотом является Натос из клана Воды, член команды. Мой брат.

Необходимо что-то сделать как можно быстрее. Куда он денется один, на этом челноке?.. Что за судьба такая – едва нашедшиеся родственники так и норовят меня покинуть...

Мысль мгновенно метнулась к полуживому Алианосу, оставленному мной в коридоре. Если хочу спасти их обоих, необходимо действовать быстро...

Что же делать? Что?!

Первое – нельзя упустить из вида челнок.

- Система, активировать программу торможения.

- Отказано в доступе.

- Причина?

- Голосовая идентификация не пройдена — программу автоматического режима пилотирования изменяет только капитан корабля.

- Состояние корабля?

- Аварийное, слабое повреждение корпуса. Посадка все еще возможна и программа планетарной посадки заложена капитаном.

- Система, передать мне ручное управление.

- Управление в ручном режиме разрешено. Программный режим пилотирования недоступен.

Особо не рассуждая, я выбрала на экране и включила режим торможения и кинулась назад в коридор.

Отец... или, правильнее сказать, дед, - лежал на полу все в той же позе. Дыхание его стало теперь почти неощутимым, и лишь внутренний взор целителя подсказал мне, что он все еще жив... собрав остатки сил и осмысленности, я вновь запустила процесс нейтрализации... едва мои пальцы нашли разорванные невидимые нити энергий и я принялась их сплетать, сильный толчок отбросил меня к стене. СЛЕДОПЫТ вздрогнул и завалился на бок, стены и пол завибрировали, из двигательных отсеков раздался гул, сирена тревоги взвыла с удвоенной силой, но среди этого хаоса звуков самым жутким показался мне едва различимый голос капитана:

- Вниманию экипажа. Тревога красного уровня. Причина — конфликт команд управления. Программа посадки не может быть выполнена. Корабль к посадке не готов. Необходимо срочно эвакуироваться.

Я тащила отца... деда? – не важно! – к рубке из последних сил. Вибрирующий пол корабля то и дело менял угол наклона, и мы заваливались на одну из стен.

Элан и Альта склонились к экрану, напряженно изучая какие-то данные. Попутно они с жаром спорили между собой, сясь перекричать окружающий шум.

- Таи не способна посадить второй челнок. Он у нас с самого начала «едва дышал», ты сама говорила.

- Не смей считать, что я оставлю тебя одного!

- Ты отвезешь их на безопасное расстояние, высадишь и вернешься. Мы сейчас как раз над водоемом. Судя по первоначальным данным, море достаточно глубокое для того, чтобы затопить корабль и избежать взрыва. Высадив

остальных, ты вернешься за мной на дно. Герметичность обшивки частично повреждена, но на несколько минут под водой ее хватит. Ты вернешься и вытасишь меня. Ты успеешь. Курс к морю, ближний правый сектор.

- Но если я НЕ успею, давление сплющит тебя в корабле, как бабочку между ладоней! Я не могу так рисковать... Пожалуйста, не заставляй... ты знаешь, как я люблю тебя, и ты знаешь, что без тебя все прочие бесполезны...

- Но ты знаешь, что это единственный шанс. Автопилот не активен, спасибо нашей Таи. Великие Стихии, как она умудрилась вывести из строя систему парой конфликтующих команд ручного режима? Вот это уровень, уж не знаю, уровень смекалки Таи или защиты Системы пилотирования! Я бы, пожалуй, оценил юмор, будь момент попроще.

- Все потому, что эту систему создавала не я! И не удосужилась ее переделать в нейросовместимую! Нас же выслали с планеты тайно на том единственном, что осталось на базе в запасниках. То есть на списанном корабле!

- Ты не сможешь улучшить всю технику на планете! Не бери на себя лишнего, сейчас задача другая. Эвакуируй команду. Это не просьба напарника, а приказ капитана.

- Живо, - кивнула мне Альта, - во второй отсек! Давай я помогу тебе.

- Слушай... я... мне не следовало...

- Не начинай! Это было безответственно, глупо... и может слишком дорого обойтись!!

Уже у выхода она оглянулась и побледнела. Я проследила за направлением ее взгляда и увидела, как Элан в отчаянии стиснул ладонями голову и закрыл глаза... это было очень мало на него похоже...

Закусив губу до крови, Альта взвалила старика себе на плечо и быстро поволокла его по ходящему ходуном коридору.

- Таи...

- Что?

- Разбери тебя Стихии на элементалы!

Запустить двигатель челнока удалось не сразу. Когда же все-таки удалось, мы столкнулись с новой проблемой – не удалось открыть люк. Внешняя обшивка существенно пострадала при трении об атмосферу, мы падали вниз с устрашающей скоростью, корпус горел, и края люка приплавилась к обресту...

Целя пустым невидящим взглядом в стык, Альта пальнула лазером и выжгла достаточную для челнока дыру, вырвав кусок обшивки вместе с несговорчивым люком. Мы вынеслись на полном ходу, воздух тряхнул и перевернул легкий челнок, на миг потерявший управление... когда же Огненной удалось его стабилизировать и начать посадку, лицо ее стало неподвижным, словно каменным. Только искушенные до крови губы все шептали: «Я успею. Я вытащу тебя. Я успею...»

- Альта! Что происходит?! Почему Элан меняет курс и уходит вглубь леса, от моря?... – заорала я, стараясь перекричать шум сбивчиво тархтящего неисправного двигателя нашего планетарного глайдера.

Яркий болид устремлялся прочь, блестящая клякса воды давно осталась позади...

- Быстро, - крикнула Альта, вместо ответа шмякнув глайдер о землю отнюдь не профессионально, - выметайтесь. Я за ним...

В этот момент огненный шар встретился с землей где-то у горизонта...

Взрыв темным облаком взметнулся к возмутительно безмятежному небу. Волна покатила от эпицентра, ломая

деревья, как соломѹ, уши заложило, нас отбросило вместе с глайдером в сторону и проволокло по земле, забросав скошенной крылом травой и комьями... Время, казалось, замерло на точке взрыва, и не собираясь сдвигаться. Будущее и Прошлое слились в один протяжный, шумный до глухоты миг, парализовав...

И вдруг все спало, и не стало ничего – ни грохота, от которого заложило уши, ни неумолимого потока воздуха невероятной силы... все замолкло на многие мили вокруг. Только облако продолжало вздыматься в грозном безмолвии, укрывая небо серовато-коричневой гарью.

Я пошевелилась, ощутив сильную ноющую боль во всем теле, отдававшуюся резкими толчками в виски... Альта, рядом со мной, словно приклеилась к сидению. Только губы ее, обильно кровоточа, непрерывно шептали:

«Пресное. Не море - озеро. Крупнейший источник питьевой воды. Я успею. Я вытащу тебя... Пресное. Пресное!!! Я вытащу тебя... Я успею...»

Никто бы не смог.

Элан, похоже, и не ждал этого.

« Я... вытащу... тебя...»

Она не успела.

Почти на рассвете в наспех сооруженном из обломков глайдера и собранных веток шалаше умер мой дед. Я напрягала все свои силы, но их хватило лишь на то, чтобы продлить его агонию.

Альта машинально помогла мне построить укрытие и всю ночь просидела с лазером у входа, якобы охраняя меня, занятую, от возможного нападения диких зверей. На самом же деле и безмозглому было ясно, что после такого взрыва ни

один зверь не осмелится высунуть нос из своей берлоги, - и облако бурой гари, нависшее в небе и скрывшее звезды, служило тому явным оправданием. Альта бросила лазер рядом и уставилась в одну точку где-то на поверхности озера. Она сидела так, когда я приступила к своим жалким попыткам излечить Алианоса. Она сидела в точности так же, когда мои попытки увенчались неуспехом.

- Алианос умер, - констатировала я сухим, безликим от усталости и боли тоном, усаживаясь рядом с ней.

Альта не ответила. Она продолжала сверлить взглядом воду.

- Что теперь?... – поинтересовалась я без всякого интереса, не надеясь на ответ. Но она вдруг разлепила спаянные запекшейся кровью губы и произнесла:

- Зачем ты запустила программу торможения?

- Хотела, чтобы мы догнали моего брата. Кроме того, без одного из команды задача не решается...

- Когда речь о выживании нескольких цивилизаций, при чем здесь кровные узы? Ты понятия не имеешь о целесообразности, о том, что личные цели никогда не должны превалировать над задачами, касающимися общего блага. А ведь Элан тебе доверял. Я объясню, где твоя ошибка: нет одного из группы — задача под вопросом. Нет одного из Огненных — задача будет провалена. Нет капитана — задача провалена изначально! Ясно? О Стихии, да что за компания! Старейший Протос — алчный до власти самовлюбленный интриган. Твой брат хуже примата с гранатой — это же надо так нелепо распорядиться столь огромной силой... и никакой разумности... Ты... такая же, как твой брат. Алианос вот был разумен, пожалуй, единственный в Совете, кто пытался думать об общем благе, а не о собственных регалиях. Признаться, с тех пор, как его сместили, я серьезно опасаясь за судьбу Эйнира. Недальновидные болваны в Совете выжили этих бедолаг Таррийцев, и теперь с удовольствием найдут и предъявят народу нового «врага», возможно, даже в лице друг друга. Они не имеют понятия о самопожертвовании, о

равновесии, о справедливости... если бы Элан... ты знаешь почему я так дорожила Им? Думаешь, это только личная страсть? Элан был одним из немногих действительно сильных сподвижников Духа! Он один мог бы удержать хрупкий баланс равновесия! А все потому, что в любой передрыге Он думал об общем благе, не о своем! Это невероятно редкое качество, даже среди Огненных. Я обладаю им, но в значительно меньшей мере, потому что мой интеллект перевесит мое сострадание как к окружающим, так и к самой себе. Он был единственным, уникальным, в ком сердце и разум находились в гармонии. Существа такой силы воплощаются только в очень сложные эпохи, чтобы уравновесить энтропию, стать живым щитом, чтобы продолжилась эволюция. Такая чистая мощь самопожертвования — сама по себе стихия невероятной силы, Он бы не проиграл ни изощренным врагам, ни смутным временам, но даже Его оказалось не так сложно уничтожить всего лишь кучке жалких эгоистичных болванов. Воистину, глупость и самость — вот наиболее разрушительная вещь. Самое потрясающее, что уж болваны-то выживают при любых обстоятельствах, потому, что прячутся за такие живые щиты. Пойми, Таи, мало быть носителем и пользователем дара огромной силы, как твой, — нужно иметь достаточно развитое сознание, чтобы грамотно и во благо его применять! Ключ к эволюции - это баланс разума и сердца, не технология, не ресурсы, не дар... Энтропия становится порядком, когда каждый служит всем... и таким непостижимым образом каждый служит себе руками других. Но без разрушения! Без глупости! Без эгоизма! Сколь ни сильна была бы самоотверженность Единственного, но не сможет Он преломить всю мировую глупость, и отразить всю мировую злобу, один... именно поэтому нас было пятеро! Он защищает цивилизации, а мы четверо должны защищать Его! Мы не справились. — Она помолчала, и вдруг вскочила, и голос ее, и без того высокий и резковатый, перешел на визг. —

Он и так собирался умереть, но если бы все произошло в момент обряда, я могла бы и завершить задачу здесь, и вернуть Его! Тогда Он сумел бы и дальше оберегать вас, пока вы «эволюционируете», отбирая друг у друга власть, планеты, регалии, решаете личные мелочные дела. Что теперь вы станете делать?! Что?!

Искры яростного безумия в ее глазах обожгли, белые от напряжения пальцы сдавили мне горло...

Чувствуя, что задыхаюсь, я попыталась спихнуть навалившуюся на меня обезумевшую Огненную, но не сумела.

- Теперь нам остается одно, - прошипела она, - пойти вслед за капитаном.

Перед глазами маячили серые мухи, удушье и страх заставили руки рефлекторно шарить по траве, в поисках возможности выжить... и мои руки нашли ее. Лазер пыхнул один раз, пробив в груди блондинки устрашающего размера дырку и отбросив ее, словно бумажную фигурку, назад.

Воздух потек в легкие живительным эликсиром, но ужас не отступал, напротив. Глядя на нее и постепенно осознавая, что натворила, я вся наполнялась холодным ужасом.

- Дай мне хроник-мастер, - выдохнула блондинка хрипло и закашлялась. – Вон, у входа.

Удивительно, что в этот момент она все еще продолжала думать о задаче.

Я вложила в ее ладонь заключенный в круглую капсулу прибор.

Она с трудом поднесла его к губам и прошептала:

- Когда две искры духа, чей свет тебе знаком, сольются воедино, ты вернешься на эту планету.

Из раны сочилась кровь, заливая пространство вокруг Альты. Огненная и впрямь очень сильная, раз до сих пор жива...

Я присела над ней и приготовилась начать процесс

исцеления, но она отвела прочь мои ладони:

- Не надо.

- Альта, но...

- Еще есть мизерный шанс – перерождение.

Я отошла на пару шагов и села на землю, стараясь не смотреть в ее сторону. Чтобы пройти Перерождение, вновь собраться и завершить миссию, всем до одного придется умереть на этой планете...

Ужас захлестнул меня липкой, вязкой волной... Она во многом была права. Возможно, во всем.

- Обещай одну вещь, - пробормотала Огненная тихо, едва различимо. – Запиши последнее воспоминание и отправь капсулу в метапространство. Для этого нужно коснуться зеленой пластины на корпусе...

Я кивнула.

Ну конечно! Чего не сделаешь для только что застреленной тобой напарницы.

- Таи... - было что-то в ее интонации, заставившее меня повернуть голову и взглянуть ей прямо в огромные, полные неожиданного спокойствия и смирения, глаза. – Спасибо.

- За что - спасибо, Альта? За то, что я проигнорировала свой долг и не исцеляю, хотя давала клятву, как всякий уважающий себя целитель-практик?.. За конфликт программ системы управления? Или, может быть, за смерть?.. За что?.. Альта?..

Альта!..

Ну вот и все, Таи из клана Земли. Конец истории. Ты осталась одна на этой чужой планете, и выход у тебя только один - следовать за остальными.

В небольшой прорехе в бурой тяжелой дымке показался отблеск светила. Его лучи проникли в просвет и скользнули по поверхности озера. Водная гладь заблестела миллионами оттенков. Вода была прозрачной и чистой - Элан сумел сбересть для людей и животных Земли источник питьевой

воды... Водные ресурсы — кровь планеты. Рана на теле Земли может быть существенна, но распад будет локализован. Если источник распада, вроде двигателя наших кораблей, окажется в крупном водоеме, реками и ручейками соединенном со всей акваторией, планета погибнет целиком... Огненный сделал все, что мог, в условиях окружающей глупости, некомпетентности и психоза...

Забавно, что я сумела понять идеологию клана Огня только в последний день собственной жизни. Если уж жизнь моя не послужила общему делу, так пусть послужит хотя бы смерть. Лесные птицы начали подавать голоса — тревожные, но мелодичные, они извещали о приходе нового дня. По иронии судьбы, вижу его из нас пятерых только я...

Рука потянулась к брошенному неподалеку оружию. Нет, сначала нужно выполнить просьбу Огненной.

Сделать последнюю запись и коснуться зеленой пластины...

Свет пришел, как облегчение, свет и тень, и больше ничего, ни единого образа. Обессиленное сознание тут же уцепилось за возможность НЕ вспоминать. Постепенно темным пятном на фоне света стали вырисовываться два силуэта.

- Как вы думаете, Тим, она уже в своем уме?

- У нас сейчас будет возможность это выяснить. Диана, открывай глаза.

- Я своем уме, к счастью, уже не в твоём. Тим, дайте выпить.

Он беспрекословно послушался, и через несколько минут в мою руку легла початая бутылка виски. Я сделала два больших глотка, и только после этого смогла дышать.

- Ты в порядке?.. — осторожно поинтересовалась Светка. — Я же предупредила, что тебе далеко не все понравится...

- Который час?

- Закат.

- Собирайте вещи. Завтра утром в путь.

- Эй, Альта, у тебя что, есть план?..

Кажется, она трясла меня за плечи и еще что-то спрашивала, но я уже не слышала.

Я спала, крепко, без сновидений.

Горная тропа все так же петляла и извивалась, но идти было легче. Ведь теперь мы спускались.

В дорогу отправились втроем, изрядно запасшись теплыми вещами, но они не понадобились. То ли глубокий сон и ясная цель придали мне сил, то ли спускаться получалось гораздо быстрее, чем восходить, но вскоре мы смогли различить приграничье, а воздух стал значительно теплее.

- Кажется, я уже вижу их. Земли отчуждения, - объявил Тим, когда мы спустились под облака.

- Совсем недалеко, похоже. За день доберемся.

- Диана, может, поделишься своим планом? Как мы будем двоих оставшихся членов команды искать?.. – Светка бросила в мою сторону угрюмый взгляд.

- Понятия не имею.

- Так куда же мы премся?..

- В Заповедник Огня. Может, там узнаю подробней. А пока, будь добра, помолчи.

Светка обиженно дернула плечом и, устремившись вперед по тропе, вскоре исчезла за очередным поворотом.

- Мы все его любили, Диана, - ответил Тим на мои невысказанные мысли. – Я знаю, ты не можешь перестать думать о нем ни на минуту.

- Тим, вы верите в сны, в знаки?

Англичанин некоторое время молча шагал рядом, пиная попадающиеся на тропе мелкие камешки.

- Знаешь, девочка, мы, британцы, конечно, суеверный народ. Что ни замок – то легенда о призраках, и все такое. Думаю, тут дело в том, готов ли ты их увидеть. И что ты принимаешь за знаки.

- Попав сюда, я умоляла Ланса не оставлять меня. В ту ночь, когда начала восхождение в горы, он приснился мне и сказал одну вещь, которую я не вполне понимаю. Он сказал: «Ты должна пройти свой единственный путь». Но все что у меня есть – это первоначальная идея добраться до Заповедника, невразумительная история про Зов Четверых и надежда, что в нужный момент я получу какие-то знаки, которые подскажут, куда идти дальше...

- Не знаешь, стало быть, куда идти? - Тим раскатисто захохотал, и где-то высоко в горах, в расселине, ему вторило эхо. - Девочка... философ из меня неважный, а потому скажу тебе, как простой солдат... есть знаки – нет знаков... но ты уже идешь. Дорога возникает под ногами идущего. Главное - не останавливайся...

Вдруг он замер, в неудобной позе, в полушаге.

Тропа делала очередной изгиб, и там-то, сразу за поворотом, я различила два голоса. Светкин, несколько удивленный, вопрошавший, как побыстрее добраться до заповедника, и еще один, отвечавший...

- ... не зачем ходить туда, детка. Это должен сделать совсем другой человек, но ее здесь нет...

Мне понадобилось три прыжка, чтобы вывернуть из-за поворота, с треском продраться сквозь кустарник и кинуться ему на шею.

- Она здесь, профессор Кристенсен!..

- Диана!

- Вы живы!

- Я предпочел бы не быть таковым...

- Кризис среднего возраста, дружище? - хохотнул Тим, миновав кусты в обход и подходя к нам. - Пройдет.

- И ты здесь, старина?

- И я. Почти как в старые - добрые времена, а?

Заулыбавшийся было Элиас помрачнел и отвернулся.

- Почти, - буркнул он, - за «небольшим» исключением.

- Отставить хандру! - Тимоти обнял друга за плечи. - С тебя чай, с нас - добрые вести. Идет?

- Мой дом недалеко, пойдете, - спохватился профессор.

Крытая соломой хижина не отличалась от тех, что стояли в Долине, практически ничем, кроме, разве что, своего местоположения, ибо расположилась она по ту сторону гор, у подножия. Пустоши, или Преграничье, или, как было принято говорить у Эйнириан, Земли Отчуждения, были отсюда как на ладони. Зеленое полотно трав обрывалось резко и неестественно, сходу переходя в желтовато-бурые камни, присыпанные блеклым песком.

Каменистая равнина упиралась в алое марево где-то на горизонте.

- Это только кажется, что далеко, - улыбнулся профессор, проследивший за направлением моего понурого взгляда. На самом деле часов пять пути...

Представив себе пять часов пешего пути по пеклу, да непрерывный сухой в лицо, обжигающие порывы коего свободно ощущались уже в саду профессора Кристенсена, я

совсем приуныла.

- Эх, лошадей бы, да только они по таким камням ноги переломают.

Элиас лукаво подмигнул мне:

- На лошади дня два ковылять. Я имел ввиду пять часов неспешного лету.

- Ваш сын, хотя и чистый ангел, крыльев все же не имел. А мне откуда их взять?

Все еще хитро улыбаясь, Элиас подвел меня к небольшому амбару и распахнул тяжелую деревянную дверь. В пробивавшемся сквозь изрядные прорехи в соломенной крыше солнечном свете я смогла разглядеть небольшой аэроплан, сиротливо стоящий у дальней стены.

- Вон твои крылья, - весело сообщил профессор, полностью игнорируя тот факт, что у меня при виде подарка затряслись руки и вытянулось лицо. – Здесь еще и канистра с топливом есть...

- ...да я не умею управлять этим!..

- Именно на этот случай с тобой отправился я, - еще более задорным тоном, чем профессор, сообщил неслышно подошедший к нам Тим. – Старый солдат еще и не на таком летал.

- Отлично, значит, вы его и поведете.

- Не раньше, чем научу этому тебя. Для твоей же безопасности, - Тимоти с улыбкой развел руками.

Обучение пилотажу и само по себе - занятие не для слабонервных. А уж если за ваше обучение отвечает отставной майор армии Ее Величества...

Вместо того, чтобы усадить меня в аэроплан и подняться в воздух, отставной майор предпочел начать с, как он именовал эти странные действия, предполетной подготовки, выразившейся в том, что мы с Тимоти два раза подряд разобрали и заново собрали аэроплан, попутно проверив

тросы и смазав некоторые детали. На это ушло пару дней. Обнадеженная окончанием столь кропотливой работы и возможностью наконец отмыться от масла и пыли, я встретила утро третьего дня тренировок робкой надеждой на начало занятий по пилотажу. Солнце едва показалось из-за горизонта, когда я, свежая и позавтракавшая, вновь явилась к амбару в назначенный Тимоти час. Он уже выкатил аэроплан и, перегнувшись через низенький борт, что-то яростно дергал в кабине.

- А, курсант! Как спалось? – поинтересовался он, извлекая оттуда какой-то пыльный мешок.

- Отлично, готова к первой прогулке... - бодро начала я и возмущенно вскрикнула, обнаружив, что Тим пытается водрузить ранее замеченный пыльный мешок мне за плечи. – Что такое?!

- Не «что такое», а твоя вторая жизнь, запасной вариант и страховка на крайний случай вместе взятые. Знакомься: ПЛП-60, парашют летчика-планериста, собственной персоной! – гордо отчеканил Тимоти, прилаживая тяжеленный ранец, и затянул ремни так добросовестно, что мне стало трудно дышать.

- Название, по всей видимости, должно вызвать бурю позитива...

Он взглянул на меня слегка недоуменно.

- Конечно. Минимальная эффективная высота срабатывания – 60 метров. Российское производство. Нам повезло.

Признаться, я не понимала, что такого восхитительного таится в этой цифре... пока на втором взлете Тимоти не начал давать мне угрожающую по своей сути теорию приземления на разного рода местность. На третьем взлете он решил не разделять слово с делом и теория неожиданно превратилась в практику на высоте около 600 метров над жухлой растительной поверхностью. Я падала от силы секунды три, когда сквозь свист плотно обтекающего мою беспомощную фигурку воздушного потока разобрала истошные вопли:

«Шестьдесят – минимум!! Дергай кольцо! Дергай!!! Давай!!»
Еще несколько секунд я потеряла, натужно вытягивая – не выдергивая, а именно вытягивая, - не желающее поддаваться кольцо. В момент, когда это наконец-то мне удалось, жухлая растительность приграничных земель, если верить собственным испуганно вытаращенным глазам, уже готовилась пощекотать мои пятки. Резкий рывок и сбившееся дыхание, потом шум в ушах, и наконец – удивительная, блаженная тишина... земля перестала вращаться и менять положение в пространстве, воздушный поток, с гулом обдувавший мою худенькую фигуру, смилостивился и перешел на шепот, небо зафиксировалось в положенном ему положении над головой, и я блаженно взирала на него из под купола. Неподалеку Тим закладывал очередной лихой вираж, экономя бензин и используя парение на восходящих потоках, и радостно выкрикивал мне что-то в форточку.

Он учил меня собирать парашют, менять тросики, взлетать, садиться, и парить в потоках, выключив двигатель, ибо канистру нам не удастся растянуть надолго, а потому топливо необходимо было использовать только на взлет.

Потом он рассказывал, что такое срыв потока, и еще, что штопор – это не кухонный предмет и не бесконтрольное падение, а фигура высшего пилотажа.

Потом учил меня штопорить и выходить из штопора по собственному желанию.

Это оказалось просто, как дважды два, если умеешь сохранять самообладание. Самообладание — то, что я утратила после гибели Ланса, - возвращалось благодаря жестким и опасным тренировкам, требующим всего моего внимания, полной сосредоточенности. Мне пришлось собрать себя по кускам — в этом, похоже, и заключался их план.

Разгадав этот нехитрый замысел, я перестала задавать вопрос, для чего он меня обучает.

Внимательность, концентрация, точная последовательность выверенных действий. Это был отличный способ на время забыть о боли.

- Сегодня ветер, кажется, несколько поутих, - неуверенно произнес Тим, когда мы выкатили аэроплан из сарая. По моим подсчетам, это был двадцатый день тренировок.
- Значит, стоит поторопиться, пока он вновь не поднялся.
- Нет. Ты не готова, - отрезал Тим и отправился в дом за парашютами.

Я достала бутылку воды из сумки и кинула на заднее сидение. У меня было стойкое ощущение, что это он не готов меня отпустить.

Куда держать курс, я знала интуитивно. Этот мир словно установил мне в голову программу навигации.

Форточку пришлось закрыть, но жаркий ветер нагрел фонарь,

и я ощущала себя гамбургером в микроволновке.

Бутылка с водой лежала сзади, что было крайне непродуманно – в полете я не могла до нее дотянуться... хотя, нагретая, она вряд ли сильно облегчила бы жажду.

Прямо по курсу плясало рыжее зарево... Вот и он, Заповедник...

Я посадила планер в отдалении и медленно пошла вперед.

Голос его не был звуком, поскольку не приходил извне, а отдавался тихим знанием прямо внутри меня.

- Подойди. Протяни руку.

Я сделала это: подошла вплотную к оранжевой стене и подставила ладонь. Горячий поток опалил брови и ресницы, обжигал кожу, тут же ужасно захотелось пить.

- Ближе. Пусть пальцы твои погрузятся в пламя... это необходимо, чтобы узнать друг друга.

Пот катился сплошным потоком, застилая глаза. Я протянула ладонь еще ближе, и она исчезла в буйстве оранжево-красных лент по запястье.

Боль и жар внезапно спали совсем.

- Можешь отойти, - услышала я и неспешно вынула ладонь из пекла, которое больше не обжигало. В моей ладони дрожал маленький огонек. – Здравствуй, Альта из клана Огня. Говори.

- Я хочу закончить ритуал. Пришла спросить тебя о тонкостях обряда под названием Зов Четверых.

Некоторое время ответа не было, затем услышала резковатое

- И чем я могу помочь?..

- Расскажи мне последовательность. Что должен делать каждый из четырех.

- Последовательность мало тебе поможет, но что же, слушай. Вы четверо, людей всех этого мира собрать должны, собрать воедино в месте, где все четыре стихии будут соприкасаться. Объединившись с ними и объединив дар каждого из четверых, вы мыслями о доме, о том, что дорого, любимо вами, обнять должны все эти земли, на помощь их призвать себе. И лишь в едином порыве, соединяя желания своих сердец, сумеете барьер безвременья преодолеть и в Дом свой вернуться, не в Смутную Эпоху, не раньше и не позже, но обогнув ее по петле, в ту точку, откуда все исчезло, назад, на Будущего тропу, вернуться сможете. Вот такова последовательность. И много ли тебе сие сказало?

- Похоже, не сказало ничего. Все это у Эрка Ариуса написано. Но что значат эти образы-символы? Что за ними должно стоять?

- Любовь Объемлющая Все должна стоять за ними, тогда из символов и образов в буквальные действия для тебя слова превратятся. Знаешь ли ты, какова Любовь?

- Каждую черточку лица знаю наизусть, как поэму... свет его духа притягивал, он никого в беде не оставил ни разу, слышишь? Так объясни мне толком, что делать, чтобы теперь и я смогла ему помочь?..

- ... а имя любви твоей - Ланс, не так ли?

- Да. Но слова твои не стали мне понятней...

- Конечно, нет. Потому как любовь к одному лишь, пусть даже самая искренняя, способная на жертву, с Любовью Истинной не много общего имеет. Любить того, с кем Обручен ритуалом Огня, не только просто, но естественно. Любить Ланса в принципе не сложно вовсе, ведь ты сказала о нем, что свет его духа притягивал. А твоего собственного духа работа где же?..

- Что это значит?..

- А то и значит, что на одном желании его вернуть не завершишь ты никакого обряда. Напротив. Придется, видно, раз плохо дело с осознанием у тебя, открыть, что, не вложив

силы достаточно, не только на тропу Будущего людей тебе не вывести, мир им потерянный не вернуть, но и Ланса не вернуть тебе в тот мир, потому что отдал он неизмеримо больше, чем ты сейчас за него вернуть способна. Ведь этот человек не понаслышке знал, что представляет собой Истинная Любовь. Что и влекло к нему людей. Вот так-то.

- А я что же?..

- Ты, как истинная дочь клана своего, на такую Любовь вполне способна. И не твоя вина, что две последние жизни тушили искру у тебя внутри, тушили болью, потерями, и смертью твоего избранника повторившейся. Но ты должна понять, ради чего он шел на это. Почувствовать, что чувствовал Элан там, в горящей неуправляемой консервной банке под названием СЛЕДОПЫТ, уводя ее подальше от пресной питьевой воды и человеческих жилищ. Почувствовать, во имя чего семнадцатилетний Ланс Кристенсен принес в жертву себя, не для других даже, а мизерный шанс на их спасение сохраняя, ведь один он завершить обряд никак не мог, сколь бы силен его духовный огонь и ни был. Ошибся он, быть может, что слишком сильно верил в тебя, в твою способность тот обряд закончить. Ошибся, считая, что знаешь ты внутри себя, что значит эта Истинная Любовь, как знал он.

- Что мне делать? Помоги...

- Что делать? Ключ в балансе разума и сердца. Ведь знает это Та, Кем ты Была. И знает также, что собственный ее баланс не идеален... Но помни, что если сила внутреннего огня твоего хоть ненамного меньше, чем сила Элана, отданная вместе с жизнью, то не только мир людям ты не вернешь, но Элана не вернешь уже никогда. Для завершения обряда вы равны должны быть. Твоя любовь к нему лишь компасом станет в безвременье и пустоте, через которые назад людей ты по петле поведешь Домой. Объединить их и дать силу на Переход лишь Истинная Любовь твоя способна. Создай равновесие внутри себя, чтобы уравновесить все, что есть

снаружи. И здесь я, как бы ни хотел, помочь тебе не в силах...
Прощай.

Шаг по песку. Еще шаг. Глаза слепит, но жара больше нет.
Сознание болит, тело болит, ум болит, разум болит – болит
все... сажусь в планер, завожу двигатель, разгоняюсь... слезы
высыхают, не успевая скатиться с ресниц.

Не будет больше никаких знаков. Я сделаю все наугад,
вслепую, опираясь на смутные метафизические сказки о силе,
не имея страховки, не имея почвы под ногами.

Я рискую всем: новым миром, оставшимися в живых, своими
родителями, своей группой, собой... я рискую потерянными
миром, мертвыми-живыми, которых смогла бы спасти, будь у
меня чуть больше знаний... Лансом. А значит – всем.

Нужно заглушить остатки мыслей, сейчас... но я не могу...
страх захлестывает, пальцы не слушаются... и планер
почему-то теряет линию горизонта. Мелькает прозрачная
волна, затем стволы деревьев... трава несется мне
навстречу... жаль, что не успела взять парашюта... глухой
удар... я мысленно обнимаю этот мир и отключаюсь.

- Диана, давай, проснись! Юная леди, просыпайся, я тебя
прошу!

- Саби?!

Он улыбнулся и потрянул черными кудрями.

- Я на Фиджи?! Пожалуйста, скажи, что апокалипсис мне
приснился! Что я болела, а теперь, слава всем Богам, в
порядке! Скажи, что Ланс где-то неподалеку, ждет, пока
открою глаза!

- Ты болела, юная леди, - задумчиво пробормотал Саби. - Но
ты с неба упала одна.

- Она очнулась?
- Да, профессор! Я, пожалуй, отправлюсь заканчивать с воспоминаниями. Тяжело мне это все дается...
- Профессор Кристенсен... что это значит?..
- Это значит, Диана, что Саби принес тебя к нам. Не спрашивай, как он нашел тебя в обломках без сознания... главное, что ты дома.
- Хроник-Мастер показывает что-то Саби?!
- Поскольку он и есть четвертый участник. Но не это важно сейчас... - профессор снял очки и принялся протирать их о рукав рубашки. - Расскажи-ка, что ты смогла узнать в Заповеднике...

ОБРУЧЕННЫЕ ОГНЕМ
фантастика, кидалт

ЧАСТЬ VI - ЗЕМЛЯ
40 - РЫЦАРИ КРУГЛОГО СТОЛА

- Так и сказал? Что нужно почувствовать Истинную Любовь, создав равновесие разума и сердца?
- Так и сказал. И еще: «Для завершения обряда вы равны должны быть».

Брови Элиаса сошлись у переносицы, образовав «задумчивую» складочку. Он запустил ладонь в седеющие светлые пряди и отбросил их со лба, точь-в-точь, как это всегда делал Ланс.

- Все уже выполнено.

- Что вы имеете ввиду?..

На полных губах профессора промелькнула и вдруг во всю силу заиграла теплая улыбка.

- Обручение Огнем сделало вас духовно - одним целым. Все его возможности также и твои, вы равны изначально. Если мой сын обладал способностью ощущать Истинную, Всеобщую Любовь, то и ты ею обладаешь. Точка равновесия между вами существует с момента обручения, тебе необходимо это внутреннее равновесие, чтобы создать внешнюю гармонию. Ты сумеешь.

- Хорошо. И что же нам делать теперь?

- А теперь, когда вся группа в сборе, я намерен с вами поделиться результатом своих размышлений. И прошу вас предоставить мне эту возможность сейчас, за ужином. Так сказать, сбор рыцарей Круглого Стола.

- Рыцарей круглого шведского стола, - подколот Тим, роясь в буфете в поисках привычной бутылки чего-нибудь с градусами.

- Вам наверняка знакомо понятие Осознанного Сновидения. Сновидение не контролируемо и может доставлять некоторые неудобства, пока мы думаем, что все происходящее с нами в нем - реально. Бывало ли с вами так, что вы со всех ног бежите по улице, а на нечеловеческой скорости вас преследует маньяк или зомби, и уже настигает, как вдруг вам приходит в голову — да ведь это мне просто снится! Если вы сумеете не потерять эту мысль, и при этом остаться во сне, сновидение превращается в контролируемое.

- Да, то есть, при определенной практике человек может выполнять во сне разнообразные удивительные вещи, например летать, ходить по стенам или телепортироваться. Но зачем?

- Кто-то использует сновиденные миры для обучения, кто-то для исцеления, тк мозг не делает разницы между бодрствованием и сном, и порой панацея, принятая в сновидении, исцеляет и физическое тело спящего. Другие просто удовлетворяют там свои нереализованные потребности. Но нам все это не пригодится.

- Почему?

- Потому что у нас, в отличии от других, есть конкретная заранее поставленная задача. Первым делом нужно уяснить, что окружающая так сказать действительность имеет много общего с миром сновидений. Представьте, что до того, как лечь спать, вы намечаете себе определенный сценарий. К примеру, вы хотите во сне полететь в Доминикану. Вы даете себе подобную установку, ложитесь, засыпаете, но во сне вам не удастся полностью осознать себя, и вместо того, чтобы вы летели в Доминикану, план с Доминиканой летит ко всем чертям. Возможно, вам напомнят о нем пейзажи Доминиканской Республики на стенах сновиденной квартиры, или что-то иное, но вам так и не удастся реализовать плана, поскольку вы попросту забыли о нем, и не совершаете шагов.

- То есть, сновидение не становится контролируемым?

- Или становится частично, когда вы осознаете, что находитесь в сновиденном пространстве, но забываете, что планировали перед тем, как туда попасть.

- Мне кажется, или вы намекаете на нашу Миссию и текущую

жизнь?

Профессор улыбнулся.

- Прямым текстом говорю, ведь воплощение на Земле стирает Память об истинных задачах получше мира грез. Но опытный сновидец все равно найдет способ себе о них напомнить. Именно это сделала ты, создавая Хроник-Мастер — некий универсальный артефакт - напоминатель Задачи. А теперь представь, что сон имеет разнообразные уровни, один внутри другого, в которые можно попадать последовательно, и каждый уровень имеет собственную глубину. Скажем, на самом нижнем вы не только забудете о Задаче, но также забудете о самом сне, и начнете воспринимать все всерьез. Маньяки будут бегать в пятнадцать раз быстрее гоночной машины, головы людей начнут превращаться в воздушные шары, но даже это не напомнит вам, что вы не находитесь в реальности, бредовость происходящего будет казаться пугающе настоящей. А теперь представьте, что эти разнообразные уровни — и есть наше Мироздание.

- Ладно... и где в этой схеме мы?

- Мы... - профессор задумался, и взял с подноса яблоко. - Где мы. Я думаю, тебе знакома концепция Адвайты? В Европейской философии Нью Эйдж она известна, как Закон Одного. Скажи мне, Диана, с чего начинается яблоко?

- Эмм... с цветка.

- А цветок с чего?

- С почки. А почка с дерева.

- Хоршо, тогда с чего начинается дерево?

- Эмм... с семечка?

- А семечко?

Яблоко в руке профессора красноречиво замыкало круг.

- Ну ладно, я понимаю, все замкнуто в себе, и дерево является в каком-то смысле и семечком и яблоком, проходя определенные этапы роста. Но ведь дерево принципиально отличается по структуре от плода.

- Вот в этом и есть вся штука с пространством и временем. С одной стороны, семя — росток — дерево — листья и почки — цветы — плоды — семена — это замкнутая в себе последовательность, с другой — дерево, листья, цветы и плоды могут существовать одновременно в определенные времена года. Например, поздней весной и в начале лета. Если представить себе ствол, ветви которого связаны с корнями, мы получим нечто вроде модели тора. Пространство и время существуют только внутри модели, как и разнообразие вероятностных веток развития событий, и имеют свои измерения. Как ветви дерева могут развиваться по-разному — одни растут и дают плоды, другие засыхают, так и ветви вероятностей могут отмирать или уничтожаться. Именно это произошло с той вероятностной веткой, на которой мы находились.

- Но ведь мы туда и попали, чтобы изменить это?! Тогда на каком этапе мы все оказались сейчас?

- Сейчас, как не сложно догадаться, мы на развилке. В пространстве, где происходит выбор одной из линий-ветвей. Ланс перенес наши сознания в участок пространства в точке нулевого времени, чтобы оставшиеся — мы - смогли продолжить путь, но выбрать верную ветвь. Данное пространство-время, или мета мир, на самом деле не существует ни на одной из веток Древа, это и есть внешняя точка равновесия, поэтому из нее все еще существует выбор между двумя вариантами. Мы знаем, что наш выбор - совершенно другая линия развития событий, без

апокалипсиса, тк наша ветка вероятности в этой временной координате распадается (засыхает). Эрк Ариус называл переход замыканием петли. Но он был один, у него не было четверых вызывающих для завершения Задачи. Поэтому он смог решить ее лишь наполовину. Сейчас мы находимся в месте, подобном сновиденному пространству. Догадываешься, Диана, почему ты способна видеть пророческие сны?..

ОБРУЧЕННЫЕ ОГНЕМ
фантастика, кидалт

ЧАСТЬ VI - ЗЕМЛЯ
41 - ЖРЕЦ КУЛЬТА СТИХИЙ

Я бежала сквозь заросли тропического леса. Дождь лупил сверху нещадно, разве что не оставляя на теле царапин. Босые ноги скользили по мокрой тропинке и спотыкались о корни. Но я старалась бежать еще быстрее — я должна успеть. Успеть... необходимо успеть... вот только не помню, куда. Помню лишь, что это невероятно важно... Джунгли наконец расступились, и я увидела озеро. Оно блестело, словно огромное зеркало, в лучах заходящего солнца, просочившихся сквозь рваное серое небо. Я подбежала к самой воде. Несмотря на то, что ветер трепал

мои волосы, поверхность оставалось идеально ровной, и кажется, что если бы я решила зачерпнуть рукой воды, ногти царапнули бы амальгаму.

Я знаю, я должна что-то вспомнить. Я сюда за этим пришла...

Солнечные лучи начали двигаться, словно свет от прожектора, прямо ко мне, и в тот миг, когда они выхватили меня, сидящую у самой кромки, я разглядела вокруг множество маленьких красно-белых цветов. Однажды я их уже видела... они символизируют любовь... или нет... было сказано - «этот цветок приносит удачу влюбленным». Я наклонилась и сорвала один. Его нераскрывшийся бутон был похож на капельку. Маленькую алую капельку крови, некую добровольную жертву... раскрытый цветок был двухслойным — внутренняя белая часть открывалась взору в обрамлении внешней алой. Второй этап Формулы. Создать из смерти Жизнь. Эти слова звучали в мыслях невыразимо плоско по сравнению с ощущением, возникшим внутри... я хотела следовать за ним, за этим ощущением... солнечный луч покинул меня и вернулся к центру озера, где, кажется, на поверхности что-то есть... я сделала шаг в воду, но ступни коснулись твердой зеркальной глади.

Несколько шагов по серебрящемуся зеркалу.

Там, в самом центре озера, был ответ тот на вопрос, который я не могу вспомнить.

Поскользнувшись, и потеряв равновесие, я обнаружила, что продолжаю нестись в направлении центра озера, как если бы ровная гладь превратилась в воронку... неминуемо, желание найти ответ увлекало меня к нему, словно в водовороте... вода... и вот теперь это действительно была вода...

Мы столкнулись в центре водяной воронки, с бешеной скоростью всверливающейся в дно.

Даже в самом глубоком сне, таком, как этот, я вспомню его лицо. Узнаю и в бледном утопленнике с посиневшими губами. Потерянном в безвременье. Его остановившееся сердце и было жертвой, о которой настойчиво напоминали яркие алые капли цветов Тагимаусиа.

«Слезы во сне». Его кровь. Мои слезы...

Я никогда не забуду об этой жертве, даже на самом дне. Поэтому сейчас обниму его, и мы вместе отправимся прямо туда.

А воды озера сомкнутся над нами, вновь становясь Зеркалом...

- Я так рад, что ты нашла меня здесь.

- Тагимаусиа мне подсказали.

Мы висели в мягкой обволакивающей тьме. Но я могла его видеть.

- Ланс. Я запутался в сновиденном и реальном...

- Давай я тебе помогу. Вещи могут казаться разными по форме, но являться одинаковыми по сути. Если мы сделаем модель...

Он вытянул ладонь вверх и из нее посыпались маленькие огненные цифры. Поднял вторую, и цифры между ладонями закрутились последовательно спиральным потоком, образовав тороид.

- Вот, гляди. Ариус говорил о замыкании петли, имея ввиду смену ветви вероятности развития событий. Это и есть Квантовый Принцип. Познакомься с нашим Жрецом.

Едва он произнес это, от окружающей тьмы отделилась тень. Возможно, злую шутку сыграло мое восприятие, но Эрк

Ариус, печально знаменитый Жрец Культа Стихий планеты Эйнир, действительно выглядел сейчас, как бесплотная серая тень. Я с трудом могла разобрать его черты.

- Здравствуй, Альта из Клана Огня. Мы знали, что ты придешь.

- Почему вы так... похожи на призрак?..

Жрец вздохнул.

- Я похож на призрак, потому что уже несколько сотых периода питаю переходный мир вашей родной планеты. Ведь переход там не завершил никто. Твой партнер выглядит «живым» гораздо более, ведь он создал подобное пространство лишь недавно. Ты должна знать, что Жертва, являющаяся Залогом Перехода, питает своей энергией, своим огнем, собственным духом - созданное пространство. Это — суть творения. Сотворенное живет, пока Творец «горит» и дает ему «топливо» своего огня. Мой огонь почти иссяк.

- Что нам необходимо сделать?

- Завершить переход, воззвав. Тогда ты вернешь залог.

- А вам мы можем помочь? Что будет с Эйниром, если вы исчезнете?..

- Замокните Петлю в данном пространстве. С Эйниром произойдет то же, что и с Землей. Я пришел попрощаться с вами, мои преемники. На общение сейчас я трачу последние силы своего духа. Помни, Взывающая, что не один и даже не два мира будут отныне лежать на твоих плечах. Спасая Единственного, ты должна будешь защитить всех остальных, и только справившись с этой задачей, ты получишь назад Залог Перехода.

Тень стала делаться все бледнее, наконец я перестала его различать. Какое-то время мы с Лансом молча смотрели в том направлении, где только что она еще находилась. Если бы все это произошло наяву, вероятно, я ощутила бы горечь и замешательство... но сейчас мое сознание было иным. Я должна была узнать основы. Я не могу допустить, чтобы Ланс

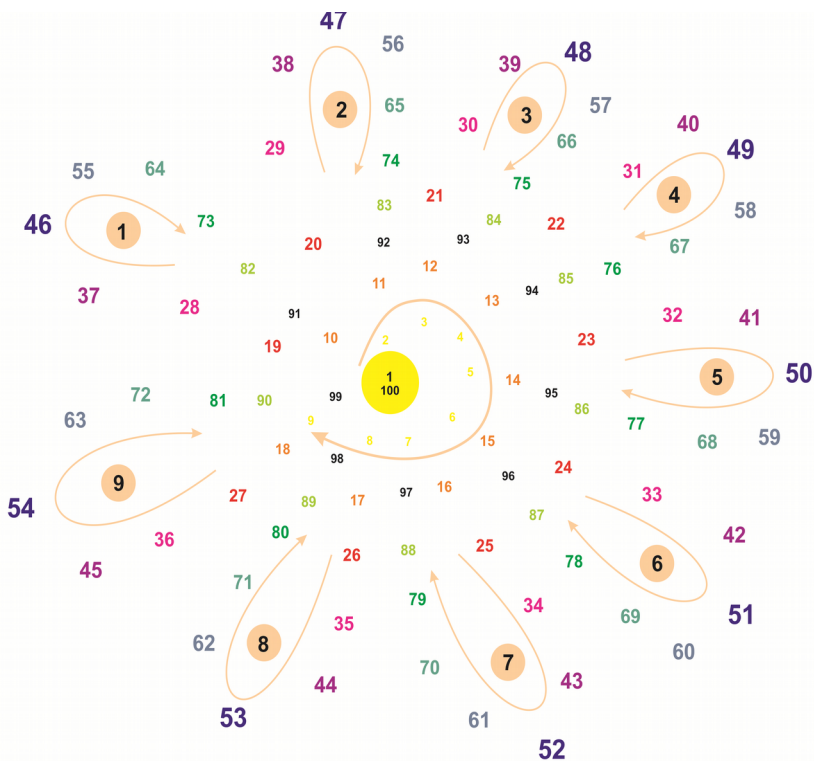
тоже превратился в тень.

- Расскажи мне, что нужно делать.

- Я сейчас передам тебе Знание, не бойся его забыть — принцип простой и находится в нас самих, Вызывающие - его носители...

Он указал на состоящий из чисел тороид, который все еще висел перед нами.

- Квантовый принцип это в прямом смысле универсальная модель. Она верна для систем любого уровня. Атомов, или звездных систем... Алгоритм такой. Если ты будешь идти по порядку, 1,2,3,4,5,6,7 — и так далее... то увидишь, что последовательность скручена в спираль. Если ты проследишь за лучами, то заметишь, что каждое число в них, состоящее из разных цифр, когда их сложишь, дает одну и ту же сумму.

Каждое число — это уникальный вибрационный код пространства. Давай пронумеруем лучи для удобства — кстати говоря, не случайно их всего - девять. Как миров на Иггдрасиль Ясене. Таким образом, пусть числа от 1 до 9 обозначают миры. Возьмем первый луч. Взгляни-ка на двузначные числа, которые его образуют? Если ты сложишь их составляющие цифры, в сумме каждый раз будет получаться номер луча.

$$19: 1+9=10=1+0=1$$

$$28: 2+8=10=1+0=1$$

37: $3+7=10=1+0=1$, и так далее, и каждый раз упрощением получится единица. Если ты условно назначишь каждой частоте свое число, то сможешь услышать разницу звучания миров и их подпланов - измерений. Если единица — это мир, то составляющие его двузначные числа будут его подпланами, от самого низкого до самого высокого, это как повторение одной ноты на разной высоте, то есть подпланы 19 и 28 — это условно, нота До первой и второй октавы. Не запуталась?

- На данный момент у меня в голове от обилия цифр настоящая какофония...

- Это не важно, главное здесь — понять сам принцип, и ты начнешь писать музыку, - он улыбнулся, выбирая из первого луча подплан (измерение?) числа 28 и сменяя все остальные цифры в сторону. - А теперь еще один уровень нашей карусели! Внимание: вероятностные линии развития.

- Стоп. Мне кажется, я уже знаю. Двузначное число 28 может быть образовано разными трехзначными, четырехзначными или n-значными числами путем последовательного сложения образующих их цифр, так? Это и будут линии вероятностей внутри подплана. То есть, $1=10=28=109=118=127=136$ и так далее.

- That's my girl! Все верно.

Ох уж эта улыбка... Как если бы он никогда не умирал у меня на глазах.

Я ощутила, что вот оно — мое последнее испытание.

- Ди, есть еще момент.

- Какой?

- Уровни вероятностных линий. Те самые трехзначные, четырех- или n-значные числа, о которых ты говорила. Менять линию нужно в самом начале, то есть на первом уровне — они обозначены как трехзначные числа. Четырех и более значные — это вложенные вероятности более мелкого порядка, то есть внутри нашей ветки это разные версии апокалипсиса.

- Поняла, замена линии например, 1126 на 1135 не поможет, необходима замена, например, 118 на 127, так?

- Да.

- И как я узнаю, на какую линию мне нужно выполнить замену?

- Это число будет самым ярким из всех, что означает, что линия является самой позитивной - как ветка дерева, наиболее наполненная соками - из всех имеющихся вероятностей для Земли.

- Вот так вот просто?

- В жизни все просто.

- А каким из девяти миров является наш по счету?

- Иггдрасиль... Мидгард. Равновесная точка в центре. Одна из. Такая же, как и Эйнир.

- Мидгард... или Срединные земли, точка равновесия... из последовательности 1-9 это пятерка.

- Верно, поэтому всяческие эзотерические учения и говорят, что человек пятеричен...

- А какой наш подплан из 10?

- Трехмерное пространство — третий подплан или измерение, где пространство функционирует в связке со временем. Время в трехмерном пространстве линейно, то есть 3d миры имеют

первое измерение времени. Пространственных подпланов — 12, на первых двух нет жизни, потому что нет времени. Временных подпланов — 10. Как ты понимаешь, по этой схеме, мы с тобой пришли не только из другого пространства, но и из другого времени.

- И я подозреваю, что точка отсчета для нас — не Эйнир.

- Да. Существуют переходы между мирами и измерениями. Чтобы попасть в нижний подплан срединного мира, предстоит протянуть нить через все подпланы сверху вниз — это означает, что твое сознание будет существовать одновременно на всех возможных частотах во всех вариациях. За счет чего станут возможны нелинейные переходы через нулевую точку, откуда ты имеешь доступ к любой частоте своего сознания в любом из измерений и миров. Эмм... известный науке аналог ноль-пространства — теория червоточин, Парадокс Эйнштейна-Розена. Аналог в скандинавских мифах — радужный мост. С точки зрения линейного времени 3х-мерного пространственного измерения, подобный процесс занимает триллионы линейных лет. Поэтому необходимо создание мета-мира с нулевым временем для завершения перехода — своего рода, червоточина. И поэтому нужно двое огненных. Один создает мета-мир с нулевым временем, второй выбирает и устанавливает координаты перемещения в новую линию, и замыкает петлю. Остальная группа работает как балансиры. Мы — мосты...

- С этой точки зрения, наше обручение выглядит как создание дуальной системы, которая на самом деле формирует единство цели. Какая красивая идея... Мы всегда вместе. Это наш с тобой собственный закон...

- И знаешь, что еще?

- Что?

- Изначально Огненные — мосты, мы существуем, чтобы создавать общий порядок и общее благо, жертвуя собственными интересами... отдавая себя на службу Общему,

мы не просим, чтобы кто-либо служил нам взамен. Я не думал о личном, пока я жил, не думал и в момент принесения жертвы... но именно сейчас, в безвременье, вдруг ощутил себя настолько жадным до жизни, простой, человеческой! В лучшем смысле этого слова! Я хочу быть с тобой там, в линейном времени, со всеми трудностями этого измерения, где есть старость и болезни, но... где мы можем прикоснуться друг к другу... ощущать ветер на коже... войти в море и попробовать соль морской воды на вкус... использовать телесное, физическое восприятие. Поэтому замкни Петлю, и мы послужим Общему, как должны. Но после — я лишь хочу обнять тебя... просто хочу жить...

ОБРУЧЕННЫЕ ОГНЕМ
фантастика, кидалт

ЧАСТЬ VI - ЗЕМЛЯ
42 - СЕРДЦЕ И РАЗУМ

За завтраком все «рыцари круглого шведского стола», за исключением помятой и взбудораженной меня, выглядели как обычно. И я, как обычно, начала без обиняков, огорошив друзей необходимостью опять собирать дорожные сумки.

- Ди, а ты не пояснишь ли, зачем возвращаться в Долину?

- Там мы реализуем Квантовый Принцип, замкнем Петлю, о которой говорил Ариус, и совершим квантовый скачок.
- Ты хоть раз в жизни можешь перестать корчить из себя умника и снизойти до уровня нормальных людей?.. - подколола Светка, спешно дожевывая завтрак.
- Не знаю, что именно подразумевает Диана, но про квантовый скачок с точки зрения науки я могу тебя просветить...
- Извольте, профессор...
- Как тебе, должно быть, известно из школьной программы, атом — условная наименьшая часть химических элементов, этакий строительный кирпич. Он в свою очередь состоит из атомного ядра и отрицательно заряженных электронов. Ядро же - состоит из положительно заряженных протонов и нейтральных нейтронов, связанных при помощи так называемого сильного взаимодействия. Квантовый скачок — переход из одного состояния системы в другое, с одного уровня энергии на другой. Например, меняя орбиту, электрон движется не линейно и постепенно, как физические трехмерные объекты, - он перемещается мгновенно. То есть, он исчезает с одной орбиты и появляется на другой. Определить будущее местоположение электрона или время скачка наука еще не умеет, но можно постараться обозначить вероятность нового местоположения электрона.
- Ясно. В общих чертах: никто не знает, почему, но электрон в атоме может менять орбиту, когда и куда он переместится — тоже никто не знает.
- В очень общих чертах.
- Диана? Твоя реплика? Мы собрались сломя голову менять орбиту?
- Мы собрались менять вероятностную ветку с апокалиптической на благополучную, чтобы вернуться в свой, но все еще целый и здравствующий, мир... и я сильно надеюсь на вашу помощь. Не знаю, как электрон вычисляет свое новое местоположение, а мне способ выбора координат

для нас подсказали.

- Очередное пророческое сновидение?

- Да.

- Пойдем паковать вещички, - хмыкнул Тимоти, вставая из-за стола.

На обратном пути через горы мы захватили немногочисленное население Города Нигде, выслав самого трезвого горожанина вперед в качестве вестника. Поэтому в Долине нас уже ждали.

Жители собрались на том самом месте, куда мой отец уже приводил меня на собрание. Люди изумленно взирали на разношерстную компанию, явившуюся со мной, и в глазах их застыл немой вопрос.

Я должна была объяснить им, что сейчас произойдет.

Должна была. Но не могла придумать, как это сделать.

Что мне следовало им сказать?

«Дорогие выжившие сновидцы, мы, ваши друзья, являемся реинкарнациями двух разных инопланетных рас, которые в данном воплощении не отличаются от вас, находятся в том же сомнительном и опасном положении, вследствие чего наконец, сумели достичь консенсуса, и сейчас мы все вместе, длинным строем, устремимся в светлое будущее на другую ветку вероятности развития событий, где апокалипсис отменяется. Вот моя команда Перехода, с которой, при вашем непосредственном участии, мы собираемся реализовать Квантовый Принцип. Только не спрашивайте, что это такое, потому что, чтобы понять это, мне пришлось выйти за пределы плотного мира. Прошу любить и жаловать спасителей человечества, о которых вы до сей минуты не имели никакого представления...»

Вроде бы чистая правда. Но ожидаемый когнитивный

диссонанс и большое количество сложных и несущественных в моменте Сейчас вопросов вряд ли смогли бы помочь добиться желаемого.

Я чувствовала — вот он, еще один мой не сделанный вовремя выбор, тот самый, который нужно было сделать давным давно, он назревал и созрел столь долго, что даже несколько перезрел, но деваться некуда — точка равновесия должна быть найдена. Баланс Разума и Сердца.

Подсознательно, я всегда отделяла себя от людей. Полагала, внутренне зная о Задаче, что я чем-то важнее, ценнее и лучше каждого из них. Не считала нужным подгонять мышление под стандарты и «вписываться в общество», вызывая тем самым у людей удивление, смущение, смятение... а порой и самую настоящую обиду. Мое равновесие всегда было смещено в интеллект, мои цели всегда ограничивались делом. Мне, по сути, было все равно, что люди чувствуют, находясь в моем обществе. Это являлось их личной проблемой. Нет, конечно, я не хотела никому вреда, старалась помочь по мере и сверх меры сил, но при этом оставалась эмоционально холодна к ним. Я считала, что люблю отца и мать, но относилась и к ним не лучше, не рассказав о самом главном, не поделившись планами, не позволив им приблизиться к пониманию моих мотивов даже на шаг. Любила ли?

Возможно, по-своему, ведь лишь из огромной любви и можно взять на себя самую страшную ответственность — ответственность за других, как за самого себя. Однако, важно и то, как ты ее несешь, что чувствуют те, за кого ты отвечаешь, рядом с тобой...

Я взвалила свою ношу на плечи, как непомерно тяжкое бремя, и тащила, скрипя зубами, только ради, в сущности, одного — единственного, по-настоящему моего, человека. А если еще честнее — ради того, чтобы этот единственный, все всегда понимающий, уникальный и родной человек был рядом с моей персоной. Ведь он выправлял мой перекошенный в интеллектуальную сферу баланс силой своей любви...

Оглядываясь назад, на свой путь, я так и не поняла, как ему удавалось. Но он позволил ощутить мне это сегодня. Позволил почувствовать, что в том, чтобы просто жить, и просто быть человеком, и порой поддаваться эмоциям, нет ничего низменного или недостойного. Напротив, в том, чтобы стать людьми — настолько большая честь, что я не имею права пренебрегать ей.

И вот сейчас отдельные представители тех, кем я в интеллектуальной гордыне позволяла себе пренебрегать всю эту жизнь, смотрят на нас в поисках ответов, и я вновь не знаю, что сказать им.

Я представила, что сделал бы тот, чье присутствие, единственное, - всегда приносило смысл в мое существование. Он бы ни за что не позволил себе оскорбить людей, ни словом, ни делом, ни их отсутствием. Если он и не говорил всей правды, то делился чем-то неизмеримо большим — глубинным ощущением любви, исходящей от звезд, от самого Истока, любви, всегда сообщающей истину — на доступном абсолютно любому живому существу языке... Это и есть наивысшая степень Разумности...

Я вдруг ощутила поток, не имеющий направления, наполняющий словно со всех сторон... я так отвыкла от него, ведь единственным его бесперебойным источником был для меня Ланс. И теперь поток обрушился, и я жадно вбирала в себя свет, и как никогда раньше, чувствовала Присутствие. Присутствие всех и всего в этом потоке, глубинную, генетическую, субатомную взаимосвязь, огненную связь всего со всем, всех со всеми. За моей спиной нарастала волна, у меня словно росли крылья, с болью, такой, как если бы разрывали плоть и ломали кости, но росли, те самые, способные всех укрыть от любой беды... из груди вырывалось сердце, как будто увеличиваясь в размерах до бесконечности, чтобы вместить в себя все, что есть вокруг...

Когда же поток заполнил меня собой под завязку, заполнил все клеточки, все расстояния внутри атомов, то хлынул через

меня наружу, я смогла сказать им правду, уместив ее в несколько слов.

- Друзья, мы сейчас здесь, с вами, потому что это - тот самый момент, когда мы все вернемся Домой. Я узнала, как это сделать, но не сумею справиться без вас. Ведь я — одна из вас...

Мы встали в круг все четверо, взяли за руки. В первых рядах я заметила родных — маму, отца, Тима, Германа Вольфовича... женщину-библиотекаря, невольно ставшую свидетелем нашей первой встречи с Лансом... впрочем, все эти люди без исключений стали сейчас родными.

Мы, четверо, держали друг друга за руки, добела сжимая пальцы. Мы знали Формулу. И произнесли.

*Огонь духа, что горит в каждом из нас.
Бездонный омут души – вода.*

Отец, несущий семя жизни и разума – мысль – воздух.

Мать, создающая плоть, сыра земля.

Мы — Эйнириане Альта из Клана Огня, Натос из клана Воды, Алианос из клана Воздуха и Таи из Клана Земли, и с нами вместе — Земляне, во имя Соглашения и ради самой Жизни, взываем к вам. Мы просим о реализации Квантового Принципа, для перемещения на другую линию вероятности, через локальный мета-мир времени Ноль, созданный Эйнирианином Эланом из Клана Огня, в координату, идентичного текущему Земному времени, в вероятность, которую мы укажем.

Пространство вокруг завертелось, лица смазались. Люди все еще были там, я это знала, но вихрь только зарождался, и не успел захватить их.

Из груди Светки вырвался зеленый луч, обошел каждого из нас по спирали, достиг центра круга, взорвавшись зелеными искрами.

Синий луч профессора Кристенсена вскоре повторил его путь, влился в центр и сформировал из искорок цифры.

Серебристый луч Саби скрутил цифры в тор, и модель повисла передо мной. Такая же, как та, что демонстрировал Ланс, пока мы были в безвременье. Квантовый принцип, или портал, как хотите... действительно находился в нас...

А теперь — я должна задать целевую координату.

Выбрав пятый луч, третий подплан, обозначенный как 32, я увидела, что число развернулось сетью трехзначных чисел-координат.

Я всматривалась в них.

Искала ту, что светится ярче.

Искала. Но не находила.

Потому что все они - были одинаковыми.

Абсолютно. Совершенно. Тотально. Идентичной светимости. Цвета. Размера.

И еще они постоянно дергались и мельтешили, как экран телевизора, передающий слабый нечеткий сигнал.

Кажется, еще немного, и я снова начну бояться и паниковать.

«Огонь духа, что горит в каждом из нас... помоги найти дорогу домой...»

Ничего не произошло. Цифры не светились. И по-прежнему друг от друга не отличались.

- Альта, давай свой золотой луч уже сюда, домой охота! - Светка только подумала это, но я услышала.

- И как я должна это сделать, интересно?..

- А что это такое - Огонь Духа, Альта? - мысленно спросил профессор Кристенсен хитро прищурившись.

- Что такое духовный Огонь, профессор?.. Духовный Огонь — это вектор Намерения. Намерения самого Истока, реализуемого через нас. И я бы хотела стать наконец проводником этого Намерения. Сейчас и здесь. Раз и навсегда...

- Получилось! - мысленно рассмеялся Саби, видя, как четвертый лучик совершает свой оборот.

Ее стало видно, целевую координату. Одну единственную, верную. Я теперь видела только ее.

И я ее выбрала...

Вращение ускорило многократно. Смотреть на мельтешенье вокруг было невыносимо, показалось, меня сейчас стошнит. Я закрыла глаза, и тошнота прошла. Стало пусто и спокойно, темно, как будто в черной комнате без окон выключили свет. И в этой черноте не было ничего. Даже моих друзей. Даже меня и моих мыслей. Не было и чувств, и той любви, которую едва научилась выдерживать, пропуская через себя... осталось только намерение, золотой стрелой несущееся в пустоте.

Намерение само прокладывает верный путь.

Когда я вновь ощутила себя всего лишь собой, пришло неожиданное осознание: мне жутко холодно! Ужасно холодно, я лежу в воде, и прямо под ухом трелью заливаются одинокая безумная лягушка.

Вот они — те самые физические ощущения, особенность плотных миров. Бывают ведь и приятными, но не сегодня.

Небо было чистым. Смеркалось. Сзади послышался тихий стон.

- О, Стихии... где это мы? - пробурчала Светка.

- Кажется, лежим у какого-то пруда... - невозмутимо прокомментировал профессор, присаживаясь и выливая из рукавов пиджака воду.

- У пруда?! Мне показалось, что В.

- То несущественные детали, - съязвила Света. - Главное, что все живы и все здесь.

Я поднялась, пошатываясь, и огляделась. Да. Это было оно - то самое место, куда я выпала из своего магического забытья вслед за Лансом. То самое уже знакомое, внушающее мне смесь ужаса и скорби, место. И нас все еще было четверо. А это значит, что...

- Здесь НЕ все.

- Ну как, получилось?.. - растерянно протянул Саби, выбираясь из соседних камышей. - По-моему, это не совсем Фиджи.

- Совсем не Фиджи, и даже не Рио-де-Жанейро. Вынуждена сказать, «Добро пожаловать в Россию».

Получилось или нет — это вопрос.

- Судя по всему, Диана, только ты имеешь представление, где мы... - начал профессор, но осекся, увидев выражение моего лица.

- К дому — если он у нас остался - вон в ту сторону... километров пятнадцать вдоль трассы, потом начинается город.

Я развернулась на пятках, и как можно более бодро зашлепала мокрыми кедами в указанном направлении.

Итак. Вопреки ожиданию, Ланса с нами нет. Значит, я все-таки просчиталась с нужной вероятностью, и залог перехода остался не возвращен... Прочь, прочь от этого места. Лучше бы в залог забрали меня...

Если бы он только вернулся вместе с нами, вся эта планета, и весь этот подплан и все прочие подпланы, вместе взятые, показались бы мне родным домом, и во веки веков!..

После того, как мы продрались через кусты и вышли на трассу, мокрая и грязная одежда оказалась еще и рваной. Пытаясь отвлечься, я было подумала, что в таком виде поймать попутку можно и не мечтать... но в этот самый момент нам кто-то посигналил, и из подкатившего Мицубиши выглянула миловидная ухоженная блондинка:

- Добрый вечер. Подвезти вас?

- Не подскажете, в какую сторону город?

- По пути. Давайте подброшу?

- Нет. Спасибо...

- Диана, ты что, ее знаешь? - подозрительно поинтересовался профессор, тщетно приглаживая волосы.

- Нет.

- Тогда как же одинокая особа в хорошем авто не побоялась четверых сомнительных кикимор?..

В этот момент возле нас вновь остановился автомобиль, на

сей раз - Ауди А6, и парень лет двадцати выдвинул второе сверхлюбезное предложение подвезти до города, перекрикивая ревущие из динамиков внушительные басы. Мы вновь вежливо отказались.

Третий автомобилист, притормозивший со ставшим уже неоригинальным предложением помощи, был отправлен восвояси одним взмахом руки.

- Они такие... добрые... - задумчиво пробормотала Светка. - Мы однозначно в лучшем мире. На той вероятностной линии планеты Земля, где до апокалипсиса жила я, никто не остановится вечером на трассе, чтобы подобрать четверых грязных оборванцев.

- Диана, ты как?.. - шепнул профессор. Вместо ответа я зарыдала и ткнула носом в его измятый пиджак.

Только на сей раз это не были слезы катарсиса и духовной экзальтации.

- В какой момент я ошиблась?! Вы умнее, так скажите! Где ваш сын, я спрашиваю!.. Не смогла... опять не сумела ему помочь! Сколько ж раз подряд можно так облажаться!

Рядом услужливо притормозило очередное авто, и боковое стекло медленно поползло вниз.

- Подбросьте до ближайшего апокалипсиса! - простонала я в тонировку, предвосхищая очевидный вопрос. - А лучше заберите домой этих троих, с них приключений достаточно. До апокалипсиса можно идти пешком.

Не обращая внимания на односложные протесты профессора, я развернулась и устремилась вперед, по дороге.

- Поезжайте, - слезы стеной застилали глаза, а под рукой оказался разве что грязный рукав. - Мне нужно побыть одной.

Как ни странно, посыл сработал: сзади послышался щелчок открывающейся двери и скрип сидений.

Автомобиль, однако, не спешил меня обгонять, а медленно ехал позади, подсвечивая фарами путь. Этот излишне сердобольный водитель начинал раздражать.

Вероятно, он тоже потерял терпение, ибо вдруг резко дал по газам, объехал и перекрыл дорогу.

Но не тут-то было: я обогнула машину по обочине. Апокалипсис — значит апокалипсис. Буду идти пешком по направлению вдаль, пока не свалюсь.

Услышав, как водитель открыл дверцу и выскочил на асфальт, я развернулась с твердым намерением прокомментировать его назойливость нецензурно.

- Это такое принудительное добро?!

- Уверен, ты не станешь возражать.

Он стоял, облокотившись о капот профессорского лэндровера, и улыбался самым нахальным образом.

- Второй раз меня зря оплакиваешь.

- Откуда машина?

- Я приехал на ней перед Соглашением. Вот, решил любезно подбросить друзей — не идти же, в самом деле, после трудового дня.

Я кинулась на него с кулаками. Ланс схватил меня в охапку и принялся целовать, очень нежно, в лоб, в щеки, игнорируя неуверенные попытки сопротивления.

- Так приятно снова стать живым. Пусть и битым.

- Как у тебя совести хватает шутить?! Да я целых 15 минут полагаю, что потеряла тебя окончательно!

- Не надейся, ты от меня не отвяжешься. Мы ведь обручены.

- Ты хотел сказать, обрЕчены?

- И это тоже, если не сядешь в машину. Комары здесь голодные, чувствуешь, доедают?

Город пульсировал огнями и звуками, гудел тысячами голосов.

Профессор окликнул одного из прохожих спросить, что здесь празднуют.

- Как что? Эй, это же карнавал... кому для веселья нужен повод?..

Определенно - очень отдаленная от предыдущей линия вероятности.

Поддавшись всеобщему настроению, мы бросили машину на обочине и пошли с толпой. Никто не чурался нас из-за грязной рваной одежды. Они словно не замечали ее. Она их эстетически не задевала.

Вдоль дороги висели цветные гирлянды, лампочки переливались практически в такт мелодичной музыке, звучащей где-то внизу, на центральной площади. Горожане со всех сторон устремлялись туда. Они были нарядными, красивыми, беззаботно радостными. Мотив песни показался мне смутно знакомым.

«По хрустальным тротуарам, мимо взрослых и детей

Мы идем, чуть улыбаясь, в облике простых людей...»

На площади к нам подъехал мальчишка. Он управлял велосипедом, к которому спереди был прикреплен большой поднос, заставленный едой и напитками.

- Угощайтесь, друзья!

- Сколько это стоит? - уточнила я по привычке.

- Сколько что?

- Сколько мы должны?..

Мальчишка удивленно вскинул брови:

- Должны?.. Вы должны попробовать закуски. Берите что хочется, это же кар-на-вал!

Мне определенно нравится это место, - заметил профессор, осушив стаканчик с фруктовым коктейлем. - Еще бы Тима и Олю к нам.

- Ладно, но как быть дальше? Есть новая миссия? – задал Саби несколько неожиданный вопрос. – Что мы потом станем делать?

Музыка стихла, последняя строчка прозвучала а-капелла: «Оставим чудеса для тех, кто ищет небеса для всех...»¹⁰

Мы четверо как по команде посмотрели на Ланса.

- Да, что ты решил, капитан? - хихикнула Светка и кинула в него взятым у мальчика с подноса яблоком.

Ланс поймал его на лету, с минуту рассматривал, а затем произнес с театрально таинственной улыбкой, изобразив свой излюбленный «прорицательский нахмур бровей»:

- Друзья, поскольку я ваш бывший теперь уже капитан, то приму за всех нас решение в последний раз.

- И каково же оно, дорогой сын? – подхватывая шуточный тон, поинтересовался профессор. Остальные невольно подались вперед.

Ланс взял необходимую паузу, вглядываясь в наши заинтригованные лица, но под конец как всегда не удержал маску должной загадочности.

- Жить, - рассмеялся бывший капитан, и с нескрываемым наслаждением откусил кусочек яблока. – Крайне ответственная миссия, между прочим.

2002 — 2014